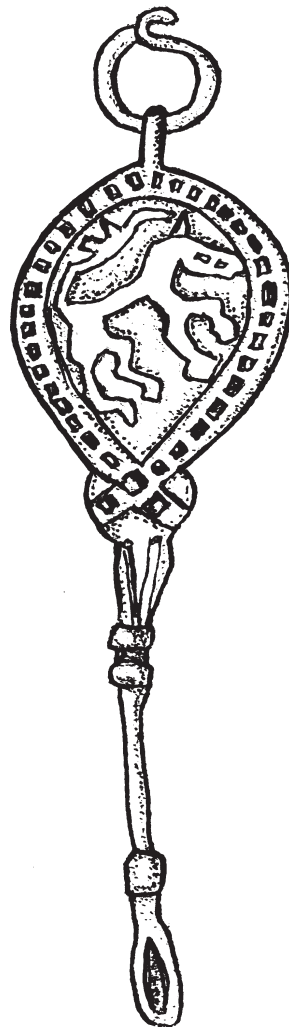

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории
Национальный центр археологических исследований

ОЧЕРКИ ПО АРХЕОЛОГИИ ТАТАРСТАНА

Учебное пособие для студентов
вузов и учителей истории

Казань – 2001

ББК
0

Редколлегия: **Р.С.Хакимов, Р.Р.Хайрутдинов,**
П.Н.Старостин (ответственный редактор),
Е.П.Казаков, Ф.Ш.Хузин

0 Очерки по археологии Татарстана. Учебное пособие /Редколлегия: П.Н.Старостин и др. — Казань: Изд-во «Школа», 2001. — 256с.

Книга написана научными сотрудниками Института истории АНТ в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов вузов и учителей истории. В ней обобщены новейшие материалы по археологии Татарстана, охватывающие большой хронологический период, начиная с эпохи камня и до Казанского ханства включительно.

ISBN

© Институт истории АН РТ, 2001
© Издательство «Школа», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

На территории нашей Республики в настоящее время известно свыше 5 тыс. археологических памятников. Такого количества археологических объектов нет ни в одной из соседних областей и республик. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, Татарстан - это зона слияния крупнейших рек Восточной Европы - Камы и Волги, это территория стыка двух природных зон - леса и степи. Широкие пойменные луга и степи всегда привлекали к себе скотоводов. Плодородные земли края тысячелетия назад позволяли заниматься земледелием. С глубочайшей древности в наш регион стремились собиратели, охотники, рыболовы. Во-вторых, большое количество археологических памятников на территории Татарстана - один из убедительных показателей богатой и сложной истории нашего края.

По археологии Татарстана опубликовано немало монографий, сборников, брошюр, статей. К сожалению, очень немного популярных книг по древнейшему периоду истории нашего края. Пособий для студентов по археологии Татарстана нет вообще. Этот пробел, на наш взгляд, сможет в какой-то степени восполнить предлагаемая книга. Ее авторы не преследовали цели на полное и всестороннее изложение проблем археологии Татарстана, а стремились осветить их узловые вопросы.

П.Н.Старостин

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Историческая наука базируется на источниках. Круг их чрезвычайно обширен – это летописи, хозяйственные документы, надписи на надгробиях, легенды и предания, остатки древних поселений, захоронений и т.д. В общем плане источники подразделяются на письменные и вещественные. Письменные источники появились около пяти тысяч лет назад. Данные современной науки позволяют утверждать, что человек существует на земле около 2 млн. лет. Следовательно, большая часть жизни человечества связана с бесписьменной историей. Достоверные письменные источники по истории Татарстана и Нижнего Прикамья относятся к X столетию н.э.

Исследование древнейшего периода человечества в основном базируется на вещественных источниках и занимается этим специальная наука археология. Само слово “археология” восходит к двум греческим словам (“архайос” – древней и “логос” – учение), то есть учение о древности. Однако дать определение археологии, как единственной науке о древностях, мы не можем потому, что с древностями связаны и другие отрасли знаний (например, палеонтология, палеоботаника, палеогеография и др.). В настоящее время нет единого определения археологии, но в целом, можно полагать, что это наука, изучающая историю на основании вещественных источников.

Многие разделы истории часто получают прекрасное дополнение результатами анализа археологических источников (например, при изучении ремесленного производства, земледелия, домашнего скотоводства и т.д.).

Археология тесно соприкасаема с гуманитарными и естественными науками. Много можно приводить примеров о связи ее с этнографией, источниковедением и другими отраслями исторического познания. Очень часто скудные, отрывочные, неполные сведения письменных источников убедительно подкрепляются данными ар-

хеологии. Например, в письменных источниках есть сообщения о гибели городских центров Волжской Булгарии в 1236 г. в результате монгольского нашествия. При раскопках многих памятников волжских болгар домонгольского периода встречены следы монгольского погрома. Практически все верхние горизонты культурного слоя Билярского городища содержат следы пожара. В центральной части городища мощность слоя из угля и золы и других включений достигала 60–80 см, а местами до 1 метра. В этих же районах довольно частыми находками являются остатки человеческих костей. К объектам, разрушенным монголами, относится Соборная мечеть. Еще в прошлом столетии в данном районе фиксировалось множество беспорядочно разбросанных человеческих костей, остатки кожаных изделий, оружия и других предметов. Подобные факты зафиксированы раскопками 1972–1975 гг. При выборке котлована фундамента минарета мечети зафиксировано около десятка человеческих черепов. Очевидно, это были одни из последних защитников цитадели. Близкая картина монгольского погрома 1236 г. зафиксирована на Болгарском городище.

Археологи часто обращаются к материалам и результатам исследования языковедов. Названия многих озер, рек, болот, холмов и объектов местности восходят к далекому прошлому и в ряде случаев могут быть увязаны с носителями определенной археологической культуры.

В процессе работы археологи обнаруживают вещи, назначение которых не совсем ясно. В этих ситуациях они часто обращаются к данным этнографии – науке, изучающей традиционную культуру народов.

Пожалуй, больше, чем другие отрасли гуманитарных наук, археология связана с науками естественного профиля (биологией, математикой, химией, физикой и другими). При раскопках многих поселений и могильников в настоящее время накопился огромный вещевой материал (керамика, орудия труда, оружие, украшения, принадлежности костюма и т.д.). Обработать его можно только с использованием современной вычислительной техники и математических методов. В послевоенное время археологи стали широко применять методы естественных наук при датировке. При изучении металлических предметов применяются металлографические и химические анализы. Они позволяют определить химический состав

древнего металла, регион его распространения, многие вопросы производства и обработки.

В культурных напластованиях древних поселений встречаются кухонные остатки костей животных. Людей, впервые наблюдавших раскопки, часто удивляет процесс отбора из слоя обломков костей. Специалисты – палеозоологи по этим материалам могут определить, каким животным принадлежат кости, на каких животных древние люди охотились, какие животные преобладали в стаде, и даже какие породы домашнего скота разводило древнее население. В итоге изучение данных остатков позволяет представить одну из основных отраслей производящего хозяйства – домашнее скотоводство.

Без археологических материалов невозможно исследование древних этапов истории Татарстана и татарского народа. Без них нельзя представить также культуру городов Волжской Булгарии и Казанского ханства, их возникновение, торговые связи, ремесленное производство и другие проблемы. Благодаря археологии мы узнали о многих народах, живших в глубокой древности, названия которых до нашего времени не сохранились.

Состав археологических источников многообразен (остатки древних укреплений, поселений, жилищ, хозяйственных построек, комплексы предметов: украшений, принадлежностей костюма и т.д.). Данные источники обычно связаны с местами пребывания и деятельности человека (археологическими памятниками). В круг археологических памятников входят селища, городища, могильники, святилища, клады, дороги, оросительные системы и т.д. Наиболее многочисленными являются поселения и могильники. Среди поселений выделяются: стоянки–поселения эпохи камня и бронзы; селища – открытые (неукрепленные) поселения эпохи железа и городища – укрепленные поселения эпохи железа.

При раскопках древних поселений археологи изучают культурный слой – пласт грунта, содержащий следы деятельности человека. Он обычно включает остатки угля, дерева, кирпича, камня, золы и других материалов. Толщина или мощность культурных слоев на поселениях не одинакова. На стоянках в Татарстане в заполнениях жилищ и хозяйственных ям она достигает 2 и более метров. На поселениях Волжской Булгарии, особенно в городских центрах в заполнениях рвов и сооружений, мощность культурных напластований превышает 6 и более метров. Культурные слои на поселениях Средней

Азии и стран Востока иногда достигают нескольких десятков метров. На поселениях, где шло интенсивное строительство, особенно связанное с перекопами грунта, мощность слоя росла быстро. Кроме того, рост культурных слоев связан с физико–географическими условиями. В южных регионах, где частыми явлениями являются пыльные и песчаные бури, культурные напластования растут особенно интенсивно.

Археологи выделяют поселения однослойные и многослойные. Первые обычно связываются с одним периодом жизни людей; вторые – с двумя или более (зачастую разных народов). Многократное заселение одних и тех же мест можно объяснить благоприятными природными и географическими условиями, которые в разные времена привлекали древнее население. При изучении этих вопросов перед археологами встает задача зафиксировать стратиграфию (закономерности культурных напластований).

Другая большая группа археологических памятников – древние могильники. Значение их состоит в том, что основная часть языческих захоронений сопровождалась вещами (орудиями труда, посудой, украшениями; принадлежностями костюма, остатками жертвенной пищи и т.д.). Эти предметы позволяют извлечь разнообразную историческую информацию. Кроме того, археологам удается зафиксировать многие детали погребального обряда: особенности расположения могильников, устройство могильных ям, размещение погребального инвентаря, положение костяков и т.д. Общеизвестно, что погребальный обряд является очень стойким, консервативным. Его особенности позволяют отличать одну археологическую культуру от другой. При раскопках погребений археологи обязаны отбирать кости человека для дальнейшего их изучения специалистами–антропологами. По хорошо сохранившимся остаткам черепов может быть восстановлен прижизненный облик погребенного. Методика восстановления его по черепу впервые была разработана известным ученым М.М.Герасимовым, воссоздавшим портреты известных исторических деятелей (Тимур, Улук–бек. Ярослав Мудрый, Иван Грозный и других).

Наиболее распространенными являются две группы могильников: грунтовые и курганные. Грунтовые могильники обычно не имеют внешних признаков на поверхности, курганные – с насыпями. Курганы сооружались из земли, иногда с включениями деревянных конструкций и камня. Такие насыпи привлекали внимание людей с

давних пор. Возможно, поэтому с ними связано много легенд и приданий, бытующих поныне. В одних легендах сообщается о том, что насыпи оставлены в давние времена великанами. Они останавливались отдохнуть, вытряхнуть из обуви набившуюся землю, и образовались эти всхолмления. В других легендах повествуется, что под насыпями хранятся драгоценности, спрятанные неизвестно когда разбойниками. Осмотр насыпей и беседы с населением показывают, что находились “этнузиасты”, пытавшиеся раскопать курганные насыпи. На поверхности некоторых из них заметны остатки ям, не засыпанных кладоискателями, по-видимому, разочаровавшихся в предпринимаемых действиях.

Наибольшее количество курганов Татарстана находится в Закамье и на правом берегу реки Волги. Приходится сожалеть, что многие из них, стоявшие тысячелетиями, в последние годы стали распахиваться.

Из других археологических памятников, встречающихся в Татарстане, можно отметить древние оборонительные линии (валы и рвы) и клады (специально запрятанные ценные вещи). Представления населения о кладах обычно связываются с драгоценностями. Но древние клады часто включали наборы каменных орудий, медных и бронзовых предметов, изделий из железа и в период какой-то опасности их прятали. На территории Татарстана зафиксированы десятки кладов монет, украшений и принадлежностей костюма из серебра и золота, а также меди и бронзы, относящихся к эпохе Волжской Булгарии и Казанского ханства.

В процессе работы археологи часто оперируют понятием “археологическая культура”. В настоящее время у исследователей нет единого ее определения. Более или менее установившимся является признание того, что археологическая культура – это совокупность археологических материалов, объединенных территорией, отрезком времени, общими признаками. Названия археологических культур даются часто по первым наиболее полно изученным памятникам. Например, пьяноборская культура – по могильнику у с.Пьяный Бор (ныне Красный Бор) в Агрызском районе Татарстана; именьковская – по наиболее полно изученному городищу у с.Именьково Лаишевского района Татарстана, азелинская – по могильнику у с.Азелино Малмыжского района Кировской области. Другие культуры получили названия по некоторым характерным признакам. Например, срубная культура – по остаткам захоронений в деревянных срубах.

Некоторые культуры названы по региону их распространения: например, волго–камская культура неолита, усть–камская культура эпохи мезолита.

На территории Татарстана зафиксированы памятники более 20 археологических культур, датируемых от эпохи мезолита до средневековья.

Прежде чем заниматься изучением археологического памятника, его нужно найти. Подавляющее большинство таких памятников на территории Татарстана выявлено археологами–разведчиками. О многих археологических памятниках (могильниках, городищах, кладах) археологи получили сведения от старожилов. Для выявления археологических объектов в нашей республике начинают использоваться технические средства. Так, например, в 1970–х годах проводилась аэрофотосъемка Билярского городища и прилегающей к нему территории. С земли многие объекты этого памятника зафиксировать было невозможно. Но на полученных снимках хорошо стали заметными пятна древних разрушившихся кирпичных и каменных зданий, жилищ, улиц и других объектов. Фотосъемки общего плана городища с самолета потребовали в общей сложности нескольких часов. Инструментальная съемка плана группой людей могла занять не менее месяца.

После выявления археологического памятника можно заниматься его раскопками. Как и разведки, археологические раскопки должны вестись по разработанной методике. Но следует заметить, что все раскопки проводятся вручную. Основная часть грунта вскрывается при раскопках лопатами. Когда начинают выявляться какие-то объекты, используются ножи, скальпели и другие инструменты. Механизмы (скреперы, бульдозеры и т.д.) при археологических раскопках применяются лишь для снятия балласта (нанесенного ветром или насыпанного людьми грунта). При раскопках поселений исследователи должны фиксировать все культурные напластования и выявленные сооружения (остатки жилищ, ям, хозяйственных построек и т.д.) и залегание вещевых находок. Раскапывая могильник, исследователь обязан отметить устройство могильных ям, характер их насыпи, положение костяков, местоположение сопровождающего инвентаря и т.д. Фиксация полученных при раскопках материалов ведется в дневниках, чертежах, выявленные объекты фотографируются. Обнаруженные вещи при раскопках упаковываются для дальнейшей обработки в кабинетных условиях. На следующем

этапе (в кабинетных условиях) проводится обработка вещевых находок (найденные предметы реставрируются, промываются, шифруются, консервируются, заносятся в коллекционные описи). После указанной обработки вещи передаются на хранение в музеи. К числу крупнейших археологических хранилищ мира относятся Государственный Эрмитаж (г.Санкт–Петербург) и Государственный исторический музей в г.Москве. Большие археологические коллекции сосредоточены в Государственном объединенном музее Республики Татарстан (г.Казань, ул.Кремлевская, 2). Они собирались многими поколениями археологов. Данный музей является основным хранилищем археологических коллекций нашей Республики.

В кабинетных условиях по итогам работ исследователь пишет научный отчет, включающий текст, фотографии, рисунки и чертежи. Отчет является основным документом по результатам исследования памятника, потому что в процессе раскопок культурные слои и погребения практически уничтожаются: остается по ним лишь документация в виде отчета.

Проведение археологических работ (разведок и раскопок) разрешается только специалистам на основании документов – Открытых листов. Согласно Постановлению Кабинета Министров Республики Татарстан (№ 746 от 16 октября 1995 г.) “Об организации исследований и сохранении памятников археологии на территории Республики Татарстан” право выдачи Открытых листов предоставлено Национальному центру археологических исследований (НЦАИ) Института истории Академии наук Татарстана. НЦАИ придан статус головной организации археологических исследований на территории Республики Татарстан. Самовольные археологические разведки и раскопки запрещены. Логика, как уже отмечалось выше, состоит в том, чтобы исследования велись на высоком научном уровне и чтобы результаты работ (разведок и раскопок) были тщательно зафиксированы и надежно сохранены. К сожалению, до недавнего времени в Татарстане имели место раскопки, предпринимаемые некоторыми школами, чтобы пополнить экспонатами местные музеи. Сил для завершения начатых раскопок зачастую не хватало. Поэтому памятники забрасывались и гибли. Какое–то время многие школьные музеи начинали функционировать, но с уходом из школ учителей–энтузиастов они прекращали существование, а коллекции терялись.

Археологические памятники требуют особого внимания, заботы и сохранения. Их количество не растет. Новые объекты лишь выявляются исследователями. Археологические памятники очень ранимы. Они обычно находятся в земле и не имеют особых внешних признаков. Большая часть разрушений памятников археологии связана с земляными работами (пахотой и строительством). Огромный урон памятникам археологии Татарстана был нанесен строительством Куйбышевской и Нижнекамской ГЭС. Водами этих рукотворных морей смыто около 700 памятников, датируемых от эпохи палеолита до позднего средневековья. Берега водохранилищ поныне еще не сформировались, поэтому многие объекты продолжают разрушаться. В Татарстане в последние десятилетия велись гигантские работы, связанные со строительством КАМАЗа, ЕЛАЗа, Камской атомной электростанции, новых городов, нефтяных и газовых коммуникаций и т.д. К сожалению, основная часть зон этих строек не изучались в археологическом отношении.

Много сил и энергии ученые уделяют периодизации и хронологии древностей. Периодизация – это выделение различающихся друг от друга этапов. Слово “хронология” – происходит от латинского слова “хронос” (время), то есть определение вещей во времени. В практике археологи оперируют двумя понятиями – абсолютная хронология и относительная хронология. Последняя предполагает определение предметов или комплексов более ранних и более поздних. Абсолютная хронология – это определение конкретных дат.

При относительной хронологии часто используют сравнительно–типологический метод. Суть его состоит в классификации вещей и объектов и выделении в конечном счете типов. При относительной хронологии очень важным являются условия стратиграфического залегания находок. Археолог обязан очень четко выявлять дневной уровень сружений (уровень, на котором стояли древние строители). На поселениях часто одно сооружение (хозяйственная яма, жилище, мастерская) прорезано другим, поэтому в плане и в профилях исследователи должны фиксировать, какое сооружение более древнее, а какое более позднее.

При абсолютной датировке исследователи часто пользуются уже хорошо датированными предметами (украшениями, принадлежностями костюма и т.д.). Очень важно также учитывать комплексы вещей из одного погребения, клада, хозяйственной постройки, культурного слоя. При этом время этого комплекса определяется по

поздним находкам. Например, в кладе могут быть монеты 14 и 15 столетия. Но закопан клад, естественно, не ранее 15 в.

В процессе определения дат древних вещей могут быть использованы материалы палеонтологии и палеоботаники. Например, при определении датировок древнейших поселений архелогии используют кости ископаемых животных. Если в культурном слое вместе с кремневыми изделиями встречены остатки костей мамонта, то есть основания датировать этот памятник не позднее эпохи верхнего палеолита, в более позднее время эти животные уже вымерли.

В практике работы археологи используют также данные споро-пыльцевого анализа. Известно, что в цветах растений бывает много пыльцы. Часть ее попадает в грунт и превращается в споры (покрывается окаменевшей оболочкой) и сохраняется в культурном слое. При анализе грунта палеоботаники под микроскопом выделяют споры пыльцы и по ним определяют какая растительность была в древности. Это дает возможность определить климатические условия, в которых отлагался культурный слой, и определить его дату.

В послевоенное время стал широко использоваться метод датировок по радиоактивному углероду C^{14} , разработанный профессором Чикагского университета Вилардом Либби. Радиоактивный углерод находится в атмосфере и усваивается и накапливается растениями и животными. После смерти организмов идет процесс его распада. По степени распада радиоактивного углерода можно судить о времени жизни организма. Исследуются остатки на C^{14} в специальных лабораториях. Точность датировок этого метода $\pm 50-100$ лет. В качестве образцов для анализа берутся остатки дерева, угля, костей, раковин и других, содержащих органику, предметов. При определении времени памятников радиоактивным методом обязательно должен быть учтен радиоактивный фон местности.

Следует также отметить использование при датировке археологических памятников дендрохронологию (датирование по древесным кольцам). Давно известно, что в течение года у ствола дерева вырастает одно кольцо. На первый взгляд, толщина древесных колец одинакова, на самом деле они отличаются. Это зависит от климатических условий, солнечной радиации и других причин. Измерив толщину колец спила дерева, результаты можно изобразить графически. Сопоставление с графиками остатков дерева из других участков раскопа и слоев позволяет фиксировать, что графики толщины колец в какой-то части совпадают. В итоге можно получить очень

обобщенный график. Какой-то остаток дерева может датироваться абсолютно. Поэтому в итоге можно создать эталонную хронологическую шкалу. Такая шкала была получена для древнего Новгорода. Но дендрохронологическая шкала работает лишь для определенного региона, так как климатические условия регионов разные. Поэтому закономерности наслоения колец по разным регионам могут не совпадать.

Существуют и другие естественно-научные методы датировок.

История археологических исследований на территории Татарстана уходит в довольно далекие времена. В знаменитой записке Ибн-Фадлана о его путешествии с багдадским посольством на территорию Волжской Булгарии (922 г.) сообщаются сведения о находках костей ископаемых животных. Возможно, что с некоторыми остатками были встречены какие-то каменные орудия древнего человека. При раскопках Булгарского городища в культурных слоях XIV в. археологами встречены поздние римские медные монеты. Не исключено, что в далекое время были какие-то собиратели древних предметов – коллекционеры.

В 1722 г. Булгарское городище посетил Петр 1. Остатки этого памятника, по-видимому, произвели на царя сильное впечатление. Он распорядился сделать переводы надписей с болгарских и армянских надгробий, провести ремонтные работы и охранять памятники древнего города.

Во второй половине XVIII в. Палласом и Лепёхиным проведено описание Булгарского городища. В первой половине XIX в. болгарские памятники были описаны казанскими краеведами и учеными Ф.И.Эрдманом, Свиныным, Н.Н.Кафтанниковым и другими.

В 1877 г. вышла книга профессора Казанского университета С.М.Шпилевского “Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии”, в которой собран богатейший материал по памятникам рассматриваемого региона.

Большую роль в развитии археологических исследований сыграло образовавшееся в 1878 г. при Казанском университете Общество археологии, истории и этнографии. Оно просуществовало до начала тридцатых годов XX в. Обществом опубликовано более тридцати томов научных трудов (Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете). Научная значимость многих работ, изданных обществом, не утрачена и поныне.

Казань в конце XIX – начале XX столетия стала одним из центров археологических исследований в России. В это время были проведены раскопки на Ананьинском могильнике, могильниках пьяноборской культуры, на стоянках эпохи камня и бронзы в окрестностях г. Казани, Булгарском и Билярском городищах и других объектах.

Археологические памятники привлекали внимание и татарских ученых — Ш.Марджани и Г.Ахмарова.

Большим событием было открытие Казанского музея (1895 г.), в котором начали сосредотачиваться археологические материалы.

Но в целом в дореволюционное время изучение археологических объектов на изучаемой территории носило случайный характер, если не считать сбор сведений по ряду объектов, проводимый учеными, чиновниками, путешественниками или просто любителями.

В 20–30–е гг., когда страна переживала серьезные трудности, археологические исследования носили эпизодический характер. Шел процесс перехода археологической науки на марксистские позиции, зачастую пронизанные схематизмом. В эти годы археологические исследования в республике вели М.Г.Худяков, В.Ф.Смолин, Н.Ф.Калинин. В тридцатые годы под руководством А.П.Смирнова начались исследования Суварского и Булгарского городищ.

Большим событием в археологии Татарстана следует считать открытие в 1939 г. Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ), в котором с 1942 г. стал работать Н.Ф.Калинин. В 1945 г. ИЯЛИ вошел в состав образованного Казанского филиала АН СССР и стал головной организацией в археологических исследованиях на территории Татарстана. Позднее в секторе истории образовалась археологическая группа, руководимая Н.Ф.Калининым, которая в 1962 г. преобразовалась в сектор археологии и этнографии. В 1985 г. была образована самостоятельная лаборатория археологии (позднее переименованная в отдел). В 1995 г. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан отдел реорганизован в Национальный центр археологических исследований Республики Татарстан.

В 1945 г. еще не закончилась война, но перед учеными была поставлена задача провести археологические обследования всей территории республики и составить археологическую карту. Эти работы первоначально возглавлялись Н.Ф.Калининым, а после его кончины А.Х.Халиковым. В разные годы в обследовании принима-

ли участие Т.А.Хлебникова, Р.С.Габяшев, Р.Г.Фахрутдинов, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин и другие исследователи. К началу 80–х годов сплошное обследование территории республики было в основном завершено. По его результатам подготовлено 6 книг археологической карты республики (последняя опубликована в 1990 г.). В них включено 4378 памятников от эпохи среднего палеолита до позднего средневековья. Это бесценный источник по древней истории Татарстана.

Казанскими археологами в послевоенные годы велись масштабные исследования в зонах строящихся и функционирующих водохранилищ. В начале 50–х годов в Куйбышевской археологической экспедиции (руководитель А.П.Смирнов) участвовали Н.Ф.Калинин, А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова, А.М.Ефимова, О.С.Хованская и др. После наполнения водохранилища обследованием его зоны занимались А.Х.Халиков, Т.А.Хлебникова, Р.Г.Фахрутдинов, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин, В.Н.Марков и другие исследователи. Коллектив археологов ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова (А.Х.Халиков, П.Н.Старостин, Р.С.Габяшев, Е.П.Казаков, М.Г.Косменко) участвовал в изучении памятников археологии в зоне затопления Нижнекамской ГЭС. А.Х.Халиков, Р.С.Габяшев, П.Н.Старостин работали в шестидесятые годы в зоне затопления Чебоксарской ГЭС. Работы в зоне водохранилищ ГЭС позволили выявить и исследовать множество объектов, получивших всемирную известность (памятники эпохи мезолита; ананьинского времени; могильники именьковской культуры; болгарские торгово–ремесленные поселения и т.д.).

Особое внимание исследователи уделяли болгарским памятникам. Под руководством А.Х.Халикова, В.Ф.Генинга, Е.А.Халиковой, Е.П.Казакова проведены широкие раскопки раннебулгарских могильников, давших конкретный материал о приходе волжских болгар и формировании их культуры.

А.М.Ефимовой, А.Х.Халиковым, Т.А.Хлебниковой, В.Ф.Генингом, Е.П.Казаковым, Е.А.Халиковой, Ф.Ш.Хузиным, Р.Ф.Шарифуллиным исследовались материалы Волжской Булгарии домонгольского времени; крупномасштабными стационарными работами изучалось Билярское городище.

В 1938 г. под руководством А.П.Смирнова началось изучение одного из крупнейших городов Восточной Европы – г.Булгара. В этих работах активное участие принимали А.М.Ефимова, О.С.Хованская, З.А.Акчурина, Т.А.Хлебникова, М.Д.Полубояринова, Р.Ф.Шарифуллин,

Н.Д.Аксенова, Д.Г.Мухаметшин и другие археологи. Многие памятники Булгарского городища музеефицированы и превращены в объекты для показа туристам. В настоящее время опубликованы три книги очерков по истории и культуре города Булгара. В России можно назвать немного археологических памятников, которые изучаются так целеустремленно, последовательно, систематично.

Значительные работы проведены Н.Ф.Калининым, а позднее Р.Г.Фахрутдиновым и А.А.Бурхановым в районе д.Русский Урмат Высокогорского района. Под руководством Н.Ф.Калинина, позднее А.Х.Халикова при участии Л.С.Шавохина и А.Г.Мухамадиева, ныне Ф.Ш.Хузина широкие раскопки проводятся в Казанском Кремле.

В развитии археологии и сохранении археологического наследия Татарстана большую роль сыграло создание историко-археологических заповедников (Булгарского, Билярского, Иски-Казанского, Елабужского, Казанского Кремля).

В послевоенные годы в Татарстане стали развиваться эпиграфика (исследования Г.В.Юсупова, Ф.С.Хакимянова, Д.Г.Мухаметшина), нумизматика (работы А.Б.Булатова, А.Г.Мухамадиева, Р.М.Валеева), применение естественно-научных методов в археологии (палеозология – исследования В.А.Попова и А.Г.Петренко).

В настоящее время археологические исследования проводятся Академией наук Республики Татарстан, КГУ, КГПУ, ГОМТР, Управлением по охране и использованию памятников истории и культуры при Министерстве культуры Татарстана и заповедниками.

В послевоенные годы в г.Казани опубликованы более шестидесяти монографий, сборников и популярных книг по археологии Татарстана. К сожалению, учебной литературы по археологии Республики очень немного.

ОЧЕРК 2.

М.Ш.Галимова

ДРЕВНЕЙШИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЛГО-КАМЬЯ (ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ)

Вся история человечества от появления древнейших обезьяно-подобных людей (свыше 2 миллионов лет назад) до современности совпадает с четвертичным геологическим периодом. Эпоха палеолита (древнего каменного века) охватывает большую часть этого периода и связана с эоплейстоценом и плейстоценом. Начавшийся около 10 тысяч лет назад современный этап четвертичного периода – голоцен – ознаменовался новой археологической эпохой – мезолитом (средним каменным веком). За сравнительно небольшой отрезок времени (последние 7–8 тысяч лет) общество прошло неолит (новый каменный век) и более поздние археологические эпохи.

В палеолите происходили важнейшие процессы формирования человека современного физического типа и человеческого общества. Древние люди учились преодолевать тяготы сурового климата оледенений. Они освоили получение огня, изготовление орудий труда из камня, кости и дерева, стали шить одежду, строить жилища и заселили обширные пространства всех материков земного шара.

Археологами принято деление палеолита на периоды. Первой, древнейшей эпохой считается олдувайская (более 2 млн. – 700 тыс. лет назад), за ней следует древней ашель (300–100 тысяч лет назад), далее – мустье (100–35 тыс. лет назад) и, наконец, поздний или верхний палеолит (35–10 тыс. лет назад). Первые четыре эпохи часто объединяют в нижний (древний или ранний) палеолит.

Олдувай – время существования так называемого “человека умелого” – обезьяноподобного существа, изготавливавшего примитивные орудия труда. В ашеле появился питекантроп (человек прямоходящий), в мустье – неандерталец. С началом позднего палеолита связано возникновение человека разумного (*Homo sapiens*).

В четвертичном периоде было повсеместное похолодание климата и ритмичность изменения природных условий. Эта ритмичность заключалась в чередовании суровых ледниковых и более мягких межледниковых периодов. В период оледенения огромные пространства превращались в ледяные пустыни. Температура в этих местах не поднималась выше нуля. Жизнь человека была возможна лишь к югу от этих регионов. У края ледника располагались приледниковые области, представлявшие собой тундровые ландшафты. Южнее были холодные лесостепи и степи. В этой приледниковой зоне обитали стада ныне вымерших животных: мамонтов, шерстистых носорогов, а также диких лошадей, бизонов, туров, овцебыков, северных оленей и других. Особенностью природы оледенений было смешение ландшафтных зон и фауны этих зон. Так, бок о бок в приледниковой зоне обитали представители тундры (овцебык, песец, северный олень) с животными степей и лесов (бизон, благородный олень, лошадь, сайгак). Основная часть Среднего Поволжья и Приуралья входила в приледниковую зону, здесь установилась вечная мерзлота.

Первоначальное появление людей в нашем крае следует относить (на сегодняшнем уровне знаний) к среднему палеолиту (эпоха мустье). Заселение умеренной зоны Евразии, в которой отчетливо выражаются сезонные климатические колебания с резкими перепадами температур и длительным снежным покровом, стало возможным только после освоения человеком огня, появления теплой одежды и жилищ. Первое проникновение людей на Восточно-Европейскую равнину произошло, судя по самым ранним находкам, в позднем ашеле (в днепровское оледенение) 275–120 тыс. лет назад. Благоприятные условия теплого микулинского межледниковья позволили освоить пространства Русской равнины до 54-ой параллели. Свидетельством продвижения людей на север в это время являются стоянки Хотылево близ г.Брянска и Сухая Мечетка на окраине г.Волгограда.

В мустьерское время (140–40 тыс. лет назад) сравнительно высокого уровня достигла техника раскалывания и вторичной обработки камня. Неандертальцы получали отщепы совершенной формы, предназначенные для изготовления орудий. Эти отщепы скалывались со специально подготовленных кусков камня или галек, которые называются нуклеусами или ядрищами. Характерными орудиями мустьерцев были разные типы остроконечников и скре-

бел. Остроконечники использовались как ножи, кинжалы, наконечники копий и рогатин. Скребла употреблялись при разделке туши, обработке шкур и дерева. Часто встречаются на мустьерских стоянках и зубчатые орудия – отщепы и сколы с мелкими выемками по краям, которые служили для резания и пиления. Интересны небольшие рубила разных форм, оббитые с обеих сторон. Мустьерские орудия обрабатывались с помощью отбойника – округлой гальки. При нанесении ретуши употреблялись ретушеры – куски камня или кости, которыми ударяли или надавливали на края обрабатываемого орудия.

Эпоха мустье характеризуется прогрессом в охоте. Охота на таких гигантов, как мамонт, могла быть удачной, если велась коллективно. На них, а также на бизонов, лошадей и других животных, устраивали облавы, гнали их к обрывам, болотам или топям, где те гибли и становились добычей охотников. В качестве оружия неандертальцы использовали копья, пики с кремневыми наконечниками, а также бола. Кроме облавной охоты, иногда применялась одиночная (подстерегание животных). Практиковалась также охота на птиц и ловля рыбы. Важную роль играло собирательство, о чем говорят находки терок и пестов из галек на мустьерских стоянках.

Палеолитические охотники предпочитали селиться поблизости от воды, по берегам рек, озер, на склонах холмов, террасах. На открытой местности без естественных убежищ они строили жилища. В теплое время года наиболее удобным был шалаш. В зимнее время людям необходимы были прочные и теплые долговременные жилища. Обычно это были землянки и полуземлянки. В приледниковой зоне, где дерева было мало, остов жилища складывался из крупных костей мамонта, носорога и других животных. Затем он покрывался шкурами и засыпался землей.

Долгое время считалось, что в эпоху мустье люди еще не строили постоянных жилищ. Однако, в 1958–59 гг. советский археолог А.П.Черныш во время раскопок палеолитического поселения Молдова 1 на правом берегу Днестра обнаружил остатки мустьерского долговременного жилища. Затем последовали находки жилищ и в других местах. Жилища в Молдова 1 представляли собой овальную выкладку из специально подобранных крупных костей мамонта площадью 10x7 м. Внутри пояса из костей была сосредоточена основная масса палеолитических культурных остатков и следы 15 костров. Это жилище, вероятно, представляло шалаш с каркасом из жер-

дей, покрывавшимся шкурами мамонтов. Мустьерские жилища были еще примитивны по своей конструкции.

Среди мустьерских памятников выделяются мастерские, стоянки – мастерские, кратковременные охотничьи лагеря, долговременные “базовые” поселения. Для мастерских характерно обилие расколотого кремня – ядрищ, отщепов, сколов – и небольшое количество костей животных, остатков очагов. Мастерские располагались обычно поблизости от выходов кремня. Кратковременные охотничьи лагеря содержат мало каменных изделий. Найденные там кости принадлежат обычно лишь нескольким убитым поблизости животным. На долговременных поселениях обычно фиксируется мощный культурный слой, насыщенный изделиями из камня и костями животных, с хорошо выраженными очагами, а иногда и остатками жилищ.

Тяжелые условия жизни, связанные с ведением охоты, постройкой жилищ, охраной их от соседей и диких зверей способствовали укреплению коллективизма. В одиночку невозможна была охота на крупных животных, особенно загонная. Такое было под силу только большому коллективу – общине или нескольким общинам, объединившимися для совместной охоты. Но даже тогда, когда человек охотился или ловил рыбу в одиночку, его добыча была частью добычи общины. В общине неандертальцев уже бытовала забота о каждом из ее членов. Об этом свидетельствуют находки останков людей – инвалидов с мустьерских памятников (пещеры Шанидар в Иране и Ля Шапелль во Франции). В это же время появляются первые захоронения людей. Причинами появления погребений у неандертальцев были забота о мертвых членах своего коллектива и одновременно страх перед ними, побуждавший помещать их в яму, засыпать землей и т.п. В эпоху мустье в человеческих коллективах зарождаются тотемизм и магия, появляются первые графические изображения (круги, линии, кресты и т.д.).

На большей части Среднего Поволжья в первой половине эпохи мустье (микулинское межледниковье) произрастали смешанные широколиственные леса, состоящие из граба, липы и дуба с елью. Известное местонахождение ископаемой флоры и фауны в битуме у с.Кармалка (Лениногорский район Татарстана) предположительно относится к этому времени. Состав растений свидетельствует о расположении этого местонахождения в зоне широколиственных лесов: ольха, лесной орех, можжевельник, канареечник, камыш, ро-

гоз. Среди остатков 19 видов млекопитающих, найденных здесь, определены: волк, бурый медведь, зубр, лошадь, олень, песец, грызуны.

В суровом климате раннего валдая (калининское оледенение, 70–50 тысяч лет назад) на территории нашего края, как и всей Восточной Европы, существовала скудная тундро–степная растительность с обилием папоротников, мхов, грибов. В периоды относительных потеплений здесь произрастали леса с участием карликовой березы. Реконструкция климатических характеристик перигляциальной зоны Русской равнины, проведенная профессором Казанского университета Г.П.Бутаковым, показала, что среднегодовая температура (–5,5–6,5°) была ниже современной на 10–11°. Многолетняя мерзлота охватила весь регион.

Валдайское оледенение – время существования животных так называемого “мамонтового” комплекса. В него входили: мамонт, шерстистый носорог, лошадь, бизон, овцебык, сайгак и др. Эта фауна характеризуется смешением представителей тундровых, степных и полупустынных ландшафтов. Остатки животных мамонтового комплекса в изобилии залежали на галечниковых отмелях в русле Волги, ныне затопленных водохранилищем Куйбышевской ГЭС. Изучение этих отмелей велось еще с середины XIX в. Таковы местонахождения у сел Красновидово, Ундоры, Мысы, Мансурово, в урочищах Тунгуз, Красная Глинка и др. Кроме вышеперечисленных животных, на волжских галечниках были найдены кости гигантского и благородного оленей, осла, лося, медведя, бобра.

Вероятно, к эпохе мустье относится древнейшее на Средней Волге местонахождение кремневых предметов в урочище Красная Глинка на юге Татарстана (ныне затопленное). Находки были обнаружены в 1953 г. М.З.Паничкиной в осыпи под обрывом, на мысу правого берега Волги. Среди находок следует отметить три скребла на массивных кремневых отщепках (рис.1–1,2,4), две гальки с оббитыми приостренными концами –чопперы (см.рис.1–3), отщеп с ретушью, аморфные ядрища, крупные отщепы без вторичной обработки. Древнейшими находками на галечниковых косах Средней Волги являются также каменные изделия с полуострова Тунгуз: остроконечник, скребла, отщепы с ретушью. Аналогичные предметы были обнаружены на Ундорском острове, а также на косе у бывшего села Мысы в устье Камы. Мустьерский облик имеет также остроконечник, найденный в 1931 г. Г.А.Бонч–Осмоловским на берегу Волги в

районе г.Тетюши. К сожалению, находки мустьерского времени в нашем крае носят фрагментарный характер и не позволяют решить вопрос о путях его первоначального заселения.

В условиях сурового валдайского оледенения люди позднего палеолита продвинулись в Восточной Европе значительно севернее мустьерцев. Самая северная в Европе позднепалеолитическая стоянка у деревни Бызовая в среднем течении р.Печоры находится в 175 км к югу от Полярного круга. Дата ее – 25,5 тысяч лет назад. Условием успешного освоения северных районов стал дальнейший прогресс во всех областях жизни людей современного физическо-го облика. Позднепалеолитические поселения демонстрируют дальнейшее развитие загонной формы охоты. Это находит отражение в огромных скоплениях костей убитых на охоте животных на стоянках. Так, например, на стоянке Мальта (под Иркутском) найдены кости свыше 400 северных оленей, в Амвросиевке (Донецкий бассейн) – 1000 зубров. Особенно активной в конце палеолита была охота на северного оленя.

Новые приемы охоты требовали лучшей организованности охотников. Широко используются кость, рог, бивни мамонтов при изготовлении орудий, оружия, постройки жилищ. В это время появляются, например, высокоэффективные длинные копья из бивня мамонта, топоры и кирки из рога. Практиковалась охота на мелких животных: ловили ямами, силками и пр. На стоянках позднего палеолита встречаются кости одомашненного волка. Продолжало существовать и рыболовство, игравшее, однако, незначительную роль в хозяйстве. Важное значение в добыче пищи имело собирательство. На некоторых позднепалеолитических стоянках было найдено много плит – зернотерок и пестов для растирания зерен.

Дальнейшее развитие получила в позднем палеолита техника обработки камня. На стоянках часто встречаются хорошо ограненные ядрища призматической формы. От них откалывали не только отщепы, но и узкие удлинённые ножевидные пластины с острыми прямыми краями. Многие из них без всякой дополнительной обработки использовались как ножи. Наиболее распространенными и разнообразными орудиями в позднем палеолите были резцы, скребки, ножи, скребла, долотовидные орудия, проколки, остря, наконечники ножей и дротиков. В позднем палеолите возникло также сверление по камню и кости.

Наиболее распространенными типами жилищ в позднем палеолите были небольшие округлые или овальные хижины. Бытовали также землянки, полуземлянки и наземные сооружения. Вместе с тем, археологами раскопаны и длинные дома с несколькими очагами по оси жилища. Часто дома имели каркасы, сложенные из костей и бивней мамонтов, оленьих рогов. Однако нередко нагромождения костей в остатках жилищ отсутствует: видимо, каркас строился из жердей. Хотя в позднем палеолите была известная оседлость, люди не находились постоянно в своих поселках. Охотничий образ жизни требовал временных передвижений в поисках добычи. Раскопками зафиксировано существование в позднем палеолите временных охотничьих стоянок у водоемов, а также кремнеобработывающих мастерских.

В позднем палеолите численность населения была очень мала. Общины осваивали большие площади. Например, община из Мезинской стоянки (Украина), состоявшая из 50 человек, осваивала 750 кв.км. Она владела жилыми постройками, в собственности ее были оружие, снасти, одежда, домашняя утварь. Широко распространено мнение, что в малых жилищах с одним очагом обитала парная семья. В больших жилищах со многими очагами также, вероятно, каждая семья владела одним очагом.

В позднем палеолите уже был развит межобщинный обмен. Так, обсидиан (вулканическое стекло) с Кавказа был найден на стоянках в Костенках (близ Воронежа). В это время появляются изделия изобразительного искусства. Это и статуэтки животных и человека, вырезанные из бивней мамонтов: гравировка на орудиях и украшениях, кости и рога, изображения животных, выполненные с поразительным реализмом на стенках пещер. Так, в широко известной Каповой пещере (Шульганташ), расположенной в верховьях р.Белой, находятся около 40 наскальных рисунков (мамонтов, носорогов, лошадей). В позднем палеолите происходит зарождение разных форм первобытной религии – анимизма, тотемизма, магии.

Позднепалеолитическая эпоха в Среднем Поволжье изучена значительно лучше, чем мустьерская. Климат среднего валдая (50–24 тыс. лет назад) был здесь близок к современному. В это время в нашем крае росли хвойные леса с примесью широколиственных пород. Затем началось постепенное похолодание, достигшее максимума в позднем валдае. По данным палеоботанических анализов из отложений поздней палеолитической стоянки Юнга–Кушерга на

правом берегу р.Волги в республике Марий Эл зафиксирован переход от лесостепи к приледниковой тундро–степи. В это время исчезли широколиственные породы и береза, уменьшилось количество хвойных деревьев. В ландшафте преобладали травянистые растения. Вместе с кремневыми предметами в культурном слое стоянки Юнга–Кушерга, раскопанной А.Х.Халиковым, найдены кости животных: мамонта, быка, лошади, носорога, лося, северного оленя.

По общему мнению исследователей четвертичного периода, поздневалдайское (осташковское) оледенение (24–10 тыс. л.н.) было самым суровым. Несмотря на то, что граница ледника проходила далеко от Среднего Поволжья, здесь установился приледниковый ландшафт с наличием березы, ели и сосны. По подсчетам Г.П.Бутова, среднегодовая температура понизилась на 11,5–12,5° и составляла – 7–8°. Среднеянварские и среднеиюльские температуры составили соответственно – –28–29° (ныне –14°) и +11 (ныне +21°). Климат был очень сухим. На переходе от плейстоцена к голоцену произошло потепление, но повышение влажности несколько запаздывало.

На вышеупомянутой стоянке Юнга–Кушерга в культурном слое были найдены кремневые предметы, раздробленные кости животных, угли, куски охры. Среди находок примечательны пластины, ядрища, листовидное острие, коцневой скребок на пластине, мелкие резцы, долотовидное орудие, фрагменты пластин и отщепы с ретушью. Малочисленность находок говорит о том, что стоянка палеолитических людей функционировала недолго (скорее всего, один сезон). Иной облик имеют стоянки поздневалдайского времени, раскопанные М.Г.Косменко и М.Ш.Галимовой в Татарстане. Они располагаются компактной группой на правом берегу Волги ниже устья Камы на участке длиной 30 км от пос.Камское Устье до г.Тетюши.

Стоянка Камское Устье II находится на мысу между обрывом берега высотой 30 м и крупной балкой на территории нефтебазы у горы Лобач. Памятник представляет собой кремнеобрабатывающую мастерскую с тремя культурными слоями. Нижний – позднепалеолитический, средний – мезолитический, верхний – эпохи неолита–бронзы. В большой коллекции кремневых предметов из нижнего слоя подавляющее большинство составляют отходы производства орудий – куски и осколки кремня. Орудия составляют всего 4%

общего числа находок, что вполне обычно для мастерских. Здесь же найдены различные ядрища. Ведущей группой орудий являются резцы. Обнаружены также разнообразные скребки, пластинки с затупленным концом, острия, долотовидные и скребловидные орудия. Особенностью инвентаря этой стоянки является то, что орудия изготавливались часто не на ножевидных пластинках, а на аморфных пластинках, сколах и отщепах.

Стоянка Лобач II расположена в 3 км ниже по течению Волги от Камско–Устьинской стоянки, на юго–восточной оконечности горы Лобач. Культурный слой кремнеобрабатывающей мастерской залегает в обрыве берега на глубине 1,5–2 м от поверхности. Здесь также вскрыты остатки кремнеобрабатывающей мастерской. Найдено 5 ядрищ и 15 орудий, большинство из которых изготовлено на удлиненных сколах, а также малочисленные сколы–отходы. Орудийный набор обычен для позднепалеолитических памятников Русской равнины: скребки (рис.1–6), резцы (рис.1–7), острия на пластинах (рис.1–9). Аналогичный кремневый инвентарь позднепалеолитического облика был обнаружен на стоянке Долгая поляна, расположенной на правом берегу Волги в Тетюшском районе.

Наиболее интересна большая коллекция из раскопок стоянки Сюкеевский Взвоз, расположенной на высоком берегу Волги (Камско–Устьинский район Татарстана). Стоянка–мастерская финального палеолита занимает всю площадь мыса, образованного устьями двух балок. Находки здесь, как и на стоянке Камское Устье, залегали скоплениями, связанными отдельными местами работой мастера, изготовлявшего орудия. Подавляющее большинство найденных предметов – отходы производства. Найдена большая серия ядрищ разных типов. Среди орудий ведущая роль принадлежит резцам (рис.1–19). Много скребков (рис.1–16), преимущественно концевых, есть острия, зубчато–выемчатые изделия, резчики, наконечники стрел в виде трапеций. Большинство орудий изготовлено на крупных пластинах. Интересна серия массивных орудий из конкреций кремня–скребел и рубящих (топор и две кирки).

К сожалению, на всех памятниках позднего палеолита в устье Камы не обнаружены остатки жилищ, кости животных, очаги и другие объекты. Это вполне закономерно для кремнеобрабатывающих мастерских. Невозможно пока определить и точную дату этих стоянок. На основании геологического изучения рельефа местности и характера отложений, содержащих находки, можно лишь утверж-

дать, что эти мастерские функционировали в суровых климатических условиях позднего валдая. Были ли группы людей, оставившие эти стоянки, родственными? Судя по значительному сходству ядрищ, орудий, пластин и в целом коллекций находок Камского Устья, Сюкеевского Взвоза, Лобача и Долгой Поляны – вполне вероятно. Как уже было отмечено, все памятники расположены недалеко один от другого в районе слияния Камы с Волгой в удобном для жизни месте. Более того, сходство с усть–камским палеолитом прослеживается в инвентаре позднепалеолитических памятников на Верхней Волге (стоянки Алтыново и Золоторучье у г.Углича), в Пермском Приуралье (стоянка Горная Талица), а также стоянки Постников Овраг в г.Куйбышеве. Очевидно, эти районы были местом обитания родственных групп палеолитических охотников, у которых имелись общие традиции в обработке камня.

В конце верхнего палеолита в жизни человеческих коллективов, обитавших в приледниковой зоне Европы, фиксируются крупные перемены. Около 10 тысяч лет назад произошло резкое потепление климата, исчез поздневалдайский ледник, наступил современный этап четвертичного периода – голоцен. Исчезла приледниковая растительность и фауна, устанавливались современные природные зоны. Исчезновение крупных животных мамонтового комплекса вынудило охотников сменить объекты промысла. Охота на мамонта давала крупным общинам, по подсчетам палеозоологов, в шесть раз больше мяса, чем на остальных животных, вместе взятых. Люди были вынуждены охотиться на более мелких животных. В финальном палеолите в жизни населения приледниковых равнин главную роль стала играть охота на северных оленей с помощью копья и лука в местах осенне–весенних переправ стад через реки, а также индивидуальная охота с луком в лесу. Изменение характера охоты вызвало совершенствование охотничьего оружия. Лук, изобретенный еще в позднем палеолите, стал основным оружием, совершенствовалась и копьёметалка. Эффективность охоты значительно повысила одомашнивание и начало использования на охоте собаки. Загонная охота сохранила свое значение, вероятно, только как эпизодическая форма. Возникла охота на птицу. В мезолите получило значительное развитие рыболовство. Люди стали широко использовать лодки, сети, верши и т.д. Часто рыбу ловили и острогами. В мезолите шире использовалась растительная пища, стали употребляться новые съедобные растения. В рассматриваемое вре-

мя входили в обиход специальные зернотерки, ступы, песты для растирания зерен. В мезолите получила распространение варка пищи.

В связи с изменением характера охоты мезолитические общины стали более подвижными и уменьшились по численности. Люди стремились более полно использовать разнообразные источники пищи и посещали в определенные периоды года постоянные места, когда созревал какой–то вид растений или появлялись животные. Таким образом, в одни и те же места общины возвращались из года в год. Так сложился сезонно–оседлый образ жизни. Сезонные поселения в мезолите существовали несколько десятков лет, о чем свидетельствуют археологические раскопки. Существовали и базовые лагеря и стоянки–мастерские у выходов каменного сырья.

Поселения в эпоху мезолита в основном устраивались на берегах рек, в низменных местах и были невелики по размерам. Площадь жилищ была также небольшой и они имели более легкую конструкцию, чем в палеолите. В каждом поселке обитало несколько десятков человек. Вероятно, население такого поселка составляло родовую общину, а жители нескольких поселков образовывали племя. В мезолите завершился процесс формирования племен с общей культурой, языком, типом хозяйства. Именно в это время увеличивается количество археологических культур.

В области материальной культуры эпоха мезолита характеризуется, в первую очередь, высоким уровнем техники получения ножевидных пластин, особенно микропластин. Широко применялись такие пластины для изготовления разнообразных резцов, скребков, проколов, сверл, ножей, пилок, скобелей, наконечников стрел и т.д.

В мезолите часто пластины получали не с помощью удара отбойником, а отжимом от края ядрища костяным отжимником. Появляется также совершенный технический прием – отжимная ретушь. Распространились также вкладышевые орудия. Рабочая часть этих орудий состояла из маленьких острых кремневых вкладышей, которые получали при поперечном рассечении призматических пластин. Вкладыши закреплялись в пазах костяной и деревянной основы орудия. Такие орудия значительно прочнее орудий из цельных пластин. Они были менее трудоемки в изготовлении, реже ломались, обладали острым рабочим краем. Кремневые вкладыши имели прямоугольную, треугольную, трапециевидную формы и получили название “геометрические микролиты”. Почти повсеместно распространились рубящие орудия – топоры, тесла, долота и т.д. В ряде ме-

зоолитических культур появилась техника шлифовки каменных орудий, а также техника сверления и пиления, используемая для производства в основном рубящих орудий. Произошли изменения в изобразительном искусстве. Оно приобретает схематический характер. Широко распространились геометрические изображения, сохранившиеся на костяных изделиях, а также мелкие фигурки людей и животных.

Эпоха мезолита в Европейской части России связана с древним и ранним голоценом. В древнем голоцено (позднем ледниковье), по данным В.Т.Шаландиной, в Среднем Поволжье существовал сложный комплекс флоры, включающий таежные, дубравные и степные элементы. На территории лесной зоны произрастали еловые, елово-сосновые, елово-березовые и сосновые леса. В Предволжье леса состояли, в основном, из ели. Имелась небольшая примесь широколиственных пород – липы, дуба, орешника. Ландшафты лесостепного Восточного Закамья были близки ландшафтам Предволжья. В понижениях рельефа росли еловые и сосновые леса, а на водоразделах находились открытые пространства, занятые степной растительностью.

В раннем голоцено (10–8,2 тыс. лет назад) на Средней Волге росли однообразные березово-сосновые леса. Береза преобладала в лесах на крайнем северо-западе лесной зоны и на юго-востоке закамской лесостепи. Роль ели в лесах раннего голоцена была невелика. Леса чередовались с безлесными пространствами, на которых произрастали травы. В Западном Закамье существовали низменные болота.

Поздний мезолит совпадает с первой половиной наиболее теплого этапа голоцена – атлантического периода (8,2–7 тыс. лет назад). В это время северная граница зоны лесов продвигается далеко в тундру. На севере Среднего Поволжья в это время росли широколиственные леса. Вместе с тем увеличилось число ели. В Предволжье Татарстана и Марий Эл широко распространились еловые леса. В Закамье большую роль играли дубравы. Говоря о животном мире эпохи мезолита в Среднем Поволжье и Приуралье, необходимо отметить малочисленность фаунистических материалов из раскопок мезолитических стоянок. Это в значительной степени обедняет реконструкцию хозяйства населения. Причины вымирания мамонтов, носорогов, пещерных медведей и других плейстоценовых животных ученые видят, прежде всего, в изменении климата и

ландшафта. Истребление их человеком лишь дополняло и усиливало этот процесс. Анализ фаунистических остатков из мезолитических стоянок Баринка 1 в Камско-Вятском междуречье и Деуково II на Нижней Каме, проведенный А.Г.Петренко, показал, что основными объектами охоты были лось, кабан, медведь, заяц, бобр. На II Деуковской стоянке встречены кости собаки, птиц, рыб, а на стоянке Баринка 1 – остатки косули и северного оленя.

Среднее Поволжье в эпоху мезолита было контактной зоной, где сосуществовало несколько археологических культур. Одна из них названа усть-камской. Действительно, все основные памятники этой культуры расположены в районе устья Камы. На левом берегу Волги находятся стоянки III Тетюшская, Косяковская, Любавская, IV Семеновская, VII Нижне-Марьянская, Измерский остров (Беганчик) и др. Ныне они занимают острова и размываются Куйбышевским водохранилищем. На высоком правом берегу Волги раскопаны два памятника усть-камской культуры – Камско-Устьинская стоянка (средний культурный слой) и Сюкеевский Взвоз (рассмотренный выше). Все мезолитические памятники в устье Камы являются стоянками-мастерскими. Остатки жилищ, кости животных на них пока не обнаружены. В распоряжении исследователей имеются лишь коллекции изделий из камня.

Приемы обработки сырья и изготовление орудий были общими для памятников усть-камского мезолита и отличались устойчивой традицией, сохранявшейся долгое время. От конкрекций кремня при работе усть-камские мастера оставляли ядрища конусовидной и призматической формы. Большинство орудий готовилось из крупных пластин правильной формы с ровными краями. Среди орудий преобладали различные резцы, есть скребки на концах пластин, округлые скребки на отщепах, ножи на пластинах с намеренно затупленным краем (в виде обушка), скобели на отщепах, скребла, сверла и проколки. Особенностью инвентаря усть-камских памятников являются оригинальные орудия в виде симметричных трапеций с вогнутыми ретушированными сторонами, служившие, вероятно, наконечниками стрел. Есть комбинированные орудия: резцы-скребки, скребки-ножи, скребки-скобели. Высокий уровень техники обработки кремня демонстрируют серии микропластин (ширина их не превышает 1 см), ровные края которых очень остры.

Инвентарь памятников усть-камской культуры имеет сходство с инвентарем позднелепелитических памятников этого района –

Сюкеевский взвоз, Камское Устье II (нижний слой). Очевидно, традиция обработки камня в позднем палеолите и мезолите здесь была общей. Местное происхождение усть–камского мезолита подтверждается залеганием мезолитического культурного слоя непосредственно над палеолитическим на Камско–Устьинской стоянке. Второй культурой, памятники которой встречены в Татарстане, является камская. Стоянки камской мезолитической культуры были изучены О.Н.Бадером в Пермском Прикамье. Новые памятники этой культуры были исследованы на Вятке и на Самарной Луке. К камской культуре относятся две стоянки у села Татарский Азибей Актанышского района Татарстана, изученные М.Г.Косменко. Они располагаются у старицы реки Белой – озеро Азибей у впадения Белой в Каму.

В большом раскопе (на IV Татарско–Азибейской стоянке) обнаружены остатки нескольких очагов овальной формы, заполненных углем и прокаленным песком. В некоторых очагах лежали кремневые предметы: нуклеусы, скребки, вкладыши, пластины. Кроме того, обнаружены шесть хозяйственных ям разного размера, почти все они содержали находки. Коллекция предметов, собранных в раскопе, состоит из орудий и отходов их производства. Среди ядрищ преобладают конусовидные и карандашевидные, с которых скалывались правильные кожевидные пластины. На пластинах изготавливались резцы, концевые скребки, вкладыши, острия. Значительная часть ретушированных пластин использовалась в качестве ножей. Много комбинированных орудий. Единичны симметричные сверла и проколки на пластинах, а также заготовки рубящих орудий на кварцитовых гальках.

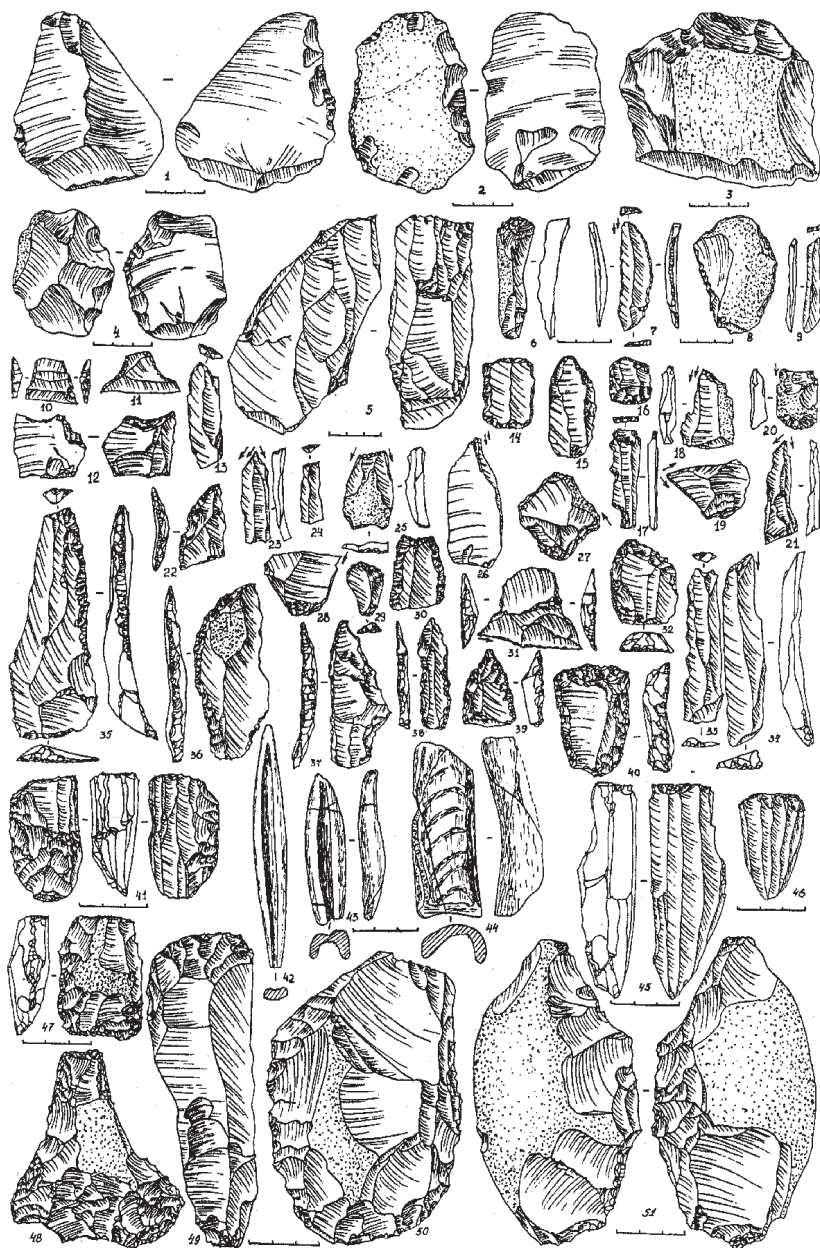
Инвентарь III Татарско–Азибейской, IV Юртовской (на р.Ик) и других мезолитических стоянок востока Татарстана аналогичен описанному выше. Камская мезолитическая культура существовала в раннем голоцене (VII–VI тыс. до н.э.). По вопросу происхождения камской культуры высказаны различные мнения. О.Н.Бадер полагал, что это население пришло в Среднее Поволжье и Прикамье с юга. Это точка зрения остается во многом гипотетической.

Третьей культурной группой в мезолите на территории Среднего Поволжья были стоянки с наконечниками стрел на пластинах. Первыми из них были открыты стоянки на территории Чувашии (Яндашево) и Марий Эл (Русская Луговая). В Татарстане подобный памятник был раскопан А.Х.Халиковым у с.Кабы–Копры. Стоянка расположена на дюне в пойме Свяги (Апастовский район). Культурный

слой ее датирован поздним мезолитом. В раскопе было исследовано полуземляночное жилище подчетыреугольной формы размером 13,6х12,8 м. По краям котлована обнаружены следы ямок для столбов, поддерживавших стены. В центре постройки расчищено несколько очагов и ямок от столбов, подпиравших кровлю. В коллекции Кабы–Копрынской стоянки, кроме вышеупомянутых листовидных наконечников стрел на пластинах имеются широко распространенные в мезолите типы орудий: резцы, концевые и округлые скребки, вкладыши, ножи на пластинах, скобели. Особенности материальной культуры населения, оставившего этот памятник, являются ножи на отщепах, ножи с вогнутыми и выпуклыми ретушированными краями, симметричные проколки на пластинах с невыделенным жальцем. Особенно интересны топоры в форме трапеции из галек с оббитыми краями, овальные тесла, оббитые с двух сторон, а также обломки шлифованных рубящих орудий. Появление техники шлифовки в инвентаре этой стоянки говорит о ее позднемезолитическом возрасте, близком к неолиту.

Среди мезолитических памятников нашего края особняком стоит II Деуковская стоянка, расположенная в пойме р.Ик у с.Деуково Мензелинского района. В настоящее время стоянка затоплена. В раскопе были выявлены остатки трех жилищ, имеющее вид углистых пятен неправильной формы, содержащих очаги и насыщенных находками. На стоянке были найдены разнообразные кремневые орудия: резцы разных типов, концевые и полукруглые скребки, скребки со скошенным лезвием, ножи на пластинах. Интересны скребки с сердцевидным лезвием, полудисковидные скребки, наконечники в виде высокого треугольника с прямым основанием, проколки на пластинах. Особенно выразительно двусторонне обработанное топовидное орудие подтреугольной формы. В культурном слое пола жилищ обнаружены костяные орудия: длинный наконечник веретенообразной формы с заостренным концом, слегка усеченным основанием и желобком в верхней части, а также два незавершенных наконечника более коротких пропорций; желобчатое долотовидное орудие; костяная бляшка уплощенно–овальной формы. По характеру кремневого инвентаря II Деуковская стоянка отнесена к позднему мезолиту. Ее культурная принадлежность остается неясной.

Мы рассмотрели лишь первые этапы истории нашего края. Значение их трудно переоценить. Культура палеолита и мезолита была

фундаментом для формирования культуры человеческого общества более позднего периода. В археологии каменного века Волго–Камья много белых пятен. Но каждый полевой сезон приносит новые находки, открывает новые страницы древнейшего прошлого нашего края.

Рис.1. Каменные орудия эпохи палеолита и мезолита, найденные на территории Республики Татарстан.

1–4 – орудия эпохи мустье; 5–51 – орудия позднего палеолита и мезолита.

1 – скребло /Красная глина/, 2 – скребло /Красная глина/, 3 – рубящее орудие–чоппер /Красная глина/, 4 – скребло /Красная глина/; 5 – нуклеус–ядрище /Лобач/, 6 – скребок /Лобач/, 7 – резец /Лобач/, 8 – скребло /Лобач/, 9 – острие /Лобач/, 10 – трапеция /Сюкеевский взвоз/, II – трапеция /Беганчик/, 12 – скобель /Сюкеевский взвоз/, 13 – острие /Беганчик/, 14 – скребок /Камское устье/, 15 – скребок /Беганчик/, 16 – скребок /Сюкеевский взвоз/, 17 – скобель /Сюкеевский взвоз/, 18 – ретушной резец /Сюкеевский взвоз/, 19 – двугранный резец /Сюкеевский взвоз/, 20 – резец–скребок /Сюкеевский взвоз/, 21 – двугранный резец /Сюкеевский взвоз/, 22 – режущее орудие /Тетюшская/, 23 – двугранный резец /Сюкеевский взвоз/, 24 – угловое острие /Беганчик/, 25–28 – резцы /Сюкеевский взвоз/, 29 – скребок /Тетюшская/, 30 – скобель–скребок /Тетюшская/, 31 – трапеция /Тетюшская/, 32 – скребок /Тетюшская/, 33 – скребок–скобель /Камское устье/, 34 – резец–скребок /Беганчик/, 35 – скребок–нож /Тетюшская/, 36 – нож /Тетюшская/, 37 – острие /Тетюшская/, 38,39 – острия /Тетюшская/, 40 – скребк /Тетюшская/, 41 – нуклеус торцовый /Косяковская/, 42,43 – костяные наконечники /Деуково/, 44 – костяное желобчатое долото /Деуково/, 45,46 – конусовидные нуклеусы /Косяковская/, 47 – рубящее орудие /Сюкеевский взвоз/, 48 – топор /Семеновская/, 49, 50 – скребла /Сюкеевский взвоз/, 51 – топор /Сюкеевский взвоз/.

Р.С.Габяшев

НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

На рубеже VI – начала V тысячелетия до н.э. древнее население Нижнего Прикамья вступило в завершающую и последнюю стадию эпохи камня – неолита (новокаменного века). По мнению многих археологов, эпоха неолита связана с широким распространением производящих форм хозяйства (земледелием и скотоводством). Другие исследователи склонны утверждать, что этого признака для выделения эпохи недостаточно, так как в северных регионах не было благоприятных условий для производящих форм хозяйства. Интенсификация хозяйства пошла здесь по пути совершенствования и специализации традиционных отраслей (охоты, рыбной ловли и собирательства). Это создавало значительную плотность населения по локальным районам и привело к освоению новых территорий (преимущественно по водным системам). Поэтому хозяйственный уклад неолитического населения не всегда является признаком неолитической принадлежности. Для специалистов–археологов определяющими признаками неолитической принадлежности являются изменения в каменной индустрии и появление глиняной посуды. В каменной индустрии появляются: 1) массовое использование, кроме кремня, других пород камня (сланца, кварцита, гранита, песчаника и др.); 2 – широкое применение новых приемов обработки камня (ретуши и шлифования); 3) расширение ассортимента наборов каменных орудий. Некоторые типы орудий становятся предметом обмена и представляют ценность для датирования.

Не менее важным признаком неолитической эпохи является появление глиняной посуды. Остатки неолитической посуды, кроме информации о технике и технологии гончарного производства, хозяйственном ее использовании древним населением, представляют источник духовного мира далеких предков. Эта информация заключена в формах и размерах посуды, примесях в тесте, обработке поверхности и орнаментации. Орнаментация посуды, независимая

от функционального использования посуды, как и узоры на предметах из кости и камня, позволяют археологам судить об этно–культурных общностях древности, судьбы которых опосредственно связаны с современными народами Среднего Поволжья и Приуралья.

Своеобразие неолита Нижнего Прикамья во многом связано с физико–географическими условиями (системой рек, контактной зоной леса и степи). Разветвленная система рек, стариц, прилегающих песчаных надлуговых террас и останцов обеспечивала всем необходимым хозяйственную деятельность. Развитая долинная система рек Восточной Европы давала населению края дополнительные преимущества в обеспечении сырьем (особенно выходы кремня). Расселению людей способствовали и климатические условия рассматриваемого периода (атлантического – начала суббореала).

Атлантический период характеризуется теплым и влажным климатом, высоким уровнем воды во вновь сформировавшейся речной и озерной системе и широким распространением широколиственных лесов из дуба, липы, орешников и т.д. В последующий суббореальный период климат стал более сухим, но более теплым, чем современный. Доминирующим типом растительности становятся сосновые леса с небольшой примесью ели, березы и широколиственных пород. С появлением безлесных пространств еще в самом начале суббореального периода создались благоприятные условия для проникновения лесостепных групп населения на территорию Нижнего Прикамья. Таковы были природные условия эпохи неолита в Среднем Поволжье и Приуралье.

Благоприятные природные условия для хозяйственной деятельности привели к росту населения края. Об этом свидетельствует количество неолитических памятников. Люди в первую очередь освоили долинную часть Волги и Камы, а затем проникли в бассейны Свияги, Вятки, Ика. К настоящему времени на изучаемой территории выявлено более 300 неолитических памятников, которые по сочетанию своих признаков подразделяются на три группы.

Основная часть их относится к камской неолитической культуре, выделенной в пятидесятые годы О.Н.Бадером на территории Среднего и Верхнего Прикамья. На территории Татарстана она представлена двумя сотнями стоянок. Ряд поселений этой культуры подвергался раскопкам. К ним относятся Лебединская II стоянка в Алексеевском, Игимская в Мензелинском, Дубовогривская II в Тукаевском, Кабы–Копрынская II в Апастовском, Русско–Азибейская в Ак-

танышском районах и другие стоянки. По результатам многолетних исследований выявилась следующая картина.

Поселения камской неолитической культуры расположены на краях песчаных останцов древних надлуговых террас вблизи пойменных озер группами в 10–15 стоянок в округе на 10–20 км. В центре группы, как правило, было крупное поселение с жилищами, а на периферии кратковременные стоянки охотников и рыбаков. По результатам раскопок на Лебединской II, Кабы–Копрынской II, Русско–Азибейской стоянок реконструируются жилища этого времени. Они представляли углубленные на 50–60 см в грунт полуназемные постройки подпрямоугольных очертаний с очагами и хозяйственными ямами внутри котлованов. Судя по котлованам, жилища имели значительные размеры от 60–70 до 100–120 кв.м и были рассчитаны на проживание 30–40 человек. Остальные конструктивные детали сооружений восстанавливаются с трудом. Учитывая этнографические аналогии, можно полагать, что они имели наземную столбовую конструкцию в виде длинных домов с двускатной крышей.

Каменная индустрия населения камской неолитической культуры (рис.2) характеризуется смешанной техникой расщепления кремня и сопутствующих пород. Удельный вес пластинчатой техники расщепления кремня резко снизился за счет возрастания роли рубящих и деревообрабатывающих орудий, как правило, изготавливаемых из других пород камня, более пригодных для этих целей. В составе орудий наиболее многочисленными группами являются режущие (ножи), скобящие и скребущие (скребки) и крупные деревообрабатывающие (долота и тесла). Наконечников стрел мало, также единично встречаются наконечники дротиков и копий. Редко встречаются и архаичные типы орудий (скошенные острия, резцы на пластинах и отщепках). В целом каменная индустрия носит типологически развитый облик.

Следует подчеркнуть, что каменная индустрия характеризует лишь часть и, возможно, меньшую показателей уровня развития производительных сил. Судя по этнографическим данным, а также по отдельным находкам с сопредельных территорий, можно предполагать, что носители камской неолитической культуры широко использовали для производства орудий дерево, кость, растительные волокна и другие материалы.

Керамика камской неолитической культуры представлена сосудами (рис.3) в форме срезанного яйца с острым или округлым дном, приспособленным для установки в мягкий грунт. Как правило, сосуды были достаточно крупными: емкостью до 10–12 литров, диаметром по горлу до 40 и высотой до 50–60 см. Эта посуда формовалась от руки способом кольцевого налепа. Первоначально готовились жгуты или ленты из глиняного теста с отощителями из растительных или других органических примесей, а иногда дресвы или шамота (мелко раздробленная обожженная керамика). Затем по спирали формовался сосуд. После этого внешняя и внутренняя поверхности сосудов тщательно заглаживались. По внешней поверхности наносился орнамент, а затем изделие высушивалось, обжигалось на костре. Обжиг был относительно слабым и неравномерным. Орнамент наносился на всю внешнюю поверхность сосудов от венчика до дна, был очень густым, без свободных полей. Элементы орнамента очень просты. Они состоят из поясов заштрихованных треугольников, прямоугольников, из полос вертикальных или наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенных иногда зигзагообразными линиями из оттисков этого же штампа. В целом система орнаментации, как отмечают исследователи, имитирует технику плетения из бересты, что дало основание для предположения о возникновении глиняной посуды из деревянной или берестяной путем ее обмазки глиной. Но это только одна из возможных гипотез. При внимательном анализе вышеописанной керамики обращает на себя внимание ее технологическое совершенство, прежде всего форма и устойчивая отработанная рецептура формовочной глиняной массы, не позволяющая сосудам расслоиться или развалиться в процессе использования. В целом керамика камской неолитической культуры по совокупности своих технологических признаков очень своеобразна. Это дало веские основания для выделения рассматриваемой культуры. Если основные признаки камской неолитической культуры, отмеченные выше, и реконструированный комплекс присваивающего типа хозяйства ее носителей не вызывают серьезных дискуссий среди исследователей, то вопросы происхождения, характера культурно–исторических связей и этнической интерпретации камской неолитической культуры требуют дальнейшей разработки. Первый исследователь камской неолитической культуры О.Н.Бадер высказал мнение, что она сформировалась на местной позднемезолитической основе. Керамика ее типологически разви-

того облика заимствована в готовом виде у южных соседей. В то же время этот автор отмечал, что культура имеет развитой облик и ее ранние этапы формирования не выявлены, поэтому отсутствует непосредственная связь с поздним мезолитом. Эти положения О.Н.Бадера и до настоящего времени остаются в силе. Новые материалы позволяют предполагать, что камские неолитические племена в своей каменной индустрии продолжили традиции позднего мезолита представленными памятниками типа нижнего горизонта Кабы–Копрынской II стоянки с пластинчато–отщеповой техникой обработки кремня и значительной ролью рубящих крупных орудий в составе инвентаря. Слабо разработаны и практически не исследованы проблемы культурно–исторических связей населения камской неолитической культуры. При очень многих параллелях и аналогиях в характере типа хозяйства и элементах материальной культуры с материалами сопредельных территорий лесостепной и лесной полосы с так называемой зубчатой или гребенчатой керамикой, характер культуры замкнутый. Это связано с ее хозяйством, базирующимся на богатых местных ресурсах. В каменной индустрии практически не использовалось привозное сырье, даже из ближайших районов, заселенных родственными племенами. Лишь на заключительном этапе существования камской неолитической культуры фиксируются импортные вещи и отдельные элементы орнаментации сосудов, связанные с неолитическими культурами более северных территорий и востока. Дискуссионна и этническая интерпретация камской неолитической культуры. По мнению ряда исследователей (О.Н.Бадера и А.Х.Халикова), племена камской культуры относятся к финно–угорскому этносу. Однако следует подчеркнуть, что данная гипотеза основана в первую очередь на лингвистических материалах и построена на ретроспективном методе и, как отмечал сам О.Н.Бадер, она не вполне надежна, а только наиболее вероятна.

В северных районах Татарстана выше г.Казани и в бассейне р.Свияги выявлены отдельные памятники, относящиеся к кругу неолитических культур с так называемой ямочно–гребенчатой керамикой (средний горизонт Обсерваторской III стоянки). Исследователь этих памятников А.Х.Халиков отнес их к балахнинской неолитической культуре. Основная территория распространения памятников данной культуры находится севернее в лесной зоне и на территории Нижнего Прикамья. Носители этой культуры были пришлыми.

Балахнинской культуре во многом близка камская. Памятники ее располагаются преимущественно на останцах древних надлуговых террас вблизи пойменных озер и стариц. Балахнинские жилища представляют собою полуназемные крупные сооружения подпрямоугольной формы с очагами внутри. Кремневая индустрия имеет типологически развитой облик, в основе которого лежит пластинчато–отщеповая техника обработки кремня. Отличия балахнинской кремневой индустрии от камской небольшие и проявляются в бытовании в наборах орудий на отщепах. Керамика балахнинской культуры готовилась также способом кольцевого налепа. В глиняном тесте сосудов примесь песка и дресвы. Сосуды балахнинской культуры также круглодонные или остродонные вытянутых пропорций, часто с отогнутыми наружу венчиками. В орнаменте балахнинской керамики преобладают конические ямочные вдавления. Обычно они наносились в несколько рядов; ими же выполнялись и более сложные узоры–зигзаги, ромбы и треугольники. Наряду с ямочными вдавлениями широко использовались в орнаментации и оттиски зубчатого штампа, перевитого шнура и прочерки. Орнаментом обычно густо покрывалась вся внешняя поверхность сосудов. Только на поздних этапах существования этой культуры наметилась тенденция к разреженности орнаментации. Как отмечалось выше, для территории Казанского Поволжья население, оставившее эти памятники, было пришлым и, по–видимому, его прибытие в этом регионе было кратковременным. А.Х.Халиков относил их к позднему этапу балахнинской культуры и датировал второй половиной III тысячелетия до н.э.

Кроме археологических памятников камской и балахнинской культур, на рассматриваемой территории выявлены памятники с так называемой накольчато–прочерченной керамикой. Они зафиксированы в основном в долинах рек Волги, Камы, Свияги и в Иско–Бельском междуречье. Как и памятники камской и балахнинской культур стоянки занимают останцы древних надпойменных террас вблизи современных стариц и пойменных озер. Большинство из них представляет кратковременные поселения небольших коллективов.

Каменная индустрия памятников с накольчато–прочерченной керамикой характеризуется пластинчато–отщеповой техникой раскалывания кремня. Ведущими типами заготовок были пластины длиной 5–8 и шириной 1–1,5 см и крупные отщепы. В приемах окон-

чательной отделки орудий абсолютно преобладает односторонняя крутая ретушь. Набор орудий данной культуры очень разнообразен: наконечники стрел и дротиков, проколки, ножи, сверла, резцы, скобели, скребла, долота, тесла и др. Среди наконечников стрел выделяются пластинчатые, сохраняющие форму исходной заготовки типы, подромбические, листовидные и подтреугольно–черешковые формы. В наборе проколок преобладают орудия с постепенно сужающимся острым. Резцы представлены в основном экземплярами на углу пластин. Ножи имеют преимущественно прямое лезвие. Много ножей с округло–выпуклыми и клиновидными лезвиями. Скребки обычно концевые с округлым рабочим краем. Много и комбинированных орудий: скребковидные ножи–ложкари, ножи–скобели и другие. Рассматриваемая каменная индустрия принципиально не отличается от индустрии камской неолитической культуры. Заметно лишь значительное количество орудий на пластинах и относительно небольшое число крупных деревообрабатывающих (долот и тесел). Рассматриваемая культура соотносима по времени с развитым и поздним неолитом.

Керамика памятников с накольчато–прочерченной посудой лепная. В глиняном ее тесте примесь песка и мелких органических остатков. В ряде случаев в качестве примеси использовались мелкий шамот, дресва и охра. Посуда тонкостенная, тщательно до блеска заглаженная. Формы сосудов восстанавливаются с трудом. Судя по отдельным реставрированным экземплярам и соотношениям венчиков и днищ, преобладают баночные формы с прикрытым или подцилиндрическим горлом и небольшими вогнутыми во внутрь донцами. Реконструируются и сосуды горшковидных форм с профилированным горлом и чашевидные сосудики. Орнамент нанесен преимущественно наколами треугольной (изредка квадратной или овальной в сечении) палочки. Из–за фрагментарности посуды система орнамента также восстанавливается с трудом. Судя по имеющимся материалам, в ней преобладают горизонтальные орнаментальные поля, хотя встречаются диагональные и вертикальные. По сравнению с камской и балахнинской посудой, орнаментация рассматриваемой более разреженная. Характерным признаком украшения посуды является наличие глубоких конических ямок под срезами венчиков и насечки по краям днищ. Из более сложных узоров примечательны заштрихованные прямоугольники, треугольники,

ромбы и параллелограммы, узоры в виде стебельков и солярные (солнечные) изображения на днищах.

Происхождение, культурная принадлежность и датировка этих памятников до сих пор остается дискуссионной. Ряд исследователей (А.Х.Халиков, Д.А.Крайнов и др.) рассматривали их как раннеэнеолитические, сложившиеся на местной позднеэнеолитической основе, а в дальнейшем ставшие основой для формирования культур с гребенчатой керамикой типа камской. Другие же исследователи (П.Н.Третьяков и В.П.Третьяков), не отрицая раннеэнеолитического возраста этих памятников, интерпретировали их появление в Среднем Поволжье как результат проникновения южных лесостепных племен. Однако обе точки зрения не лишены противоречий. Каменная индустрия этих памятников, несмотря на отчетливо фиксируемые позднеэнеолитические традиции, типологически не может быть древнее развитого этапа неолита лесостепной полосы и, видимо, синхронна кремневым комплексам камской культуры. Вышеописанную посуду с накольчато–прочерченной орнаментацией по своим типологическим показателям трудно рассматривать в качестве прототипа камской.

Таким образом, территория Нижнего Прикамья в эпоху неолита оказалась в сфере влияния как северных неолитических культур, представленных памятниками балахнинской культуры, так и южных лесостепных племен с накольчато–прочерченной керамикой. Эти факторы в значительной степени повлияли на характер культурно–исторических процессов в эпоху освоения металла.

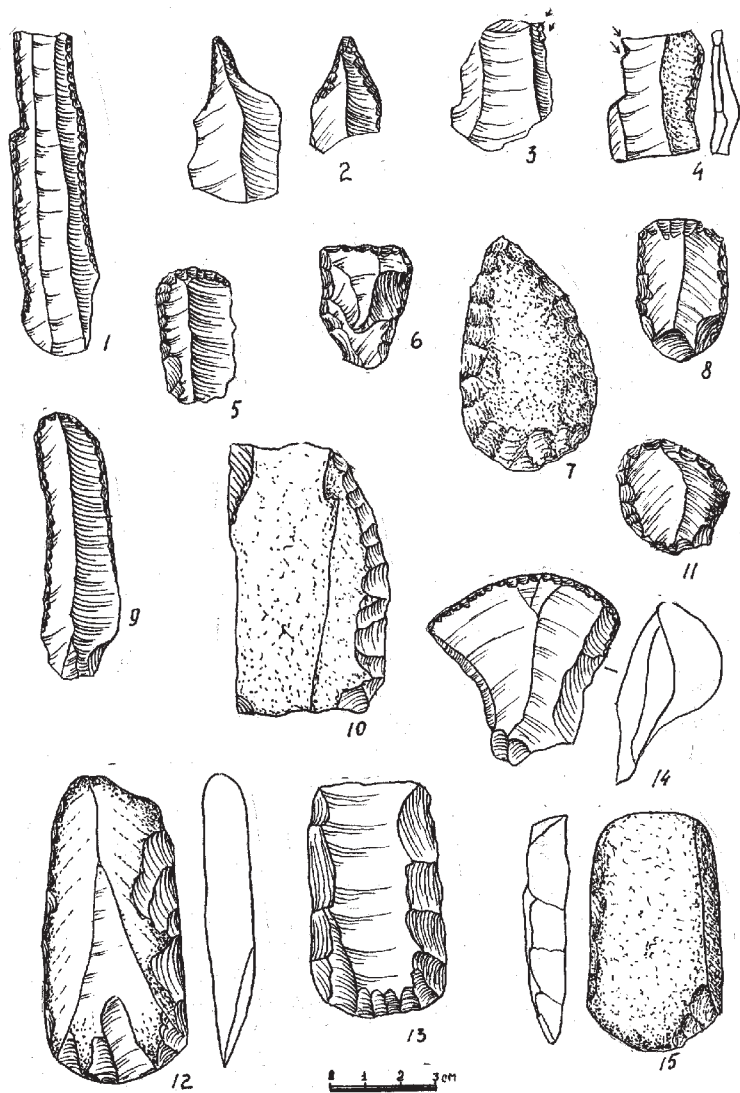

Рис.2. Каменные орудия камской неолитической культуры с VIa Балахинской стоянки. 1,9,10 – ножи; 2 – проколка; 3,4 – резцы; 5,6,8,11,14 – скребки, 7 – наконечник дротика; 12,13,15 – долота.

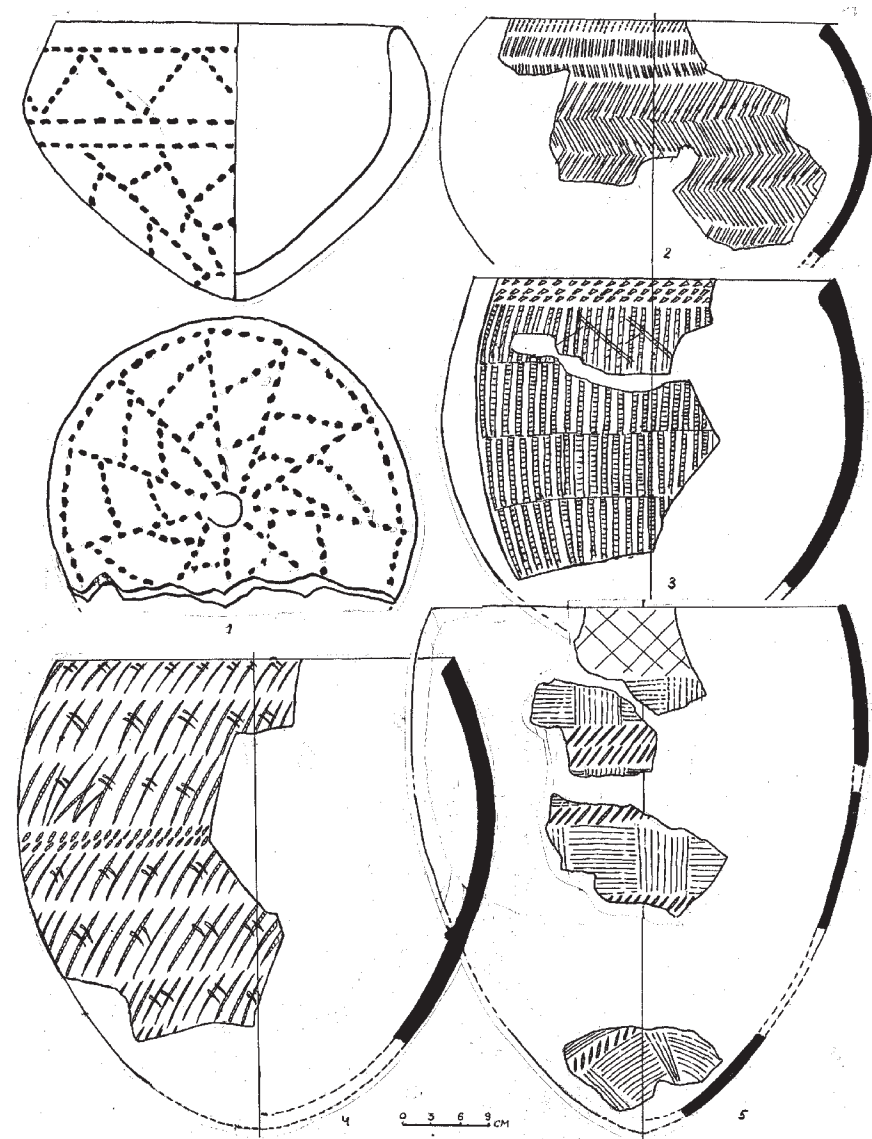

Рис.3. Реконструкции сосудов камской неолитической культуры. 1 – Игимское поселение; 2,3,5 – II Дубовогривская стоянка; 4 – стоянка Золотая Падь.

ОЧЕРК 4.

Р.С.Габяшев

ЭНЕОЛИТ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ

Выделение следующего за неолитом этапа археологической периодизации, энеолита (медно–каменного века) сопряжено с определенными трудностями. Дело в том, что каменная индустрия не исчезает с появлением первых металлических изделий и широко используется вплоть до эпохи раннего железа. Сами же металлические изделия, представленные на ранних этапах орудиями из меди, а в дальнейшем из бронзы, были редки, часто труднодоступными в связи с отсутствием сырья. Медные и бронзовые предметы не выбрасывали после их поломки, а переплавляли. Поэтому медные изделия очень редко встречаются на археологических памятниках эпохи раннего металла. Не всегда знакомство с металлом и даже освоение металлургии связано с переменной комплексного присваивающего хозяйства. Поэтому среди исследователей–археологов нет единой точки зрения даже на археологические критерии выделения этого этапа. Для одних археологов основанием отнесения той или иной археологической культуры к энеолиту является знакомство ее носителей с привозным металлом; для других – таким показателем является местная металлоплавка; третьи же вовсе не выделяют особый энеолитический этап, рассматривая эпоху, когда появились орудия из меди, первым этапом бронзового века. Однако последняя точка зрения не может быть принята, поскольку металлургия бронзы основывается на базе искусственных сплавов и соответственно иной культурно–исторической ориентации племен. Археологи считают, что первоначально люди стали использовать самородную медь. В дальнейшем были изобретены плавка самородной меди и отливка простых изделий в открытых формах. Наиболее же важным для распространения орудий из меди явилось открытие способов получения меди из руд, которыми богато Среднее Поволжье и Приуралье.

Судя по имеющимся материалам, первое знакомство населения края с металлом, первоначально привозным, произошло на заключительном этапе камской неолитической культуры, представленном в Татарстане памятниками типа Русско–Азибейской стоянки, расположенной в устье реки Белой в Актанышском районе. Памятники этого типа выявлены в южной части Татарстана от Свияги до Икско–Бельского междуречья. Далее к востоку они известны в Башкирском Предуралье. Рассматриваемые поселения располагаются на останцах надлуговых террас, зачастую на местах предшествующих неолитических поселений камской неолитической культуры. Остатки жилищ, исследованных на русско–Азибейской стоянке и поселении Золотая Падь II, представляют собою слегка (на 40–45 см) углубленные в грунт котлованы подпрямоугольных очертаний крупных размеров с большим количеством очагов и ям–кладовок внутри них. Судя по материалам поселения Золотая Падь II, в домостроительстве наметилась тенденция к выделению отдельных жилищных камер.

Каменная индустрия памятников русско–азибейского типа по основным технолого–типологическим признакам, близка к камской неолитической индустрии. Для нее также характерны пластинчато–отщеповая техника раскалывания кремня, абсолютное преобладание односторонней краевой частичной ретуши при окончательной обработке и основной набор орудий. В наборах преобладают скребки, ножи, проколки, сверла, резцы на углу пластин, долота и тесла. Типы вышеперечисленных орудий также находят аналогии в материалах камской культуры. Вместе с этим нельзя не отметить и существенных отличий. Обращает на себя внимание возрастание роли пластинчатой индустрии и переход к крупным пластинам как ведущим типам заготовок. Это явление характерно для целого круга энеолитических культур юга и юго–запада Восточной Европы, относящихся к мариупольской и среднестоговской историко–культурным общностям. С южными районами Нижнего Поволжья и Прикаспия, вероятно, связано появление кварцитовых орудий на крупных пластинах. О связях с приуральскими и зауральскими районами можно говорить на основании появления наконечников стрел так называемого кельтеминарского типа или подражаний им. Некоторые типы орудий (сланцевые небольшие долота и тесла) имеют значительно больший территориальный круг аналогий и являются не культурным, а хронологическим показателем тех или иных комплексов.

Значительный интерес представляет керамика русско–азибейского типа (рис.4). По ряду признаков она продолжает традиции камской неолитической культуры. Посуда изготовлена ручным способом методом кольцевого налепа, тщательно до лощения заглажена. Среди типов сосудов сохраняются традиционные для камской культуры сосуды полуяйцевидной формы. Однако численно преобладают уже сосуды с круглыми или уплощенными днищами и с отогнутыми наружу краями. Наряду с традиционными типами венчиков (округлыми или подпрямоугольными), появляются воротничковообразные и приостренные венчики. Венчики с наплывом внутрь практически исчезают. В технике и элементах орнаментации также происходят изменения. Наряду с традиционными оттисками мелкого и среднезубчатого штампа, широкое распространение получают оттиски крупнозубчатого штампа, перевитого шнура, ямочных вдавлений и так называемой “шагающей гребенки”. Значительное распространение получают глубокие конические ямки под венчиками (иногда и по тулову) сосудов. Орнаментация преимущественно густая, покрывающая всю внешнюю поверхность сосудов. Получает распространение тенденция к ее разреженности, появляются свободные от узоров поля. Наиболее распространенными узорами являются пояса из наклонно поставленных оттисков зубчатого штампа или “шагающей гребенки”, разделенные линиями оттисков этого же штампа или коническими ямками. Из новых узоров отмечены различные геометрические фигуры в виде ромбов, флажков и других элементов.

Вышеописанная керамика по совокупности своих технологических признаков включает в себя несколько компонентов. Как отмечалось выше, преобладал местный камский неолитический компонент. Проявляются и юго–западные элементы, связанные с энеолитическими культурами типа Мариупольского и Никольского могильников, расположенных в лесостепной зоне. Более близкие аналогии этим элементам керамики русско–азибейского типа прослеживаются в материалах самарской энеолитической культуры, выделенной И.Б.Васильевым в Самарском Заволжье на основе Съезженского могильника. Глубокие конические ямки в системе орнаментации, вероятнее всего, появились в результате контактов с северными племенами. Но ряд элементов русско–азибейской керамики находит аналогии не в материалах восточноевропейских культур эпохи энеолита, а в керамических комплексах поселений эпохи раннего металла западносибирской и отчасти казахстанской

лесостепи. К таким элементам относятся уплощенные днища, расширение сосудов, широкое распространение в орнаментации техники “шагающей гребенки” и другие.

Судя по имеющимся материалам, население, оставившее археологические памятники русско–азибейского типа, освоило скотоводство. Об этом свидетельствуют кости крупного и мелкого скота, обнаруженные на ряде поселений. Достоверных данных о наличии земледелия нет: хозяйство носителей рассматриваемых памятников остается комплексно–присваивающим с элементами скотоводства.

С кругом памятников русско–азибейского типа (с известной долей осторожности) можно связать Русско–Шуганское погребение в бассейне реки Ик, Гулькинский и Тенишевский могильники в приустьевой части Камы. Наиболее полное представление о погребальном обряде дает Тенишевский могильник. Погребенные были положены вытянуто, на спине, головой на юго–восток или северо–запад, рядами. В погребениях зафиксирована подсыпка красной минеральной краски. Погребенные, как правило, сопровождались вещами: кремневые и кварцевые орудия и сланцевые подвески, расположенные в порядке ношения, сложенные у пояса или ног. В одном из погребений были найдены височные медные кольца, изготовленные, по мнению специалистов, из металла местных медистых песчаников. В совокупности своих признаков Тенишевский могильник включает в себя все те компоненты, которые характерны для комплексов русско–азибейского типа. Новыми же моментами являются медные изделия, единичные находки северного янтаря и некоторых типов орудий (подтреугольно–черешковых наконечников дротиков, ставших характерными уже для следующих этапов энеолита Татарстана).

Завершая описание материалов русско–азибейского типа, следует остановиться на их датировке и культурной принадлежности. Судя по сочетанию в каменном и керамическом комплексах памятников русско–азибейского типа черт, характерных для Съезженского и более позднего Хвалынского могильников, рассматриваемые комплексы должны занимать хронологическую нишу между ними (ориентировочно датироваться второй половиной IV тыс. до н.э.). Сложнее решается вопрос о культурной принадлежности этих памятников. Значительное количество новых элементов в хозяйстве, каменной индустрии и керамике дало основание отдельным исследо-

вателям выделить их в особую акидельскую культуру эпохи энеолита, сформировавшуюся на местной неолитической базе, представленной памятниками камской культуры. Другие же рассматривают их как памятники заключительного неолитического–энеолитического этапов камской культуры. На наш взгляд, памятники русско–азибейского типа демонстрируют вариант эволюционного перехода к эпохе раннего металла на основе местного субстрата и влияния преимущественно южного и юго–восточного регионов.

Первые следы местной металлоплавки из медистых песчанников, которыми богата рассматриваемая территория, связаны с памятниками с так называемой “флажковой керамикой” и накольчато–прочерченной тат–азибейского типа. Памятники с энеолитической накольчато–прочерченной керамикой исследованы преимущественно в восточных районах Татарстана (II Татарско–азибейское поселение в устье р.Белой). Отдельные памятники этой группы известны и в приустьевой части Камы (Городок IV и др.). Поселения занимали края песчаных останцов древних надлуговых террас вблизи пойменных озер и стариц. Наиболее полное представление о характере материальной культуры носителей этой группы памятников дают материалы II Татарско–Азибейского поселения. На нем исследованы полуназемные жилища двух типов. Первый характеризуется сооружениями подпрямоугольных очертаний размером от 4х4,6 до 6,8х9,2 м с очагами в центре жилищ и хозяйственными ямами–кладовками вдоль их стен. Ко второму типу относятся жилища округлой формы типа чума. У носителей рассматриваемых памятников преобладала пластинчатая техника изготовления орудий (58% общего количества орудий). Наиболее массовыми группами орудий являются ножи и скребки на пластинах, а также проколки и сверла на пластинах и отщепах. Сравнительно малочисленны пластинчатые бесчерешковые и черешковые листовидные и подромбической формы наконечники стрел, резцы на углах пластин, миниатюрные долота и тесла из зеленоватого сланца. По своим формальным технолого–типологическим показателям каменная индустрия, представленная материалами II Татарско–Азибейского поселения, относится к кругу каменных индустрий микролитического типа, характерных для лесостепной и степной полосы культур эпохи мезолита, неолита и энеолита.

Энеолитические керамические комплексы татазибейского типа по своим технолого–типологическим показателям очень близки

неолитической накольчато–прочерченной посуде, представленной на территории Татарстана с памятников типа II Щербетской и IV Тетюшской стоянок в приустьевой части Камы и среднего течения Волги. Они также изготовлены от руки способом кольцевого налёпа, тонкостенны, тщательно заглажены с обеих сторон. В глиняном тесте сосудов отмечены органические и шамотные включения, а иногда и примесь дресвы. По крупным развалам восстанавливаются две основные формы сосудов. Первая представлена плоскодонными банками со слабо прикрытым или подцилиндрическим горлом. Ко второй относятся горшки с профилированным горлом и шаровидным туловом с небольшим диаметром тулова в верхней трети сосуда и относительно небольшими, слабо вогнутыми во внутрь доньшками. Сравнительно многочисленны и плоскодонные чашки типа пиал. Орнамент нанесен оттисками треугольной, подквадратной и овальной отступающей палочки. Система орнаментации разреженная и зональная, приуроченная к верхней и придонной (включая днище) частям сосудов. Изредка встречаются и сосуды, орнаментированные только рядами конических ямок под горловинами. В орнаментации преобладают мотив плетенки из заштрихованных прямоугольников и треугольников, волнистые, зигзагообразные и прочие линии. Из более сложных узоров отмечены параллелограммы и фигурки водоплавающих птиц. На днищах встречаются изображения в виде расходящихся из центра лучей, концентрических кругов и спиралей. Очень распространенным явлением является украшение плоских срезов венчиков насечками и рядами насечек по краю днищ.

Характер хозяйства населения, оставившего памятники тат–азибейского типа на территории Татарстана, восстанавливается с трудом. Учитывая материалы памятников этого круга с сопредельных территорий, можно предполагать, что оно, наряду с плавкой меди, освоило скотоводство.

Судя по геоморфологическим исследованиям, проведенным на II Тат–Азибейском поселении, памятник датируется первой половиной суббореального периода и относится к первой половине III тысячелетия до н.э. – первой четверти II тысячелетия до н.э. Эта дата согласуется с радиуглеродными датировками поселения Луговое III, расположенного в верхнем (ульяновском) течении Свияги, и поселения Чумайтло 1 – в бассейне среднего течения Вятки с близкими типологически керамическими комплексами. При всех обстоятель-

ствах отдельные исследователи отрицают энеолитическую принадлежность памятников, рассматривая находки оплавленных тиглей как результат случайного смешения разновременного археологического материала в рыхлом песчанном культурном слое. Однако эти возражения нельзя принять, так как отнесение того или иного археологического комплекса к неолиту, энеолиту или эпохе бронзы производится не по одному показателю, а по их совокупности. Таковыми являются находки медных изделий на памятниках с накольчато–прочерченной керамикой лесостепной и отчасти степной полосы востока Европы, развитой технолого–типологический облик керамики тат–азибейского типа, наличие животноводства и т.д. Есть мнение, что комплексы татазибейского типа относятся к зауральским и западносибирским культурам и генетически не связаны с восточноевропейскими культурами с накольчато–прочерченной керамикой. Такая точка зрения в частности высказывалась А.Х.Халиковым, а в последние годы поддерживается В.В. Никитиным. Действительно, по ряду признаков материальной культуры памятники татазибейского типа типологически стоят ближе к зауральским памятникам с накольчато–прочерченной керамикой (большое количество оттисков подквадратной и овальной палочки в орнаментации сосудов, широкое использование насечек и оттисков палочки в узорах по срезу венчика и придонной части сосудов и т.д.). Однако эти отличия керамики татазибейского типа от накольчато–прочерченной посуды восточноевропейских памятников имеют не принципиальный характер, а являются лишь статистическими вариациями внутри серии родственных памятников.

Не менее сложен круг вопросов с энеолитическими памятниками с так называемой «флажковой» керамикой, выделенными ранее О.Н.Бадером по материалам Среднего Прикамья. К сожалению, источниковедческая база памятников этого типа на территории Татарстана очень слаба и представлена преимущественно керамическими комплексами. Тем не менее даже по этим фрагментарным данным можно сделать ряд определенных выводов. Территория их распространения в Татарстане и топографическое их расположение на останцах песчаных террас вблизи пойменных озер и стариц в основном совпадает с территорией и топографией расположения неолитических памятников. Практически от предшествующих кремневых комплексов не отличаются и каменные орудия, найденные с посудой «флажкового» типа. Керамика «флажкового» типа (рис.5) по

своим формально–типологическим признакам внешне очень близка керамике камской неолитической культуры. Она изготовлена из глиняного теста с примесями органики, мелкого песка, а иногда и мелкого шамота, тщательно заглажена с обеих сторон и не отличается от неолитической. Судя по материалам, основным типом керамики являлись сосуды с прикрытым или подцилиндрическим горлом, округлым туловом и плоским небольшим слегка вогнутым во внутрь донцем. Отмечаются и остродонные сосуды со вмятиной во внутрь. Орнаментация керамики по сравнению с неолитической более разреженная и упрощенная. Мотивы узоров несложны и состоят преимущественно из горизонтальных поясов вертикально поставленного зубчатого штампа, иногда разделенных одиночными или двойными зигзагообразными линиями. Из единичных сложных элементов орнамента представлены «флажки» и ромбы в верхней части сосудов. Узоры на сосудах нанесены преимущественно оттисками мелкозубчатого изогнутого штампа и ногтевидными насечками. По сочетанию признаков выделяются не менее трех групп керамики так называемого «флажкового» круга памятников, имеющих разное происхождение.

Наиболее поздними памятниками энеолита в Татарстане являются поселения и местонахождения гарино–борско–поздневолоховского типа. Памятники этого типа исследованы раскопками преимущественно в восточных районах Татарстана, Икско–Бельском междуречье (верхние горизонты Игимской стоянки, Золотая Падь II, III Русско–Азибейская и др.). На них зафиксированы крупные, слегка углубленные на 50–60 см, жилища подпрямоугольных очертаний с очагами и хозяйственными ямами. Вещевой материал представлен преимущественно обломками керамики, каменными изделиями и остатками металлоплавки. Посуда гарино–борско–поздневолоховского типа по своим признакам очень резко отличается от предшествующих типов глиняной посуды. Она изготовлена ручным способом с обильными органическими или раковинными примесями в тесте. Это придает внешней и внутренней поверхности сосудов шероховатость, не устраняемую даже тщательным заглаживанием поверхности. Основными формами сосудов, судя по соотношению венчиков и днищ сосудов были плоскодонные банки и горшки, хотя изредка встречаются и круглодонные сосуды. Орнамент наносился преимущественно оттисками штампа, изредка прочерченными линиями. По характеру орнаментации выделяются сосуды с густой и

разреженной системой нанесения узоров. Узоры несложны и представлены преимущественно из горизонтальных поясов вертикально поставленных оттисков штампа или прочерков. Из сложных элементов выделяются пояса из заштрихованных ромбов. Примечательны гофрированные венчики сосудов и гофрированные налепные валики по тулову. Единично встречаются серповидные гофрированные ручки сосудов.

В керамических комплексах гарино–борско–поздневолосовского типа сочетаются местные неолитические традиции камской культуры, представленные использованием зубчатых штампов и отдельными орнаментальными мотивами, а также сохранением в комплексах отдельных сосудов полуяйцевидной круглодонной формы. Следует отметить и элементы, связанные с энеолитическими керамическими комплексами тат–азибейского типа (плоскодонные банки и горшки, разреженная зональная орнаментация, насечки по краям венчиков и днищ, отдельные узоры и т.д.). Ряд особенностей керамики поздневолосовско–гарино–борского типа (примесь толченой раковины в тесте, Т– и Г–образные венчики), видимо, связаны с южными энеолитическими культурами типа среднестоговской и хвалынской. Такие черты данной группы памятников (гофрированные венчики и налепные ручки) находят аналогии в керамических комплексах эпохи раннего металла Зауралья и Западной Сибири. Каменная индустрия рассматриваемых памятников (рис. 6–1–9; 11–17) продолжает традиции каменной индустрии камской неолитической культуры, но уже в составе орудий преобладают изделия из отщепов.

Остатки использования металла представлены обломками оплавленных чашевидных тиглей, кусками руды, единичными литейными формами из песчаника, а также отдельными металлическими изделиями в виде шильев. Химический анализ капелек меди и шильев показал, что металл представляет собою относительно чистую медь, полученную из местных медистых песчаников.

Памятники волосовско–гарино–борского типа завершают эпоху энеолита на территории Татарстана.

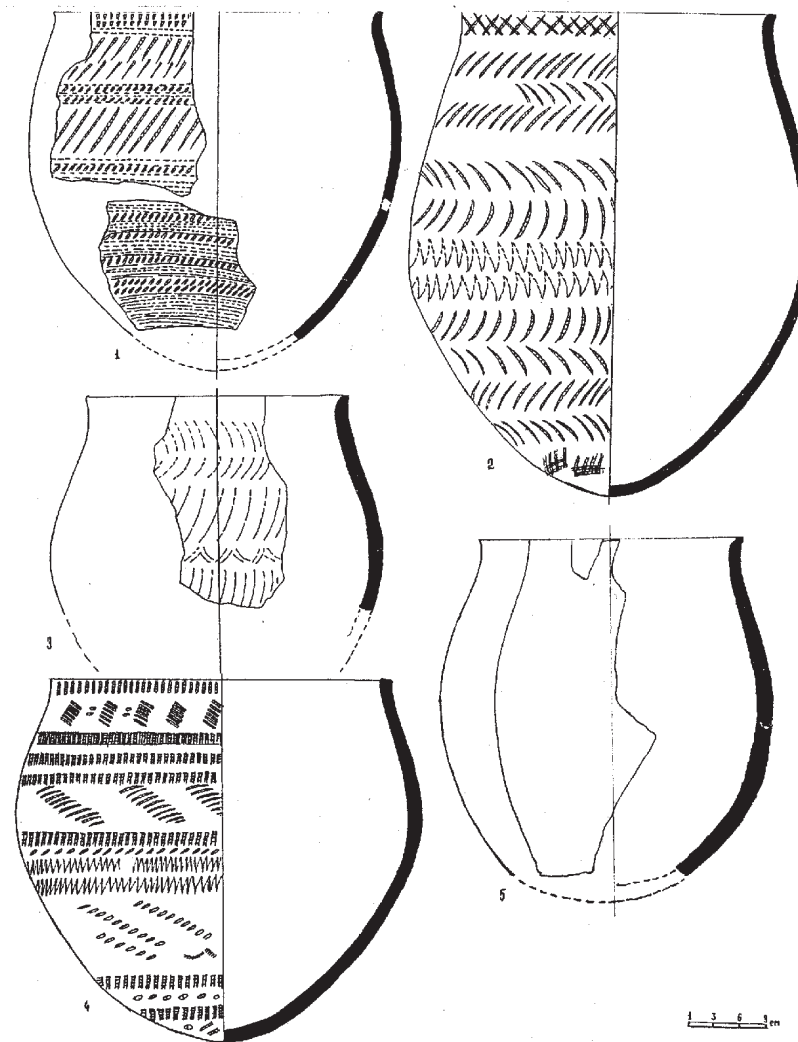

Рис.4. Энеолитические сосуды русско–азибейского типа.
1–Русско–Азибейская стоянка; 2–4 – Дубовогривская II стоянка; 5 – стоянка Золотая Падь II.

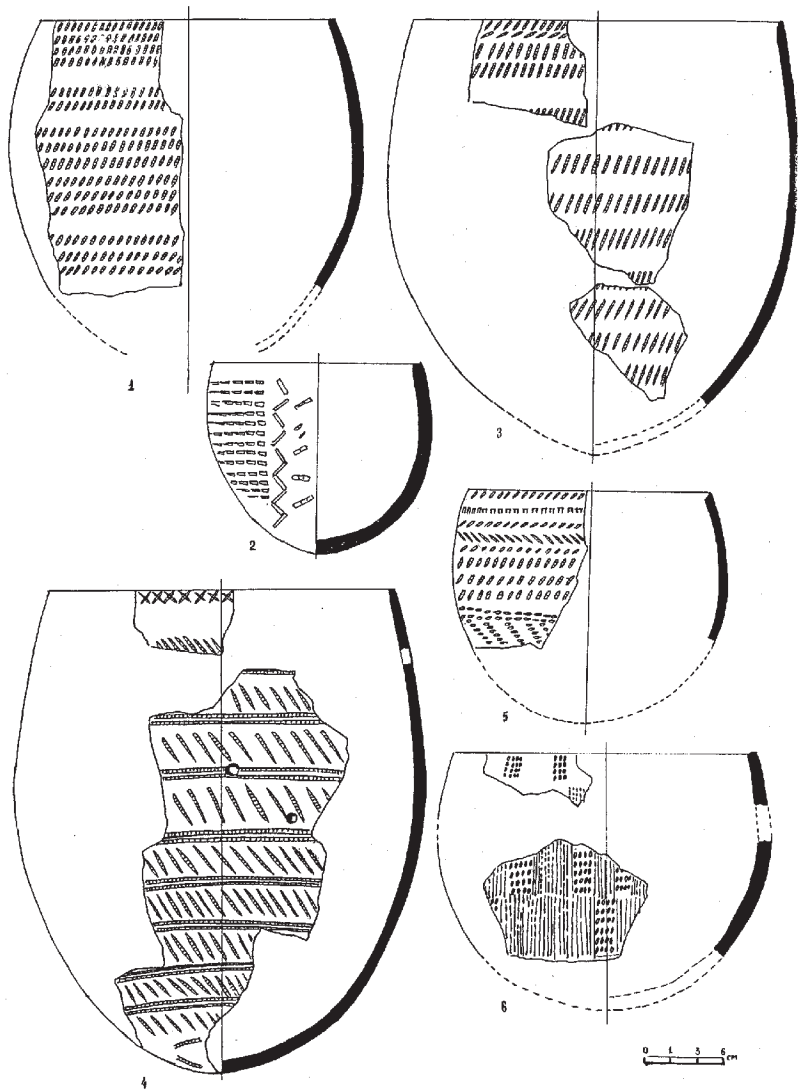

Рис.5. "Флажковая" керамика с Дубовогривской II стоянки.

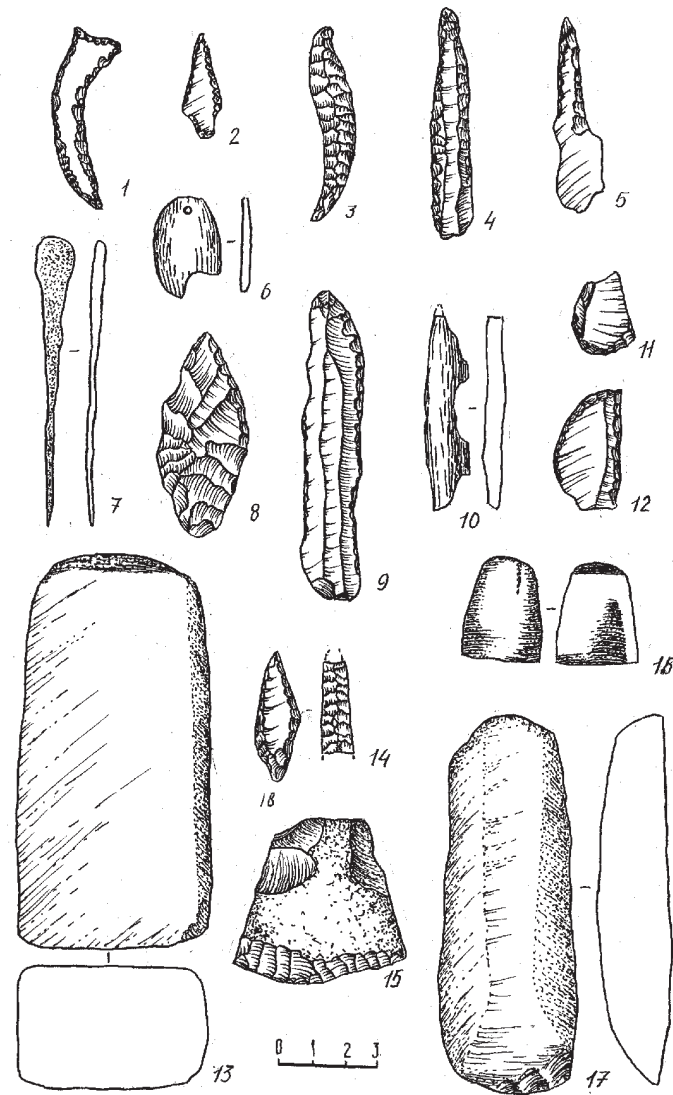

Рис.6. Инвентарь гарино-борского позднеолдовского типа со стоянки Золотая Падь II. 1,3,4,9,15 – ножи; 2,14,18 – наконечники стрел; 5 – провертки; 6 – привеска; 7 – шило; 8 – дротик; 10 – обломок гарпуна (?); 11,12 – скребки; 13 – пест; 16,17 – тесла; 17 – медь; 10 – кость; остальное – камень

Е.П.Казakov

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Важным этапом древней истории рассматриваемого региона является эпоха бронзы. Она в основном охватывает II тыс. до н.э. К этому времени относятся около 1,5 тыс., т.е. 1/3 археологических памятников, выявленных на территории республики Татарстан.

Свое название эпоха получила по металлу, из которого готовили орудия труда, оружие, украшения и принадлежности костюма. Бронза представляет сплав олова и меди; идеально, когда в ней содержится около 90% меди и 10% олова. Однако она не вытеснила каменные орудия труда и оружие. По своим качествам (например, твердости) камень не уступал бронзе, но, кроме того, камня в природе больше, чем составляющих бронзы (меди и олова).

Климатические условия рассматриваемого периода были благоприятны для скотоводов, которым и принадлежит большинство выявленных памятников. В то же время люди, особенно в северных лесных районах, а также в поймах больших рек продолжали активно заниматься охотой, рыболовством, а также собирательством. В рассматриваемую эпоху на изучаемой территории начала возрастать роль земледелия.

В эпоху бронзы на территории Татарстана существовал ряд сменяющих друг друга культур. Некоторые из них представлены сравнительно небольшим числом памятников (балановская, абашевская, сейменская культуры), памятники других (срубная, черкаскульская культуры) занимали большую часть площади республики.

Появление указанных культур в крае, чаще всего, отражает процессы массовых этнических перемещений, которые проходили на широких степных и лесостепных пространствах Восточной Европы и Азии. Причины таких перемещений не всегда ясны. Среди них могли быть изменения природных условий, политические факторы и др. В конечном итоге они приводили к постепенному, иногда и быстрому, расселению пришлых племен на новых территориях.

Изучением памятников эпохи бронзы Нижнего Прикамья занимались такие исследователи, как Н.Ф. Высоцкий, П.И. Кротов, А.А.Штукенберг, А.В.Збруева, Н.Ф.Калинин. Наибольший вклад в изучение памятников этого периода внес А.Х.Халиков. Под руководством его были разведочно обследованы и раскопаны многочисленные поселения и могильники рассматриваемой эпохи, выделена приказанская культура, проводилась серьезная работа по периодизации памятников изучаемого периода. В то же время накопившиеся за последние десятилетия материалы позволяют по-новому рассматривать происходившие в эту эпоху процессы.

К сожалению, не только в Татарстане, но и во всей Российской Федерации, хронология рассматриваемых древностей разработана слабо. Практически до сих пор нет культур эпохи бронзы, датировка которых была бы четко определена.

К числу ранних общностей эпохи бронзы на территории Татарстана исследователи относят балановскую культуру. Свое название культура получила по могильнику, раскопанному в 1940 г. у с.Баланово в Чувашии О.Н.Бадером. О.Н.Бадер и А.Х.Халиков предполагали, что ее носители жили в течение всего II тыс. до н.э.

Балановская культура принадлежит к широкой общности западных культур боевых топоров, названной по своеобразным ладьевидным или клиновидным формам таких изделий из камня. Западное происхождение культуры подтверждает и антропология. По данным М.С.Акимовой, погребенные из могильников относились к европеоидному узколицему восточно-средиземноморскому типу. Основная часть памятников балановской культуры находится в более западных и северо-западных районах территории Татарстана. Они сосредоточены в Предволжье (в основном в бассейне р.Свияги). В числе изучаемых 1 Козловский могильник в Буинском районе. Отдельные находки керамики и топоров балановского облика зафиксированы в Нижнем Прикамье (Базяковское, Соколовское и др.). А.Х.Халиков был склонен рассматривать их как отражение процесса влияния балановских племен на восточных соседей.

К числу характерных остатков балановской культуры относятся, кроме указанных специфичных по форме каменных топоров, своеобразная керамика с округлым дном. Выделяются шаровидные или реповидные амфоры с узким и низким горлом. Своеобразный набор сосудов придавал сложный орнамент, выполненный с помощью резных и мелких гребенчатых линий. Узоры представляли раз-

личные геометрические фигуры, составляющие орнаментальные пояса на сосудах. С балановских памятников представлены также кремневые черешковые наконечники стрел, бронзовые наконечники копий, вислообушные топоры, шилья, тесла, украшения и т.д.

Жили балановцы в срубных домах размером около 4х4, 4х6 м. Поселки располагались преимущественно на высоких, естественно укрепленных мысах, иногда огражденных рвами и валами. О прочной оседлости рассматриваемого населения свидетельствуют довольно мощные культурные слои поселений.

Могильники балановской культуры курганные и грунтовые. Зафиксированы одиночные, парные и коллективные захоронения. Погребенных обычно с вещами помещали скорченно (женщин на левом боку, головой на восток; мужчин на правом боку, головой на юг или север).

В хозяйстве балановского населения преобладало скотоводство. Состав стада включал в основном крупный рогатый скот, свиней, лошадей. В небольшом количестве зафиксированы кости мелкого рогатого скота. Некоторые исследователи считают, что у балановского населения было и примитивное земледелие. Имели место и присваивающие отрасли: охота, рыболовство, собирательство.

Одной из крупнейших древних общностей Восточной Европы эпохи бронзы является срубная культура, выделенная известным русским археологом В.А.Городцовым в начале XX в. Она получила название по обряду погребения в срубах под курганными насыпями, зафиксированному при раскопках могильников. Территория культуры занимает широкий регион степи и лесостепи Восточной Европы от р.Днепра до Предуралья. Дата ее первоначально определялась второй половиной II тыс. до н.э. и даже началом I тыс. до н.э. Современные данные позволяют датировать памятники срубной культуры серединой II тыс. до н.э. Материалы рассматриваемой культуры отличаются удивительным единообразием, что свидетельствует о единстве духовных представлений населения. Большинство исследователей относит носителей срубной культуры к индо-иранской группе. В антропологическом отношении срубники были европеоидами.

Изучению памятников срубной культуры уделяли большое внимание археологи О.А.Кривцова-Гракова и Н.Я.Мерперт.

На территории Татарстана исследованием памятников срубной культуры начали заниматься еще в XIX столетии. В 1882 и 1897 г.

казанским археологом П.А.Пономаревым около д.Маклашеевки Спасского уезда в низовьях р.Утки, левого притока р.Волги, были раскопаны три кургана. Позднее исследования данных памятников проводили А.В.Збруева, А.Х.Халиков, Е.П.Казаков и другие археологи. В настоящее время на территории Татарстана выявлено около пятисот памятников срубной культуры. По левому берегу р.Волги северной границей распространения памятников срубной культуры является р.Кама. По данным А.Х.Халикова, в Предволжье весь бассейн р.Свияги был освоен срубными племенами.

Носители срубной культуры расселялись не только по долинам крупных рек (Волги, Камы, Свияги), но и по их даже небольшим притокам. Поселения обычно располагались на краях надлуговых террас. Площадь поселений составляла в среднем около 10 тыс. м². Поселений, подвергнутых раскопкам, в Татарстане немного. На них выявлены остатки хозяйственных построек и жилищ. На Крым-Сарайском поселении изучены следы четырех подквадратных жилищ размером 10х10 м, расположенных вдоль берега реки, на расстоянии 10–30 м одно от другого. На ряде стоянок Закамья и Предволжья в обнажениях зафиксированы котлованы жилищ глубиной 60–100 см (Меллятамакская III в Муслимовском районе, Речная III в Алексеевском и др.). Судя по имеющимся материалам, жилища племен срубной культуры данного региона представляли полуземлянки, заглубленные в грунт до метра и приспособленные для жизни в суровых зимних условиях. Культурные слои срубных стоянок обычно насыщены находками (керамикой, костями животных, остатками щебенки и т.д.). Анализ костных остатков с поселений показал, что рассматриваемое население разводило лошадей, крупный и мелкий рогатый скот.

На территории Татарстана достаточно широко изучены могильники срубной культуры. В настоящее время лишь в закамских районах Татарстана их зафиксировано 29. Более десятка могильников срубной культуры выявлено на относительно небольшой площади в низовьях рек Ахтая и Бездны. По-видимому, пойменная зона низовий этих рек с обильными травами привлекала древних скотоводов.

Обряд погребений срубной культуры низовий р.Камы сходен с обрядом срубных памятников других регионов. Умершие обычно погребались под курганами (остатки сруба, бревен-стоячков и плах перекрытия зафиксированы на Старобайсаровском могильнике на

востоке Татарстана) (рис.7А). Но в большинстве случаев следы дерева в погребениях не отмечались. Возможно, что иногда погребения устраивались в ямах без срубов подпрямоугольной формы глубиной до 140 см. Иногда под одним курганом находилось по нескольку десятков захоронений. Умершие в большинстве случаев помещались головами на север, скорченно, на левом боку. Перед лицевой частью черепа у кистей рук, согнутых в локтях, обычно ставились сосуды (рис.7Б). Под насыпями ряда курганов встречены остатки жертвенных и поминальных комплексов в виде сосудов, кострищ, костей лошадей. При исследовании Набережно–Челнинских курганов обнаружены пять сложных по конструкции ям глубиной от 60 до 250 см с остатками обожженных плах, костей человека и лошадей.

На поселениях и в могильниках встречен большой вещевой материал, основную часть его составляет керамика. Она плоскодонная, изготовленная от руки, толстостенная, с примесями в тесте шамота. Верхние части сосудов часто украшались орнаментом, нанесенным оттисками крупного гребенчатого штампа, ямочных вдавлений. На поверхности некоторых сосудов иногда встречаются, видимо, пиктографические знаки, смысл которых исследователям пока не ясен. По формам среди сосудов выделяются баночные, острореберные и округлобокие горшки (рис.8).

Кроме посуды, с памятников срубной культуры происходят бронзовые топоры, кинжалы, шилья с костяными рукоятками, бронзовые желобчатые браслеты, серьги, пронизки, каменные булавы грушевидной формы, подвески из клыков животных и другие изделия.

Для срубняков характерны также ножи с плоской рукояткой с ромбовидным расширением на переходе к клинку.

Большинство орудий срубной культуры изготовлено из кремня. На поселениях встречаются кремневые топоры, тесла, наконечники стрел с выемчатым основанием и другие.

Ряд исследователей склонен утверждать, что племена срубной культуры проживали относительно небольшой промежуток времени на рассматриваемой территории. Позднее этот регион сменился населением, памятники которого относят к черкаскульской культуре.

Сравнительно небольшим числом на территории Татарстана представлены памятники сейменской и абашевской археологических культур. Сейменская культура получила название по могильнику у

станции Сейма близ Нижнего Новгорода, изученному в 1924–1927 гг. А.В.Шмидтом. В Татарстане памятники сейменского типа представлены находками отдельных вещей и остатками разрушенного могильника у бывшей деревни Соколовка Спасского района в низовьях реки Ахтай. Среди вещей этого памятника примечательны бронзовые изделия: орнаментированный втульчатый топор–кельт, вислобушный топор и нож–кинжал.

Судя по имеющимся материалам, памятники абашевской культуры располагаются группами на широкой территории Волго–Уралья. Абашевские памятники Татарстана исследователи относят к средневожскому варианту, выявленному в основном на территории Чувашии и республики Марий Эл. Как и во всей средневожской группе, абашевские памятники Татарстана представлены курганными могильниками. Они находятся в основном в бассейне р.Свияги у сел.Васюково, Победа, Карашам.

Оригинальной является абашевская керамика, изготовленная от руки, с примесями в тесте толченых раковин. По формам выделяются сосуды баночных, острореберных и колоколовидных форм. Поверхность сосудов часто орнаментировалась оттисками гребенчатого штампа. Узоры отдельных сосудов представляют сложные композиции треугольников, меандров, каннелюр и др. (рис.9). Абашевские мастера отливали из бронзы топоры, наконечники копий, тесла, украшения. Специфическими для абашевцев являются костяные псалии от конских уздечек в виде дисков с шипами.

Судя по остаткам, основным занятием носителей абашевской культуры было скотоводство. Абашевские племена достигли больших успехов в усовершенствовании конского снаряжения; исследователи считают, что в данное время стал широко использоваться колесный транспорт. В южных регионах абашевской культуры зафиксированы остатки жилищ, немного заглубленных в землю.

Довольно сложным является погребальный обряд рассматриваемых племен. Погребения устраивались под курганами в ямах простых форм. Курганы обычно окружались ровиками. Существовали также погребальные оградки. Могилы имели перекрытия. В большинстве случаев погребенные укладывались на спину, ноги согнуты в коленях, руки были согнуты в локтях. Значительное место в погребальном обряде играл культ огня. Еще до сооружения курганной насыпи на древней поверхности разводились костры. Они располагались около ям, в ровиках и за оградками курганов. В ко-

стрищах встречались фрагменты толстостенной керамики, кости животных. А.Х.Халиков связывал абашевцев с индоиранскими племенами.

Одной из широко распространенных культур Волго–Уральского региона является черкаскульская. Памятники данной культуры зафиксированы в зоне лесостепи от Среднего Урала до реки Волги. Многие исследователи черкаскульские древности включают в круг андронидных культур (федоровская, абашевская, сузгунская и др.) восточного происхождения.

Черкаскульская культура была выделена К.В. Сальниковым в 1964 г. по материалам Черкаскульского селища и других памятников Зауралья. На них обнаружена керамика, близкая посуде андроновской культуры. К.В.Сальников выделял данные комплексы в “лесной андрон”. Обобщенная характеристика памятников данного круга представлена в его книге “Очерки древней истории Южного Урала”, изданной в 1967 г. В ней на территории Татарстана были отмечены относящиеся к данной культуре 3 памятника, изученные А.В.Збруевой у пос. Луговой в Елабужском р–не.

В последующие годы в Татарстане выявлены десятки памятников этого типа, отнесенные Н.Ф.Калининым и А.Х.Халиковым к приказанской культуре. Ряд из них был включен в другие культуры. Однако керамика и обряд некоторых из них явно являются черкаскульскими.

В 1969–1979 гг. Е.П.Казаков изучил более 60–ти погребений этой культуры на Такталачукском могильнике в Актанышском районе Татарстана. Это пока самый крупный, из числа раскопанных, некрополь культуры и богатый материал его лег в основу выделенного М.Ф.Обыденовым такталачукского этапа черкаскульских древностей (третья четверть II тыс. до н.э.) (рис.10–11).

Антрополог Н.М.Рудь провела изучение костяков из Такталачукского могильника. Она пришла к выводу, что в это время на территории Татарстана жило смешанное по антропологическому типу население, имевшего как европеоидные, так и монголоидные признаки. Средний рост носителей черкаскульской культуры составлял всего 162–164 см, а женщин 155 см. По физическому типу это население было близким этническим группам, оставившим памятники андроновской культуры в степях Казахстана.

Материалы, полученные с поселений и могильников, позволяют достаточно полно характеризовать эту культуру на территории Та-

тарстана. Ее носители появились на Нижней Каме в XIV в. до н.э. вслед за населением сейминской и абашевской культур с востока. Черкаскульцы, судя по материалам, были оседлыми скотоводами. Их поселения занимали площадки пологих надпойменных террас. У с.Уразаево Актанышского р–на П.Н.Старостин на черкаскульских стоянках выявил культурные слои мощностью от 30 до 80 см, содержащие керамику, кости животных, металлические изделия. Однако число таких поселений значительно меньше, чем срубных.

Полнее представлены материалы черкаскульских погребений, которые совершались под небольшими курганами. Под каждым курганом обычно находилось по одному захоронению в неглубокой яме подчетыреугольной формы. Погребенные чаще всего помещались в скорченном положении, с подогнутыми ногами, – на боку, головами на восток. Они сопровождались сосудом (в изголовье) и бронзовыми ножами и другими изделиями. Как и в зауральских комплексах, на площадках могильников обнаружены жертвенники со скоплениями пережженных остатков, развалов сосудов и других предметов (см.Балымский и Такталачукский комплексы).

Вещевой материал с черкаскульских памятников представлен керамикой (Рис.10), металлическими и кремневыми изделиями, предметами из кости (Рис.11). Керамика (много хорошо сохранившихся экземпляров ее из могильников) в виде плоскостенных горшков, часто с примесью толченых раковин. Она украшалась оттисками гребенки, каннелюрами, заштрихованными треугольниками, меандрами, подтреугольными ямками. Подобная посуда встречается в абашевских, федоровских, сузгунских и других комплексах андроновского круга.

Формы бронзовых изделий продолжали традиции предшествующих типов середины II тыс. до н.э. Среди них преобладают ножи трех типов: I – сейменского типа по слабо выраженной рукоятю, II – срубного типа с ромбическим расширением рукоятя и III – с упором при переходе от рукоятя к клинку. Все эти типы ножей встречаются в погребениях Такталачукского могильника. Найдены в погребениях бронзовое копье с пламневидным пером, игла, височные подвески, свернутые из листа бронзы. Наконечники стрел изготовлялись из кости и кремня. В погребении 300 могильника Такталачук найдены три наконечника стрел с выемчатым основаниями.

Потомки черкаскульского населения, видимо, продолжали проживать на территории Нижнего Прикамья и в последней четверти II

тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют памятники с керамикой межовского этапа черкаскульской культуры. В упрощенной форме и орнаментации ее сохраняются многие элементы, предыдущего, такталачукского, этапа. Межовские памятники встречены и в Заволжье к югу от Татарстана (Сусканское поселение). Однако, основная часть их отмечена в Приуралье и в Прикамье (Луговская, Ильичевская группы и др.; раскопки А.В.Збруевой и В.Н.Маркова).

У с.Подгорные Байлары в Мензелинском р-не Е.П.Казаковым изучен могильник с подкурганскими погребениями этого времени. Погребенные были ориентированы головой на запад. Рядом с могилами находились две ритуальные ямы, в которых встречены угольники, измельченные кости животных и человека.

В этот период высокого развития достигла металлургия местного населения. Имеется целый ряд кладов изделий из бронзы, найденных на территории республики. Одним из них является Дербеденьский клад, найденный еще в XIX в. близ д.Дербедень (Альметьевский р-он Татарстана). В него входили бронзовые серпы-секачи, втульчатые топоры, тесло, нож. Такие же предметы встречены и на других памятниках Волго-Камья. Серповидные изделия говорят о том, что население активно занималось заготовкой сена и веточного корма для скота.

Заключительный этап бронзового века представлен памятниками маклашеевского типа. А.Х.Халиков относил их к маклашеевскому этапу приказанской культуры. Однако в последние годы часть исследователей (В.Н.Марков и др.), используя новые материалы, вполне обоснованно выделяют маклашеевские памятники в отдельную культуру. Высказываются также мнения, что она является переходной от эпохи бронзы к эпохе раннего железа или даже относится к раннему железному веку.

Маклашеевская группа памятников получила свое название по курганному могильнику, расположенному у бывшей д.Маклашеевка в Спасском р-не Татарстана. В 1897–98 гг. исследование их провели П.А.Пономарев и А.А.Спицын. В 1961–1962 гг. раскопки были продолжены А.Х.Халиковым.

Территория распространения маклашеевских памятников почти совпадает с локализацией памятников последующей ананьинской культуры. Памятники маклашеевского круга концентрируются по краям террас широких долин рек Волго-Камья. Зафиксирована тенденция устройства поселений на высоких мысах коренных террас,

их останцах и даже возведения в виде укреплений валов и рвов (городище Казанка II и др.).

Площадь основной массы поселений составляет 3,6 тыс. кв.м, хотя у наиболее крупных она достигает 15 тыс. кв.м. На некоторых памятниках изучены довольно узкие (4–5 м), но длинные (до 12 м) наземные дома со столбовой конструкцией и очагами. На территории поселений выявлены также жертвенники в виде кострищ с включением обломков керамики, костей животных, кремня.

Как и большинство поселений, маклашеевские могильники располагаются по краям надлуговых террас. В настоящее время исследовано полтора десятка могильников, на которых зафиксировано около двухсот пятидесяти захоронений (Маклашеевский III, Новомордовские V, VIII; Полянский II, Луговской, Кумысский, Мурзинский и др.).

Захоронения обычно совершались в подпрямоугольных могильных ямах глубиной около 1 м. На раннем этапе над ними насыпались небольшие курганы. Большинство погребений одиночные. Уложены вытянуто, на спине, головой к северу. Реже встречаются парные и коллективные захоронения. Погребенные сопровождалась заупокойной пищей, от которой сохранялись кости животных; бронзовыми, кремневыми и костяными поделками; а также сосудами. На площадках могильников в неглубоких ямах возле могил зафиксированы остатки жертвенных комплексов в виде костей животных и сосудов.

Примечательны остатки захоронений знатных представителей племени. Одно из них изучено на могильнике “Девичий городок IV” в низовьях р.Ахтай. Погребение совершено в большой яме размером 400x180 см. От жертвенной пищи сохранился скелет овцы (?) и кости лошади. Среди сопровождающего инвентаря были диоритовая булава, бронзовые копье, нож-кинжал и другие вещи.

Среди маклашеевского вещевого инвентаря преобладает керамика. Она лепная круглодонная, что сразу отличает ее от плоскодонной посуды предыдущего времени, которую А.Х.Халиков относил к атабаевскому этапу приказанской культуры. Выделяется керамика с парными зигзагообразными резными или гребенчатыми линиями (рис.12), а также строеными ямками по шейке и сосуды с отпечатками на стенках ткани. Последние отражают западное волго-окское влияние.

Судя по вещевому инвентарю (см.рис.13), маклашеевские комплексы можно датировать XI–IX вв. до н.э. По ряду бронзовых и костяных изделий они непосредственно связываются с последующими (ананьинскими) древностями раннего железного века.

Основой хозяйства маклашеевского населения было скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Об использовании лошадей в качестве ездовых животных свидетельствуют многочисленные костяные стержневые псалии с отверстиями для продевания ремня. Заметную роль в хозяйстве занимали и прилегающие отрасли: охота, рыболовство, собирательство.

А.Х.Халиков, относя маклашеевские древности к заключительному этапу приказанской культуры, считал, что их носителями были восточные группы финно–язычного населения. В определенной мере это подтверждается и связями маклашеевских комплексов с ананьинскими. В то же время следует учитывать и пришлый характер маклашеевского населения, истоки которого еще не выяснены.

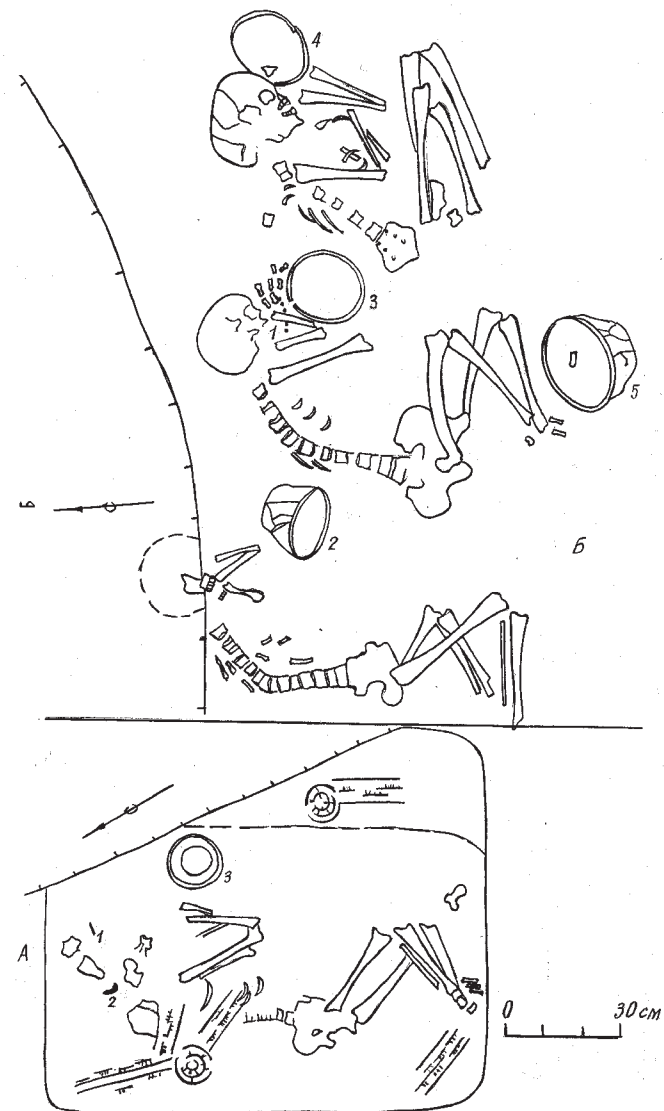

Рис.7 Погребения срубной культуры Старобайсаровского (А) и Девичьегородского III (Б) могильников.

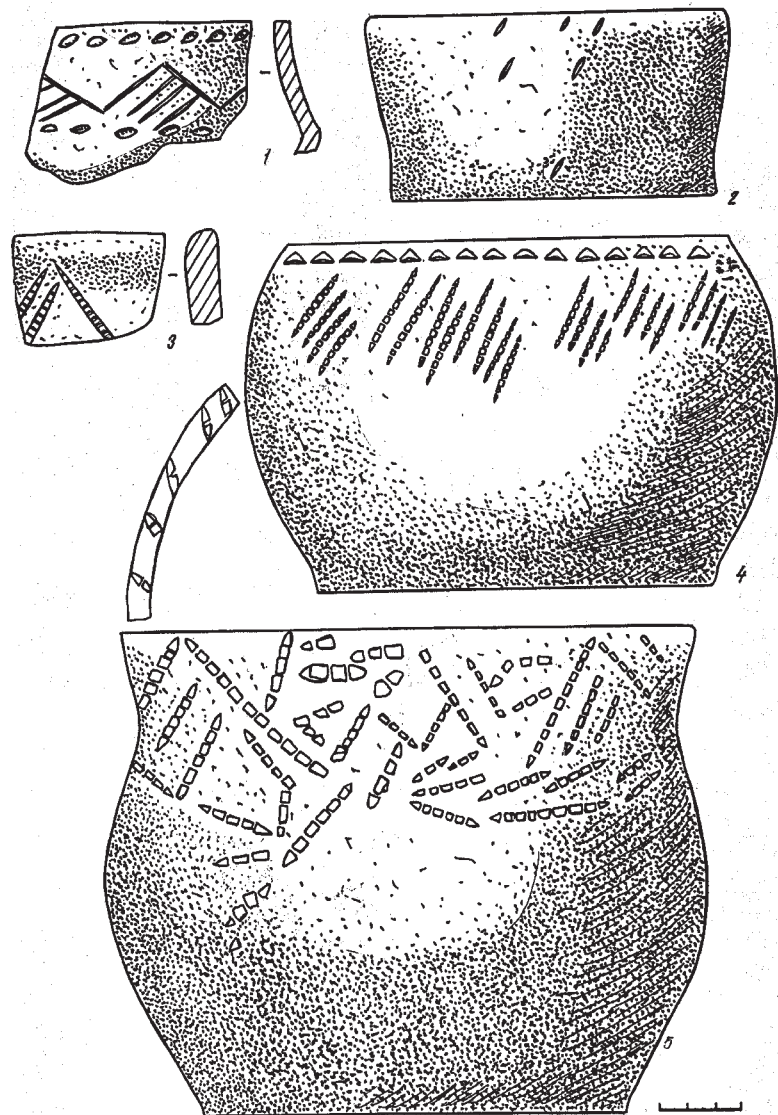

Рис.8. Керамика срубной культуры Бетькинского могильника.

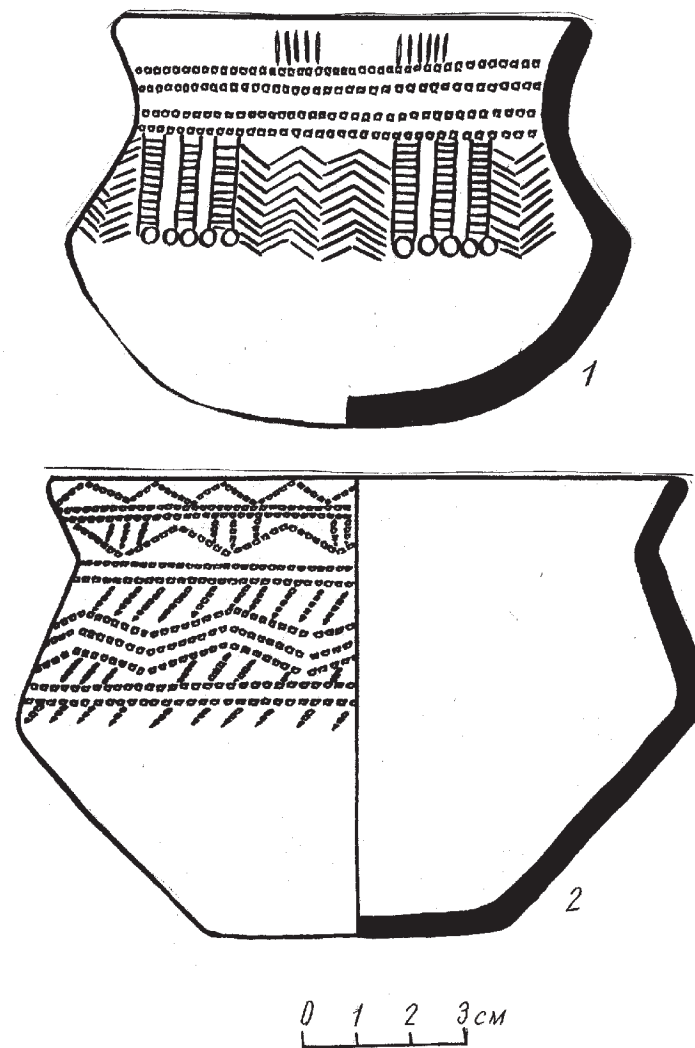

Рис.9. Сосуды абашевской культуры из погребений Виловатовских курганов.

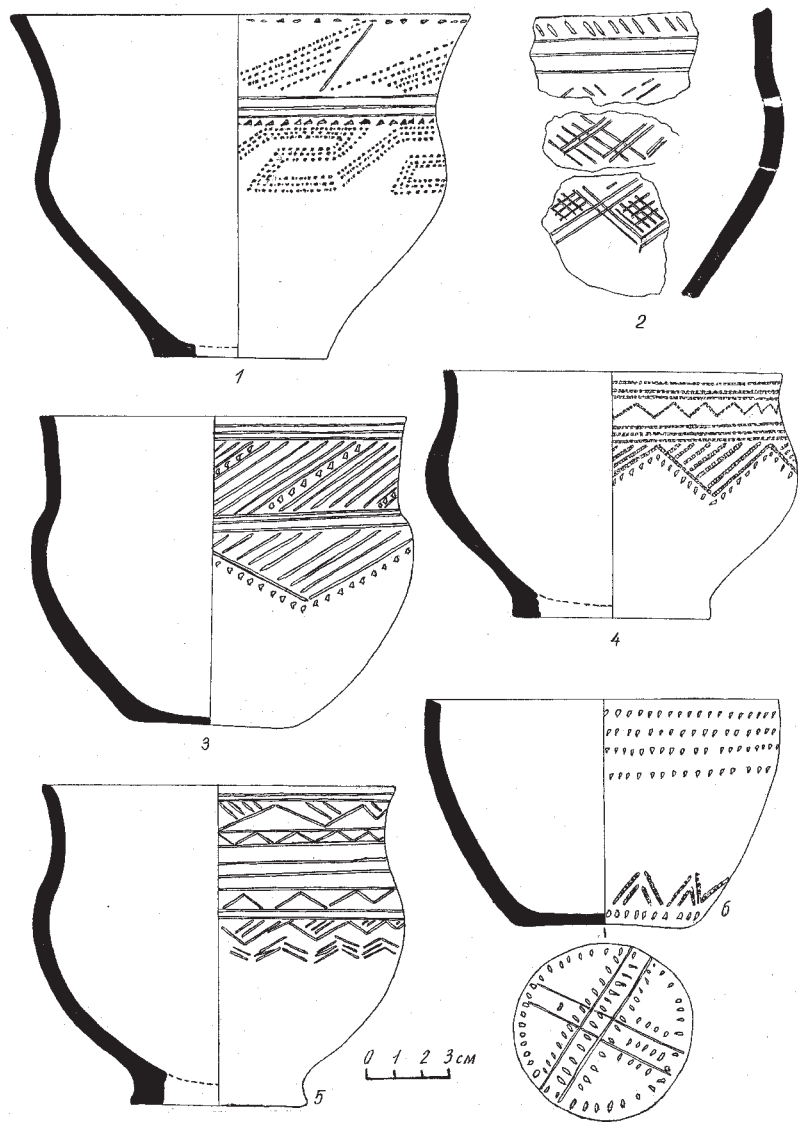

Рис.10. Черкаскульская керамика из погребений могильника Такталачук.

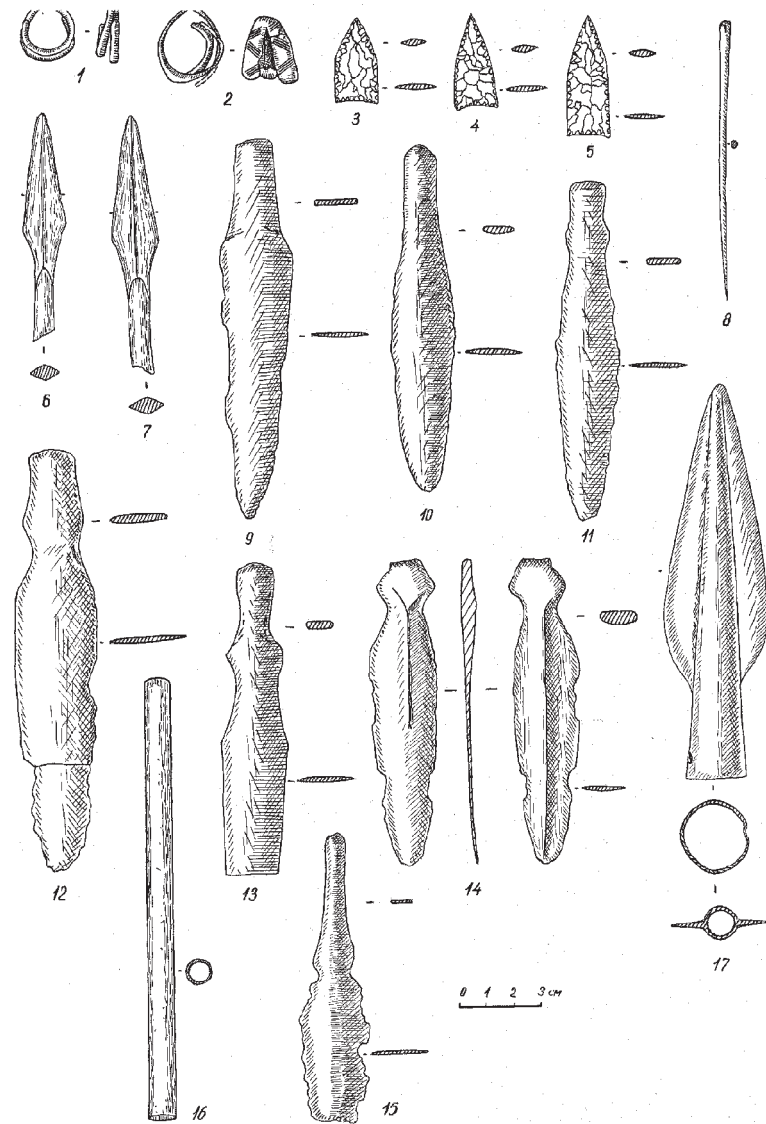

Рис.11. Вещевой материал из погребений могильника Такталачук. 1,2,8-15,17 – металл; 3,4,5 – кремний; 16 – кость.

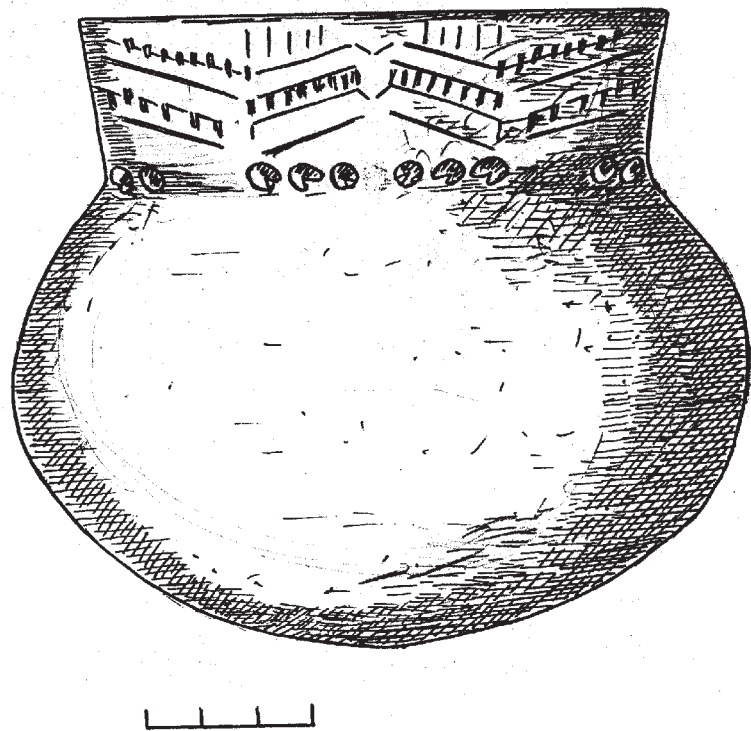

Рис.12. Сосуд маклашеевской культуры с могильника Девичий городок IV.

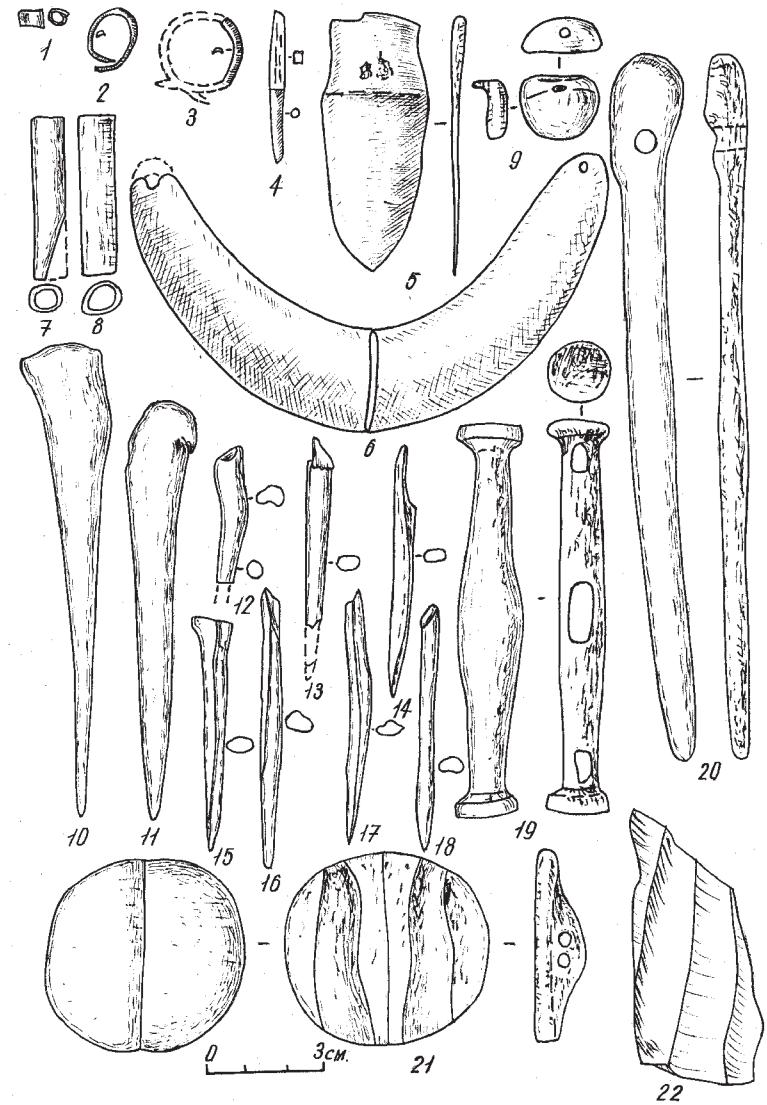

Рис.13. Вещевой материал маклашеевской культуры могильника Девичий городок IV. 1-6 – бронза, 22 – кремень, остальное – кость.

В.Н. Марков

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.
ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ VIII–V ВВ. ДО Н.Э.**

Эпоха раннего железа знаменует собой повышение уровня социального и экономического развития народов. Знакомство человека с железом обеспечило ему большие возможности в освоении земель, обработке орудий труда и охоты, оружия, а с их помощью и новый уровень развития общества.

Долгим был путь человечества к освоению железа, хотя оно является одним из самых распространенных металлов на Земле. Человеку еще в глубокой древности было известно метеоритное железо. Из него, например, изготовились отдельные украшения, найденные в Египте, в погребениях начала IV тыс. до н.э. Используя метеоритное железо, люди применяли ту же технику, что и при обработке камня. Метеоритное железо было очень хрупким, содержало много никеля и поддавалось обработке только в холодном состоянии. Археологам известны находки метеоритных орудий, напоминающие вкладыши эпохи мезолита и неолита.

Намного позднее человек освоил навыки получения железа из руд. Железная руда встречается чаще, чем медная. Однако, в отличие от меди или золота, железо в природе не встречается в чистом виде. Оно представляет химическое соединение, чаще всего в виде руд. Технологический процесс получения железа из руды достаточно сложен. Для получения жидкого железа из руды необходима была очень высокая температура + 1528°. В древности получить такую высокую температуру в обычном костре было не возможно. И только тогда, когда люди научились нагнетать воздух в плавильные ямы или в специально обустроенные печи, удалось доводить в них температуру до +1300° С, при которой железо имело кашеобразное состояние. Эта кашеобразная железная масса оседала на дне плавильной ямы, превращаясь при остывании в пористый слиток – крицу. Ее в дальнейшем обрабатывали путем горячейковки, придавая

изделию необходимую форму. Подобный способ получения железа называется сыродутным. Это связано с тем, что в разгоревшую печь подавался “сырой”, т.е. холодный воздух, позволявший усилить в ней горение. Необходимо сказать, что самые первые изделия, изготовленные из выплавленного кричного железа, были очень мягкими и значительно уступали по твердости образцовым. Только позднее, путем совершенствования технологии, люди к железу научились добавлять углерод. Оно приобрело новое качество – необходимую твердость. Это, в свою очередь, позволило человеку приступить к постепенной замене бронзовых орудий труда и оружия на железные.

Сыродутным способом железо добывали вплоть до XIX века и только с усовершенствованием плавильных печей, куда подавался горячий воздух, удалось добиться значительного повышения температуры в них, позволяющей плавить железо до жидкого состояния и использовать его для литья различных предметов или заготовок для них.

Следует сразу отметить, что понятие «железный век» является чисто археологической категорией и не отражает уровень социального развития населения, освоившего навыки обработки железа. Так, например, в некоторых странах Переднего Востока, Египте, Индии и др., классовые общества сложились задолго до появления железа. В то же время, знакомство с железом населения лесостепной зоны не повлияло существенным образом на его социальный строй. Многие племена крайнего севера Европы и Азии почти до II тыс. н.э. не знали железа.

На территории республики Татарстан начало раннего железного века относят к VIII в. до н.э. Обычно его связывают с так называемой ананьинской культурой. Это условное название она получила по первому широко исследованному в 1856 г. могильнику у д.Ананьино, недалеко от г.Елабуги.

Первые сведения об этом могильнике исследователи получили от елабужского краеведа и любителя старины И.В.Шишкина – отца знаменитого художника – пейзажиста И.И.Шишкина. В дальнейшем Ананьинский могильник изучался многими археологами. Среди них нужно особо отметить П.В.Алабина, К.И.Невоструева, П.А.Пономарева и А.В.Збруеву. Местные жители часто предпринимали самостоятельные раскопки Ананьинского могильника с целью получения древних вещей на продажу. К счастью, часть этих вещей сохрани-

лась, но большинство из них оказалось к настоящему времени утраченным.

Долгое время Ананьинский могильник был единственным в своем роде. Поэтому и возникло предположение, основанное на сходстве некоторых предметов, что он был оставлен населением, пришедшим на Каму из Сибири или южнорусских степей. В дальнейшем были еще открыты подобные могильники (Котловский, Луговской, Зуевский и др.), а также места поселений, материалы которых позволили считать, что они были оставлены местным населением.

Поселения раннего железного века (городища и селища) устраивались как правило на высоких берегах больших рек. Остатки их известны у современных селений Сорочьи Горы, Антоновка, Грохань и других местах на территории Татарстана. Люди раннего железного века стремились максимально использовать естественные природные убежища для своей безопасности в случае нападения врагов. Обычно для городищ выбирали треугольные мысы, ограниченные двумя оврагами или мысы, образованные глубоким оврагом и крутым, почти вертикальным берегом реки. Незащищенную естественной преградой часть площадки поселения часто перегораживали искусственными укреплениями. В этих местах прорывали глубокий ров и насыпали земляной вал, который, как считают некоторые исследователи, дополнялся частоколом, устанавливавшимся на гребне вала.

При раскопках поселений археологи выявляют в основном следы хозяйственной деятельности населения раннего железного века. Многочисленные находки вещей позволяют говорить, что это были остатки жилых построек по изготовлению каменных и костяных орудий, а также мест для выплавки металла.

Жилища в эпоху раннего железного века имели различную планировку. Известны остатки вытянутых прямоугольных построек, но нередко встречаются остатки строений, имевших в плане квадратную форму. Большую их часть они представляли собою постройки наземного типа, но иногда незначительно заглублялись в грунт, что дает возможность называть их полуземлянками. Почти всегда внутри жилых помещений были обнаружены очаги, которые представляли остатки кострищ, нередко обложенные по периметру крупными камнями. После угасания в очаге огня они еще долгое время хранили в жилище тепло. Остатки очагов, снабженных навесом, часто встречаются и перед входом в жилище. Они, по всей вероятности,

использовались в летнее время, когда не было необходимости обогревать помещение. Дело в том, что открытые очаги создавали сильно задымленную атмосферу внутри жилища и их, скорее всего, использовали только в холодное время года. О хозяйственно-бытовом назначении этих очагов свидетельствуют сконцентрированные около них находки: остатки пищи в виде костей животных, битая посуда и некоторые другие предметы кухонной утвари. Нередко при раскопках встречаются следы от некогда врытых в землю столбов. Их расположение и планировка позволяют предполагать, что они представляли собой остатки свайных построек типа лабазов, предназначенных для хранения продуктов и, особенно, для защиты этих продуктов от грызунов. Значительный интерес представляют собой места для выплавки металла. Они выглядят как система очагов, объединенных общей наземной конструкцией. О назначении этих конструкций свидетельствуют обнаруженные рядом с ними многочисленные обломки глиняных тиглей, в которых плавился металл, фрагменты литейных форм и шлаки с застывшими на них капельками бронзы.

При исследовании могильников раннего железного века, можно выяснить многие детали, связанные с погребальным обрядом, обычаями и религиозными верованиями оставившего их населения.

На территории Татарстана, например, в могильниках раннего железного века зафиксированы погребения с вещами, которые были умышленно испорчены до того, как их положили в могилу. В качестве примера можно указать на испорченные острия лезвий и ножей, поломку рукояток и древков топоров и копий и т.д. По древним поверьям было принято считать, что вещь должна «умирать» вместе с ее владельцем и в загробном мире «умершая» вещь должна служить своему хозяину.

Считается, что племена раннего железного века, обитавшие в Волго-Камье, являлись одними из предков местных современных финноязычных народов Поволжья и Приуралья: марийцев, удмуртов, коми-пермяков и коми-зырян. Безусловно, в этом есть доля истины, однако нельзя не учитывать, что в течение многих столетий к месту слияния Волги с Камой, которое являлось природной кладовой с фактически неограниченными запасами промысловых животных, птиц и рыбы, а также обильными лугами для летнего выпаса скота, стремились многочисленные племена из других регионов. Здесь племенам кочевников и скотоводов из южных степей, охот-

никам и рыболовам с северных областей и Сибири удача была обеспечена. Имеются данные, что племена, обитавшие на территории современного Татарстана, с раннего железного века смешивались между собой и развивались в дальнейшем под влиянием различных культурных и языковых традиций. Судя по материалам, полученным археологами и данным палеолингвистики, на территории Волго–Камья обитали представители финской, индо–иранской и тюркской языковых групп населения. Большая доля вероятности в формировании современных народов Поволжья и Приуралья еще с раннего железного века принадлежит предкам угроззычных народов. Это хорошо прослеживается при изучении религиозных верований и обрядов племен раннего железного века, населявших Волго–Камье. В то же время значительная часть обнаруженных в могильниках вещей и некоторые выявленные детали погребального обряда проявляют сходство с вещами и погребальным обрядом, исследованными археологами в южнорусских и южносибирских степях. Это объясняет некоторую приверженность местных племен к сжиганию покойников. По древним поверьям у некоторых народов кремация (сжигание) покойников приводила к очищению души умерших от всех грехов и неблагоприятных дел, которые они совершали в реальном мире. Надо сказать, что подобные языческие традиции держались в местном крае очень долго. И только с проникновением сюда мусульманства и христианства они были существенно изменены или полностью утрачены. Однако, если внимательно изучать этнографический материал, их реликтовые остатки, можно наблюдать и в наше время.

В 1961 г. казанскими археологами было сделано уникальное открытие. Недалеко от бывшего с.Ново–Мордово был выявлен могильник раннего железного века, где кроме обычных вещей, сопровождавших покойных, были обнаружены каменные стелы–надгробия (рис.15–18). Они представляли собой изваяния, на лицевой стороне которых были рельефно изображены секиры и кинжалы. По мнению некоторых исследователей, эти изображения являлись символами власти племенных вождей. Позднее такие каменные надгробия были обнаружены и на других могильниках: Мурзихинских I и II, Семеновском VI, Тетюшском и Морквашинском. Положение костяков в погребениях и сопровождающий их инвентарь дают возможность судить о некоторых деталях погребального обряда. Как правило, погребенные лежали на спине с вытянутыми вдоль туло-

вища руками. В большинстве случаев, покойника сопровождали вещи, которые, скорее всего, принадлежали ему при жизни. Они представлены глиняной посудой, орудиями труда и оружием, изготовленными из бронзы, железа и камня. Набор вещей, сопровождавший покойного, и способ его захоронения зависели от бывшего положения умершего в обществе.

Интересную и, в то же время, еще во многом нерешенную проблему представляет собой происхождение племен раннего железного века, обитавших в Волго–Камье. До настоящего времени она во многом остается неясной. Археологам известны факты проникновения на территорию Волго–Камья племен, населявших Северное Приуралье. Некоторые элементы погребального обряда, выявленные при раскопках могильников, позволяют говорить о том, что процесс формирования населения Волго–Камья этого времени был многокомпонентным. Среда обитания, сходные формы ведения хозяйства, взаимовыгодные контакты сближали людей разных племен, что в дальнейшем повлияло и на сложение близких по облику культур местного населения, которые, в свою очередь, сыграли существенную роль в формировании современных народов Поволжья и Приуралья.

Ивентарь из погребений, жилищ и хозяйственных построек довольно разнообразен. В материалах могильников преобладают оружие, украшения, глиняная посуда и орудия труда. В материалах поселений раннего железного века преобладают остатки глиняной посуды. Это были сосуды (рис.14,15–17), имевшие круглодонную форму, с орнаментом, выполненным оттисками шнура, зубчатого штампа, различными ямочными, овальными или каплевидными вдавлениями. К глине, из которой готовилась посуда, примешивались толченая раковина или песок. Поверхность сосудов раннего железного века, как правило, тщательно заглаживалась, хотя имеются экземпляры со штрихами зачистки пучками травы.

Одной из самых многочисленных находок в памятниках раннего железного века в Волго–Камье являются бронзовые кельты (рис.14–1–3). Кельты – это топоры своеобразной конструкции. У них нет проуха и древко – рукоять прикреплялась к ним путем заклинивания его во втулке орудия. Другой многочисленной категорией находок у населения раннего железного века Волго–Камья являются наконечники копий из бронзы и железа. Бронзовые наконечники копий имеют весьма своеобразный облик. Нередко в нижней час-

ти пера наконечников имеются прорези, в которые, как показывают материалы некоторых могильников, продевались ремешки с прикрепленными к ним амулетами.

Многочисленны находки бронзовых и железных наконечников стрел. Бронзовые наконечники стрел очень близки скифским. Нередки находки наконечников с боковыми шипами на втулке, которые затрудняли их изъятие из тела пораженного человека. Известны погребения, где в костях умерших были обнаружены застрявшие наконечники стрел подобного типа, что и послужило причиной их смерти.

Статистические подсчеты материалов раннего железного века Волго–Камья дают несколько парадоксальные выводы. В самом начале эпохи раннего железного века, т.е. в VIII–VII вв. до н.э., изделия, изготовленные из железа, употреблялись гораздо чаще. С течением времени их употребление идет на убыль. Последними исследованиями установлено, что в VI в. до н.э. на территорию Татарстана проникают племена из Северного Приуралья, у которых были очень сильны традиции меднолитейного производства. Этим и объясняется повышение количества бронзовых изделий в памятниках раннего железного века Болго–Камья к середине I тыс. до н.э. Довольно частые находки деталей конской узды (удил и псалиев), свидетельствуют о применении лошади в качестве ездового животного. Есть данные, что в эту эпоху население местного края разводило коров, свиней и мелкий рогатый скот. Однако это не противоречит представлениям, что обитатели Болго–Камья в эпоху раннего железа были в основном охотниками и рыболовами. Совершенно очевидно, что местные племена не могли прокормить свое стадо зимой, поскольку это требовало колоссальных затрат труда при отсутствии у них орудий, позволяющих косить траву и заготавливать в необходимом количестве сено, чтобы кормить животных зимой. Навыки земледелия скорее всего также были неизвестны местному населению. Здесь опять же уместно вспомнить про отсутствие у него орудий для уборки урожая, хотя изредка и встречаются небольшие серповидные ножи, которые, скорее всего, служили для сбора целебных растений. Об отсутствии земледелия у племен раннего железного века в местном крае могут свидетельствовать и данные, показывающие, что в раннем железном веке большая часть Волго–Камья была покрыта густыми таежными лесами, а открытые пространства могли обеспечить только летний выпас небольшо-

численного стада. Безусловно, местные обитатели в эту эпоху были знакомы с продуктами земледелия, но, скорее всего, они получали их в обмен на добытую пушнину от населения южнорусских степей.

Связи населения Волго–Камья в эпоху раннего железа с южными племенами представляют особый интерес. Наиболее ранние памятники этой эпохи, особенно могильники, содержат много вещей, указывающих на контакты местного населения с Кавказом. Среди них железные кинжалы с бронзовыми рукоятками, некоторые типы железных наконечников копий и стрел, разнообразные украшения в виде блях и пластинчатых накладок и многие другие. Ближе к VI в. до н.э. отношения с Кавказом начинают угасать в связи с заселением степей Северного Причерноморья скифскими племенами. Обнаруженные на территории республики Татарстан вещи в погребениях, относящихся к этому времени, часто имеют скифский облик. Это мечи–акинаки с сердцевидным перекрестием, всевозможные бляхи, пряжки и украшения в так называемом «зверином стиле». Изображение фантастических животных – грифонов, пантер, оленей и других, обычны на памятниках раннего железного века в Волго–Камье.

Проблема происхождения племен раннего железного века в Волго–Камье остается до настоящего времени еще во многом неясной. Наиболее ранний памятник на территории РТ был обнаружен у бывшего с. Маклашеевка в Спасском районе. Он весьма отличается по облику материальной культуры от памятников эпохи поздней бронзы, исследованных на этой же территории. Погребения этого могильника имеют искусственную насыпь, так называемый курган. Возведение кургана над могилами предков первоначально являлось характерным только для степняков–кочевников. В ровной степи, где не было естественных ориентиров, курганы помогали определяться на местности и находить дорогу к могилам для почитания усопших сородичей. Эта устоявшаяся традиция позднее была усвоена некоторыми лесостепными и даже таежными племенами в результате экономических и, видимо, межбрачных контактов.

Вероятнее всего, что основой сложения племен раннего железного века на территории современной республики Татарстан, являлись какие–то племена эпохи поздней бронзы, близкие по культуре позднечеркаскульским, которые вступили в родственные связи с пришлым населением, оставившим памятники типа Маклашеевского могильника. Истоки населения, оставившего Маклашеевский

и подобные ему могильники, а также целый ряд поселений, остаются до настоящего времени не вполне определенными. Однако некоторые детали погребального обряда и сопровождающий погребенных инвентарь в какой-то степени указывают на связь маклашевских племен с населением Южной Сибири. Среди них обычай установки каменных надгробий – стел над могилами погребенных, обкладка каменными плитами некоторых захоронений, а также определенное сходство форм и орнамента посуды, типов медно-бронзовых изделий, обнаруженных в Волго-Камье с южносибирскими.

Ближние взаимовыгодные экономические контакты пришлого населения с местным, скорее всего, переросли в кровнородственные, что и заложило фундамент сложения ряда современных народов Поволжья, Прикамья и Приуралья.

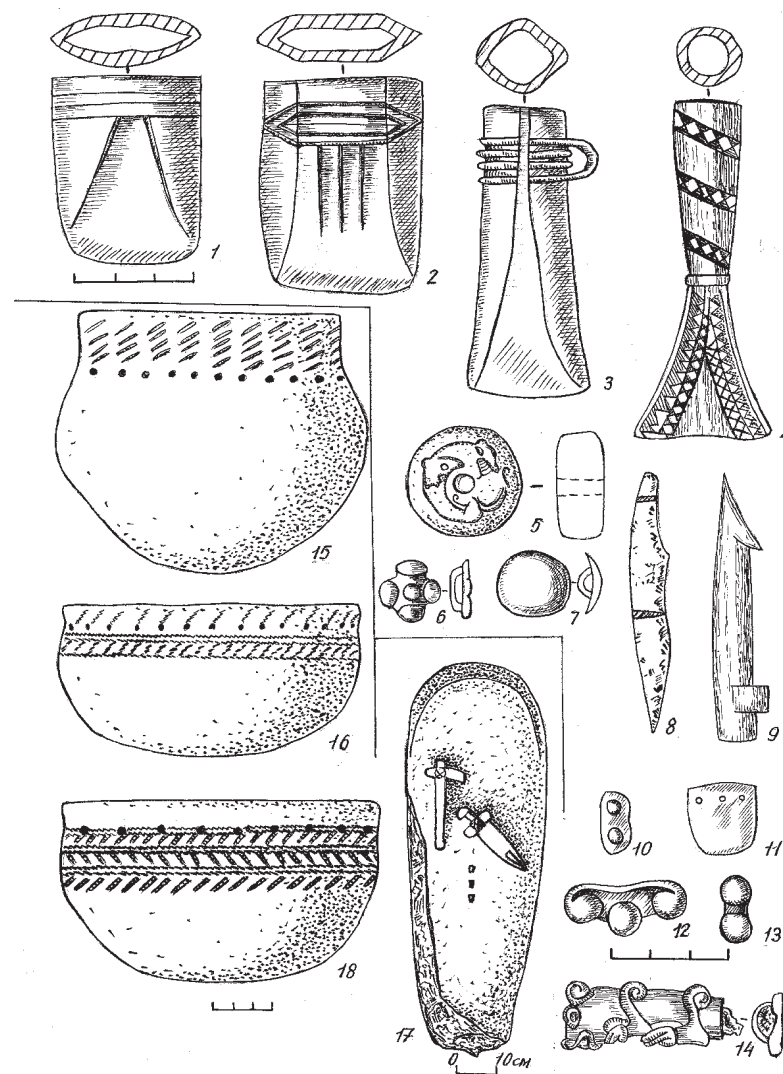

Рис.14. Вещи с памятников ананьинской общности. 1–3,6,7,10–14 – бронза; 4,9 – кость; 5,18 – камень; 8 – железо; 15–17 – керамика. 1,2,8,12–14 – Мурзихинский могильник 1; 3,17 – Ново-Мордовский могильник 1; 4,9,15 – городище Сорочьи Горы; 5 – поселение Курган; 10,11 – городище Гремячий Ключ; 6,7 – Мурзихинский II могильник; 6,18 – городище Черепашье.

ОЧЕРК 7.

П.Н. Старостин

ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА

Пьяноборская культура получила название по могильникам в с.Пьяный Бор (ныне Красный Бор) Агрызского района Татарстана. Территория ее в основном охватывает Нижнюю Белую и Среднюю Каму. Известным башкирским исследователем Б.Б.Агеевым на этой территории учтено 32 могильника и 140 поселений. Дата пьяноборской культуры большинством археологов определяется в пределах II в. до н.э. – III в. н.э.

Материалы пьяноборской культуры стали входить в научный оборот в конце XIX столетия. В 1880 г. в Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете поступила коллекция древних вещей, собранная в районе с.Красный Бор. Начальные этапы изучения пьяноборской культуры связаны с именами археологов П.А.Пономарева, Ф.Д.Нефедова и А.А.Спицына. Последний проводил в 1898 г. раскопки Нырғындинского I и II могильников (вскрыто 45 погребений) и включил в оборот термин “пьяноборская культура”. Изучением пьяноборских древностей позднее занимались М.Г.Худяков, А.П.Смирнов, В.Ф.Генинг, Н.А.Мажитов, А.Х.Пшеничнюк, В.А.Иванов, Б.Б.Агеев, Г.Н.Клюева, Н.А.Лещинская, Е.П.Казаков, П.Н.Старостин и другие исследователи.

Картографирование памятников показывает, что носители этой культуры обычно селились по берегам Камы, Белой и долинам их притоков. Пьяноборская культура представлена селищами, городищами, могильниками, кладами и отдельными местонахождениями. На территории Татарстана зафиксировано 109 памятников (78 селищ, 15 городищ, 7 могильников и 9 местонахождений). Во многих случаях они располагались группами. Например, Актанышская группа состояла из шести селищ, Масадинская – из четырех. Основными центрами жизни носителей пьяноборской культуры были селища, занимавшие как правило края надлуговых или коренных террас.

Судя по распространению подъемного материала, в среднем площадь селищ составляла около 5000 кв.м.

Городища обычно занимали мысы коренных террас. С напольной стороны площадки их ограждались одним, двумя или тремя валами; некоторые городища имели кольцевые валы. Размеры городищ различны. Площадка Тайгузинских I и II городищ в Мензелинском районе Татарстана около 700 кв.м, однако по данным В.А.Иванова, площадь городища Серенькино у д.Гремячий Ключ в Илишевском районе Башкортостана составляет до 26400 кв.м. Размеры площадок большинства городищ в пределах 4–8 тыс. кв.м. Культурные слои на многих из них очень слабые, что свидетельствует об использовании их в качестве убежищ. В период опасности за стены городищ уходило население селищ.

Раскопки поселений пьяноборской культуры Татарстана практически не проводились, также слабо они изучены в Удмуртии и Башкортостане. Имеющийся ныне поселенческий материал позволяет утверждать, что основными жилищами изучаемого населения были наземные подчетыреугольные срубные дома. Остатки их впервые выявлены В.Ф.Генингом на городище Чеганда I в Удмуртии. Размеры домов составляли 5x12 и 5x9 м. Исследователь предполагал, что эти жилища состояли из 7–8 венцов и имели двускатные перекрытия. Внутри жилищ зафиксированы остатки очагов, а также нары–лежанки. В.Ф.Генингу также удалось выявить, что жилища располагались тремя рядами. Вероятно, на поселении функционировало 20–25 домов.

Заслуживают внимания выявленные на городище остатки сооружений для получения железа. Они представляли спаренные ямы. В одну из них закладывались послойно руда и уголь и поджигались. Вторая часть, отделенная от первой, служила предтопчным помещением. С этой стороны через отверстия (глиняные трубки) от мехов подавался воздух. Восстановившееся из руды железо стекало в нижнюю часть горнового помещения. После того, когда горн остывал, с его дна вынимали слиток железа (крицу). Многие считают, что крицы пьяноборских металлургов были небольшими (вес их составлял 1–2 кг). Остатки аналогичных предметов (крицы, шлаки, сопла и т.д.) обнаружены на территории Башкортостана на городищах Серенькино и Юлдашевском. На поселениях пьяноборской культуры зафиксированы земляные ямы. По мнению многих исследователей, они использовались для хранения продуктовых запасов.

У пьяноборского населения окончательно вышли из употребления бронзовые орудия труда и оружие. Но бронзолитейное производство сохранилось и было связано с изготовлением главным образом украшений и принадлежностей костюма. На поселениях встречены также остатки костяных (наконечников стрел и проколов), каменных (точильные бруски, зернотерки) орудий и глиняная посуда. Последняя, круглодонная, с примесями в тесте толченых раковин, иногда украшенная по шейке ямочными вдавлениями, изготавливалась вручную.

Хозяйство населения пьяноборской культуры было комплексным. Оно включало скотоводство, охоту, рыбную ловлю, собирательство. Вопрос о земледелии у изучаемых племен остается открытым. Выразительных форм почвообрабатывающих и уборочных орудий на памятниках изучаемого круга пока не зафиксировано. Можно лишь отметить находки зерен полбы с Ново-Кабановского городища в низовьях р.Белой, относящегося к ананьинско-пьяноборскому времени. Наличие скотоводства документируется находками костей домашних животных в культурных слоях поселений. Остеологами зафиксированы остатки лошадей, крупного рогатого скота, свиней, мелкого рогатого скота. О разведении лошадей свидетельствуют также находки удила в погребениях. Судя по имеющимся материалам, лошадь использовалась не только на мясо, но и для верховой езды, особенно, если учесть отношения с южными соседями – кочевниками – сарматами, которые не всегда были мирными. Поэтому, чтобы противостоять, нужны были свои воины – всадники.

О рыболовстве свидетельствуют крючки, изготовленные из бронзы и кости. Вероятно, судя по облику хозяйственной деятельности других народов Восточной Европы, население знало и применяло лов рыбы сетями, гарпунами, заколами и другими способами. Основными орудиями охоты были луки и стрелы. На поселениях встречены костные остатки диких животных.

Более полно изучены пьяноборские могильники. Основная их часть раскапывалась в Башкортостане и Удмуртии. Выше нами уже отмечалось, что в Татарстане зафиксировано семь пьяноборских могильников. На четырех из них проведены небольшие раскопки: Деуковских II и III, Меллятамакском и Старо-Чекмакском.

Могильники располагались на краях надлуговых террас, или их останцах, не затопляемых весенними паводками. Некоторые некрополи примыкают к поселениям. На поверхности их внешних при-

знаков могил не зафиксировано, возможно, из-за того, что в большинстве своем территории издавна распахиваются. При раскопках Афонинского могильника в Удмуртии и Деуковского II могильника в Татарстане зафиксированы остатки столбовых ям. Поэтому есть основания утверждать, что в древности над могилами устраивались какие-то сооружения. На поверхности Деуковского II могильника зафиксированы остатки трех кострищ диаметром до 70 см. В заполнении одного из кострищ найдены кости коровы и лошади; в середине второго – остатки столба. На уровне погребенной почвы на площади рассматриваемого могильника выявлено скопление камней – песчаников. На поверхности некоторых могильников прослежены остатки земляных ям, связанных с поминальными тризнами, а также керамика и кости животных. Последняя группа находок, по-видимому, представляет остатки ритуальной пищи, помещенной в сосуды.

Работами В.Ф.Генинга, Б.Б.Агеева и других исследователей установлено, что на площади могильников выделяются группы захоронений, оставленных большими патриархальными семьями. Каждая из семей имела свой участок на кладбище. Пьяноборские захоронения обычно совершались в относительно небольших ямах подпрямоугольной формы с отвесными стенками и плоскими днищами, глубиной до 1 м. Некоторые погребенные, сопровождающиеся богатым инвентарем и принадлежащие, по-видимому, особым социальным группам населения, находились в больших и глубоких ямах. К числу таких комплексов можно отнести погребение Юлдашевского могильника в Башкортостане, устроенное в яме размером 280x100 и глубиной 110 см.

Основная часть захоронений совершалась по обряду труположения, но встречены трупосождения, частичные и вторичные. При раскопках удалось выявить, что погребенных заворачивали в луб, бересту, иногда помещали в дощатые гробы. Преобладают индивидуальные захоронения, редко встречаются парные и коллективные. Например, в одном из погребений могильника Уяндык в Башкортостане зафиксировано 11 костяков. Обращает внимание сравнительно небольшое число детских погребений и отсутствие погребений младенцев. Еще В.Ф.Генинг предполагал, что для детей мог быть иной обряд захоронения. В большинстве случаев умершие помещены вытянуто, на спине. Ориентировка погребенных неустойчива.

В могилы иногда помещалась глиняная посуда, а также орудия труда (ножи, шилья, точильные камни, глиняные пряслица–маховички на веретена для скручивания нитей, костяные проколки и другие предметы).

Инвентарь погребений позволяет четко подразделять захоронения на мужские и женские. В женских погребениях обычно представлены украшения и принадлежности костюма (бусы, бляшки, накладки, привески и другие). В мужских захоронениях встречаются мечи, кинжалы, наконечники стрел, наконечники копий, ножи. Мечи и кинжалы помещались в порядке, обычном для ношения (мечи – у левого бедра; кинжалы – у правого или у пояса), но есть и отклонения. В мужских и женских погребениях иногда встречаются так называемые «жертвенные комплексы» – наборы украшений и принадлежностей костюма, завернутые в ткань или кожу. Это своеобразные «дары» умершему.

Украшения и принадлежности женских костюмов составляют наибольшую часть вещей из погребений пьяноборской культуры. Из них следует отметить височные привески в виде несомкнутых проволочных колец; восьмерковидные; вопросовидные с гофрированными коническими трубицами; литыми конусовидными нижними частями (рис.15–9,17), со скрученными спиральками (рис.15–10) и др. Довольно много в женских погребениях стеклянных бус. В основной массе они поступали из поздних античных центров Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Женские костюмы украшались разнообразными накладками из бронзы. Лицевая поверхность многих крупных блях заполирована и украшена узором в виде концентрических кругов и розеток (рис.15–1). Возможно, что данные изображения – это символы солнца – обереги. Заслуживают внимания накладки женского костюма в виде прорезных блях (рис.15–3,5,6) и умбонов. Многие бляхи украшены по краю шаровидными выпуклинами (рис.15–22,24) и жгутами. В числе специфических предметов пьяноборской культуры следует отметить женские поясные застёжки в виде эполет (рис.15–23). Работами М.Г.Худякова, А.П.Смирнова, В.Ф. Генинга, Б.Б.Агеева и других исследователей установлено, что с течением времени эполетообразные застёжки эволюционировали от простых к сложным формам. Вместе с тем изменялась и технология их изготовления. Большая часть застёжек состоит из умбона, обрамленного шаровидными выпуклинами; со-

единительных жгутов и трапецевидной пластины с крючком на обратной стороне.

Некоторые исследователи предпринимали попытки реконструкции женских пьяноборских костюмов. Значительную работу в этом плане проводил В.Ф.Генинг. Он был склонен утверждать, что на головах женщины носили большой платок. Поверх него одевался венчик, украшенный бронзовыми бляшками–накладками. Справа и слева около головы были височные привески; до 6–7 штук с каждой стороны. Они, скорее всего, крепились в волосы или край головного убора. Шею женщин украшали ожерелья из бус и бронзовых привесок. На руках находились медные (иногда железные) браслеты. При раскопках погребений на могильнике Чеганда II В.Ф.Генингу удалось установить, что основная женская одежда состояла из холщовой нижней рубахи и шерстяного камзола. Последний тоже богато украшался привесками и бляхами и застегивался кожаным поясом с эполетообразной застёжкой. Обувь, по–видимому, была мягкой кожаной, крепилась ремешками с пронизками и имела бронзовые застёжки. На запястьях находились круглые бронзовые бляшки. Аналогичные детали женского костюма зафиксированы и на других могильниках, в том числе и в Татарстане.

Материалы пьяноборской культуры позволили высказать ряд точек зрения на проблемы социальных отношений ее населения. Все исследователи указывают различия вещевого материала погребений: в одних погребениях много вещевых находок, в других – незначительное их число, есть погребения без вещей. Объяснять это какими–то этапами в разложении родовых общин нет оснований.

Исследователи В.Ф.Генинг и Б.Б.Агеев склонны видеть в пьяноборском обществе родовые коллективы и племенные образования. На площади многих могильников, как мы уже отмечали, прослеживаются территориальные группы. Их есть основания связывать с большими патриархальными семьями. Несколько таких патриархальных семей составляли род. На территории пьяноборской культуры Б.Б.Агеевым выделяется девять групп памятников или «гнезд». Расстояния между такими «гнездами» составляют до 20–30 км. Площадь каждого «гнезда» в среднем 30 x 30 км. Таких «гнезд» зафиксировано девять. Они имеют отличия в погребальном обряде и вещах. Правомерно связывать рассматриваемые «гнезда» с племенами. Все группы пьяноборской культуры могли представлять союз племен. Общая численность населения пьяноборской культуры, по

расчетам В.Ф.Генинга, составляла не менее пяти тысяч человек, по мнению Б.Б.Агеева, – от 8 до 24 тысяч человек. До недавнего времени господствовала точка зрения о том, что пьяноборская культура сложилась на базе ананьинской. Многие исследователи считали, что ананьинские городища функционировали в пьяноборское время, то есть это был один и тот же народ, только живший в разные эпохи. Однако, анализ материалов городищ низовий Белой, проведенный Б.Б.Агеевым, показал, что пьяноборские городища возникли на новом месте. Кроме того, между поздними ананьинскими памятниками и ранними пьяноборскими существует значительный хронологический разрыв, не позволяющий прямо связывать одну культуру с другой.

На наш взгляд, более убедительна точка зрения Б.Б.Агеева о том, что пьяноборское население сложилось на базе карабызской культуры, довольно полно изученной А.Х.Пшеничнюком.

По мнению А.Х.Пшеничнюка, в IV в. до н.э. в районах центра Башкортостана на базе местных (ананьинских) племен и пришлого гафурийского населения сложилась карабызская культура. Значительная часть населения – потомков ананьинских племен отошла в более северные районы (на территорию Нижней Белой, Ика и прилегающих частей Камы) и явилась основой формирования пьяноборской культуры. В первые столетия нашей эры пьяноборская культура испытывала сильное влияние карабызской. Во многих пьяноборских могилах, как и у карабызцев, появляются жертвенные комплексы, обычай положения поясов рядом или сверху погребенных. Есть также материалы, свидетельствующие о включении в пьяноборскую среду сарматского населения.

В III в. н.э. пьяноборский союз племен прекратил существование на Нижней Белой и прилегающих частях р.Камы. Причины этого связаны с беспокойной обстановкой, сложившейся в первые столетия н.э. в результате прихода кочевников, скорее всего, гуннов. Основная часть позднепьяноборского населения отошла на Нижнюю Каму и территорию Волго–Вятского междуречья.

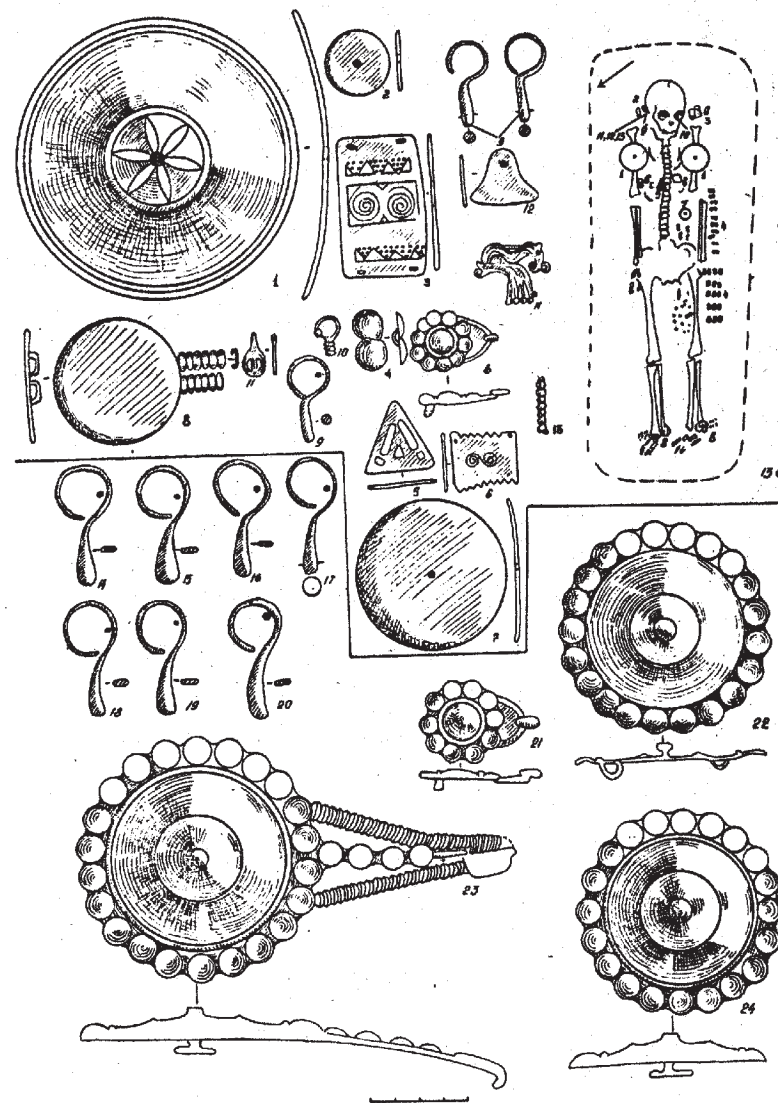

Рис.15. План и находки из погребения № 29 и подъемный материал со Старочекмакского могильника. 1–13а – погр.29; 14–24 – подъемный материал. 1–9,11,13–24 – бронза; 10 – стекло и бронза.

ОЧЕРК 8.

П.Н. Старостин

АЗЕЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Азелинская культура была выделена в 1956 г. известным археологом В.Ф.Генингом. Данная культура занимает в основном территорию Волго–Вятского междуречья, прилегающие части Волги и низовий р.Камы, а также части левобережья р.Вятки. Дата рассматриваемого круга памятников определяется временем III–VII вв. н.э. Культура представлена городищами, селищами, могилами и находками отдельных вещей.

Сведения о памятниках, ныне относимых к азелинской культуре, стали поступать во второй половине XIX столетия. В изучении азелинских древностей принимали участие А.А.Спицын, П.А.Пономарев, М.Г.Худяков, Н.Ф.Калинин, А.П.Смирнов, В.Ф.Генинг, А.Х.Халиков, Е.И.Горюнова, С.В.Ошибкина, П.Н.Старостин, Н.А.Лещинская и другие исследователи.

На территории Татарстана зафиксировано 48 памятников азелинской культуры, в том числе 13 городищ, 3 селища, 11 могильников и 21 местонахождение. Они расположены в основном в Предкамье, а также на правом берегу реки Волги (Макарьевское и Антоновское городища, селище Идель, могильники “Чачлы Куль” и Тетюшский). Отдельные местонахождения и памятники азелинской культуры выявлены по левому берегу реки Волги ниже устья р. Камы и по левому берегу реки Камы. Осваивать более прочно закамское побережье азелинцы не смогли. Непокойная обстановка в степной полосе в первые столетия н.э. мешала этому. Отдельные местонахождения азелинских вещей, а также небольшие селения свидетельствуют о временных стойбищах азелинских групп населения, связанных с охотой и рыбной ловлей.

Азелинские городища занимали обычно мысы между оврагами, между оврагом и рекой или мысы в излучинах рек. С напольной стороны площадки городищ отделялись одним, двумя или тремя валами и рвами. Размеры площадок городищ обычно небольшие (около

1,5 тыс. кв.м.). Около 6 тыс. кв.м. составляют размеры площадки Соловцовского городища, расположенного на мысу между двумя ручьями в бассейне р.Сулы, левом притоке р.Казанки. Вал и ров рассматриваемого городища были не достроены. Азелинские племена использовали городища, возведенные в предшествующее время (например, Именьковское I, «Гремячий Ключ», «Черепашье» и другие). Культурные напластования на многих азелинских городищах очень слабые, а на площадках некоторых городищ они отсутствуют вообще. Данные городища представляли собою убежища, куда люди уходили в период опасности.

К сожалению, поселения азелинской культуры исследованы слабо. Судя по имеющимся материалам, полученным Л.И.Ашихминой на Буйском городище на р.Вятке в Кировской области, жилища азелинцев были наземными, построенными из дерева. На азелинских поселениях зафиксированы остатки ям–кладовок, очагов, глиняной посуды, орудий труда, украшений и принадлежностей костюма. На Буйском городище зафиксирована яма, в которой найдено более 100 железных мотыг, девять наконечников копий и бронзовые гривны.

Более многочисленны материалы с могильников азелинской культуры. Могильники обычно располагаются по краям надлуговых террас на возвышенных местах и являются грунтовыми. На некоторых непрополях прослеживаются ряды погребений. Но объяснить данную картину топографии погребений пока затруднительно. Обычно могильные ямы простых форм глубиной в среднем 50–60 см. Погребения мужчин–воинов, мастериц–ремесленниц, кузнецов совершались в более глубоких и крупных по размерам в плане ямах. Основная часть захоронений произведена по обряду труположения. На могильниках изучаемой культуры зафиксированы вторичные захоронения. Следует также отметить погребения–кенотафы (без костяков). Многие исследователи склонны утверждать, что эти погребения связаны с умершими бесследно (утопшими, потерявшими).

При раскопках на Азелинском и Суворовском могильниках в Кировской области В.Ф.Генингу удалось проследить, что над некоторыми группами погребенных были возведены деревянные сооружения (“дома мертвых»). Это остатки захоронений ближайших родственников, возможно, малой семьи (родителей и их детей).

Умершие обычно помещены вытянуто, на спину, с вытянутыми вдоль туловища руками. В засыпи некоторых погребений встречаются остатки костей лошади (череп и кости нижнего отдела конечностей). На могильниках Нижней Камы данных захоронений довольно много. Так, например, на Рождественском могильнике V погребений с остатками коней более 40%. Остатками коней сопровождались не только мужчины–воины, но также женщины–ремесленницы и даже подростки. Остатки костей лошади также встречены в погребениях Нармонского и Усть–Брыскинского могильников в Лаишевском районе Татарстана.

Почти во всех азелинских захоронениях встречаются вещи (украшения, орудия труда, оружие и т.д.). Обычно украшения и принадлежности костюма располагались так, как они носились при жизни. Мечи обычно встречаются слева от костяков.

На некоторых могильниках зафиксированы погребения кузнецов. Они сопровождались наборами инструментов и готовых изделий. Например, в погребении № 1 Азелинского могильника, раскопанного в 1954 г. В.Ф. Генингом, обнаружен набор вещей, по–видимому, помещенных в рогожный мешок. В наборе представлены железная кольчуга, нож, шилья, ложкарь, кочедык, ножи–резцы, наковаленка, молоток, напильник, коса, кузнечные клещи и другие предметы. Погребения кузнецов зафиксированы на Усть–Брыскинском могильнике около с.Именьково Лаишевского района и Гремячкинском могильнике в Рыбно–Слободском районе Татарстана.

Заслуживает внимания женское погребение № 33 Рождественского V могильника в Лаишевском районе Татарстана (см.рис.16). В ногах погребенной обнаружены остатки берестяного туеска с набором вещей (каменные формы для отливки мелких бляшек–накладок и обоймиц (рис.16–22–24), мешочек с бронзовой стружкой для плавки металла, железная миниатюрная наковальня (рис.17–18), два небольших по размерам молотка (рис.16–21), кожаный женский пояс с эполетообразной застежкой и халцедоновыми дисками (рис.16–28–31), две шейные гривны (рис.16–26,27), нагрудник из бронзовых пластин и бус (рис.16–25), привески и другие мелкие предметы). Указанный набор предметов позволяет считать данное погребение как захоронение женщины–литейщицы – мастерицы, готовящей украшения и принадлежности костюма для общины. Аналогичные погребения мастериц–литейщиц выявлены на Нармонском, Усть–Брыскинском и других могильниках.

Зафиксированы также погребения охотников. В одном из них (погребение 20 Азелинского могильника) найден набор наконечников стрел (16 костяных и один железный) и остатки скелета погребенной собаки. В некоторых погребениях Рождественского V могильника найдены костяные тупиковые наконечники стрел, при использовании которых не портились шкурки мелких пушных зверьков.

С поселений и могильников выявлено большое количество материалов, характеризующих хозяйство изучаемого населения. Значительное место в жизни данных племен занимало земледелие. Об этом свидетельствуют находки железных ральника на Азелинском могильнике и серпа на Шор–Уньжинском могильнике на реке Илети. Для обработки земли использовались также мотыжки с небольшими железными наконечниками, обнаруженные на ряде памятников. Заслуживают внимания находки железных проушных и втульчатых топоров, зафиксированные в азелинских погребениях и позволяющие расчищать участки для посевов.

Ряд находок свидетельствует о наличии скотоводства, в котором ведущую роль играло разведение лошадей. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся остатки костей этих животных, найденные в засыпях могил. Во многих погребениях (мужских и женских) зафиксированы остатки конских уздечек с удилами и бронзовые привески в виде коньков. Фигурками лошадок, выполненных техникой чеканки, украшались женские пластинчатые нагрудники. Верхние части ажурных женских привесок также обычно включали изображения лошадок. Данные привески, по представлению древнего населения, не только украшали костюмы женщин, но и выполняли функции оберегов.

Имеющихся данных в настоящее время недостаточно, чтобы судить, какая из отраслей хозяйственной жизни (земледелие или скотоводство) играла ведущую роль. Недостатки в питании пополнялись рыбной ловлей, охотой и собирательством. Для охоты использовались луки со стрелами, копыя и различные приспособления (ловушки, силки, западни и т.д.). Охота давала большое количество пушнины, которая пользовалась спросом у южных соседей. Развитию рыбной ловли благоприятствовали природные условия (многочисленные озера, протоки, реки изобиловали рыбой). Основными орудиями лова были сети. Наличие их подтверждается находким грузил. На поселениях и в могильниках найдены рыболовные железные и бронзовые крючки.

Значительное место в хозяйстве рассматриваемого населения занимали ремесла (получение и обработка железа, обработка дерева, строительство жилищ, изготовление посуды и т.д.).

Материалы раскопок азелинских могильников дали возможность проводить реконструкции женского костюма. Много внимания им уделял В.Ф.Генинг. Некоторые головные уборы, по данным исследователя, представляли сферические шапочки из ткани или меха, покрытые бронзовыми мелкими привесками и бляшками. К шапочкам сзади прикреплялись мешочки–накосники, покрытые сверху ленточками или ремешками с мелкими бронзовыми обоймочками–скрепками.

Удалось зафиксировать височные привески в виде колец с бусами, обмотанных проволочками, а также перстни. В.Ф. Генинг отмечал, что азелинские женщины носили холщовые или шерстяные рубахи, часто украшенные многочисленными бронзовыми бляхами, накладками, привесками, пластинчатыми или рамочными нагрудниками. Поверхность пластинчатых нагрудников, как уже отмечалось, украшалась фигурками лошадок, выполненных чеканкой. Рамочные нагрудники готовились из бронзовых полосок и многочисленных бус.

Верхняя одежда азелинских женщин представляла шерстяные кафтаны, дополнительно украшенные круглыми бронзовыми бляхами. Кафтан обычно застегивался красным кожаным широким поясом с эполетообразной застежкой, бронзовыми накладками и халцедоновыми дисками. К поясу иногда крепились кисти из ремешков, покрытых бронзовыми обоймами и заканчивающихся привесками в виде уточек.

Судя по остаткам, женская обувь представляла собою меховые сапожки, застегивавшиеся ремешками с медными бляшками. Поверхность сапожков дополнительно покрывалась бляшками и накладками.

На азелинских поселениях и в погребениях зафиксированы остатки глиняной посуды. Она представлена двумя группами. Основную часть находок составляют лепные круглодонные сосуды с примесью толченых раковин, иногда покрытых по шейкам ямочными вдавлениями. Техника изготовления, примеси и орнамент их близки керамике пьяноборской культуры. Вторую группу посуды составляют лепные плоскодонные горшки с примесью в тесте шамота.

Рассматриваемые сосуды близки посуде позднегородецкого круга памятников.

Работы на памятниках азелинской культуры позволили выявить материалы, характеризующие связи азелинских племен с соседними регионами и отдаленными территориями. В погребении 142 Рождественского V могильника найдены остатки ожерелья, привески которого изготовлены из медных поздних римских монет III в. н.э. Очевидно, из поздних античных, городских центров северного Кавказа и Причерноморья поступала в Прикамье основная часть стеклянных бус. Ряд находок из погребений азелинской культуры Нижнего Прикамья свидетельствует о контактах рассматриваемого населения с племенами Средней Камы. В детском погребении № 273 Рождественского V могильника обнаружены бронзовые привески в виде стержня с кольцом в нижней части, характерные для мазунинской культуры, расположенной на Средней Каме.

В V в. н.э. азелинские племена отошли с Нижней Камы в более глухие северные районы: их вытеснили новые пришельцы – племена именьковской культуры.

Азелинские племена, отошедшие в более северные лесные районы верховьев р.Вятки и Волго–Вятского междуречья, представлены поселениями и могильниками типа Концовского в Кировской области. Судя по находкам, азелинская культура прекращает существование в конце VII в. н.э. Позднеазелинские племена приняли участие в формировании древних марийцев и удмуртов.

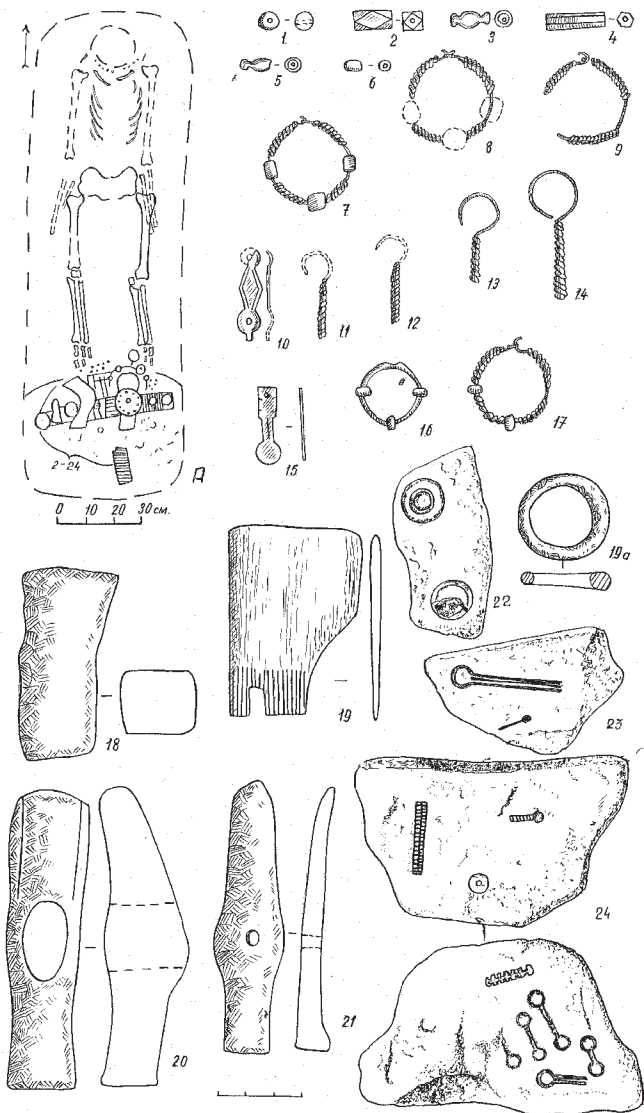
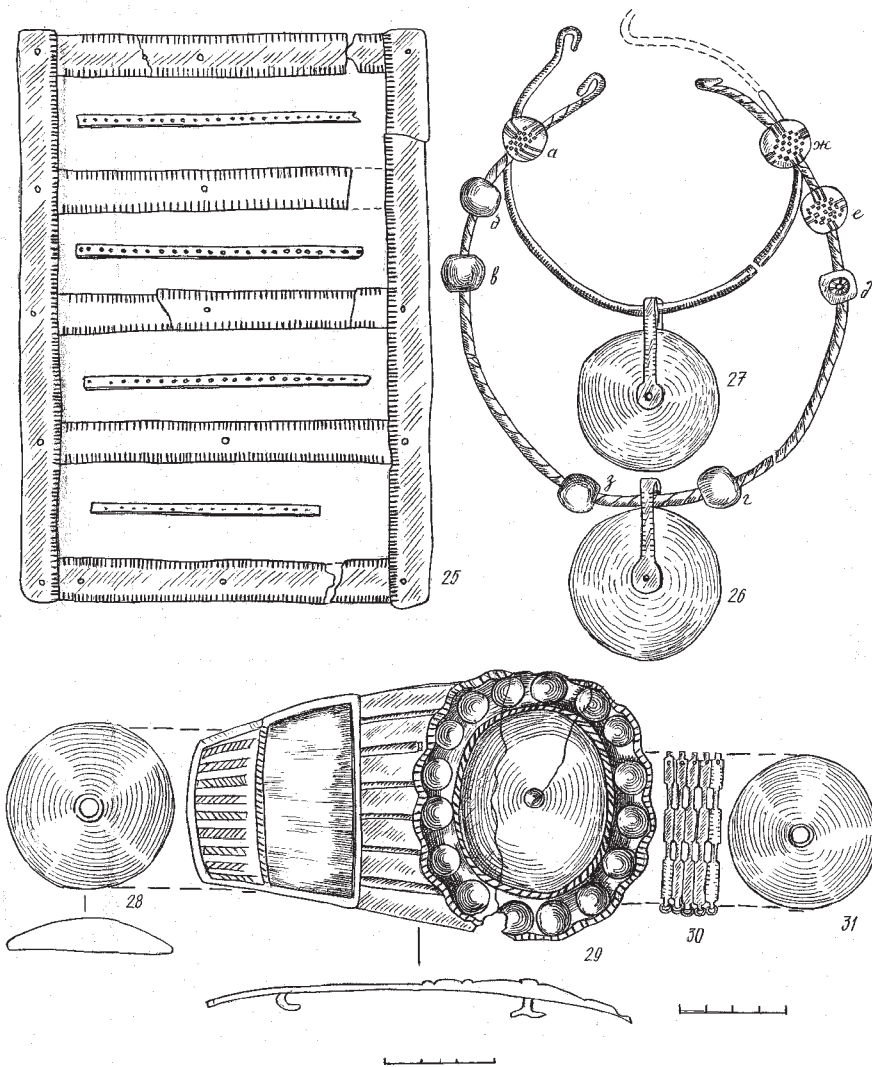

Рис.16. Материалы погребения № 33 Рождественского V могильника. А – план погребения № 33. 1–6 – стеклянные бусы; 7–9 – 17 – бронзовые привески со стеклянными бусами; 10 – бронзовая накладка, 11–14, 15 – бронзовые привески; 18 – железная наковальня; 19 – деревянный гре-

вень; 19а – бронзовое кольцо от пряжки; 20, 21 – железные молотки; 22–24 – каменные литейные формы; 25 – рамка пластинчатого нагрудника; 26, 27 – бронзовые гривны с халцедоновыми дисками и стеклянными бусами; 28–31 – остатки пояса с бронзовой эполетообразной застёжкой, халцедоновыми дисками и бронзовыми накладками.

П.Н.Старостин

ИМЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Середина 1 тыс. н.э. территория Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья характеризуется серьезными переменами в развитии производительных сил, связанными с успехами в развитии земледелия, домашнего скотоводства, а также ремесел. Одним из крупных достижений в хозяйстве населения рассматриваемого региона было распространение пашенного земледелия с применением железных ральников. Среди ремесел получили развитие новые технологии обработки железа. Родовой строй изживал себя, уступая место новым отношениям. В обстановке бурных событий “эпохи великого переселения народов” серьезно изменяется этническая карта региона. В местную среду Прикамья и Среднего Поволжья проникли пришлые племена. В середине и второй половине 1 тыс. н.э. в области Волго–Вятского междуречья по Нижней Ветлуге и прилегающих частях р.Волги складывались древнемарийские племена, в западной части Среднего Поволжья формировалась древняя мордва. В левобережье р.Вятки в бассейне реки Чепцы во второй половине 1 тыс. н.э. сложилась полемская культура, верховьях реки Камы – ломоватовская, в бассейне р.Ирень – неволинская, на нижней Белой – кушнаренковская, турбаслинская и бахмутинская.

Территория от Средней Суры – на западе, до низовьев реки Белой – на востоке, от правого берега реки Камы – на севере до Самарской Луки – на юге с IV по VII вв. н.э. была занята племенами именьковской культуры, получившей название по первому наиболее полно изученному городищу у с.Именьково Лаишевского района Татарстана на левом берегу р.Брыски, правого притока р.Камы. Данная культура выделена в 1956 г. известным археологом В.Ф.Генингом. Памятники, определенные позднее как именьковские, стали фиксироваться путешественниками и любителями со второй половины XIX столетия. В разные годы они исследовались С.М.Шпи-

левским, П.А.Пономаревым, А.А.Спицыным, В.В.Гольмстен, А.П.Смирновым, Н.Ф.Калининым, П.Д.Степановым, А.Х.Халиковым, В.Ф.Генингом, П.Н.Старостиним, Г.И.Матвеевой, Е.П.Казаковым и другими исследователями.

В настоящее время зафиксировано более четырехсот именьковских памятников, представленных городищами, селищами, могильниками и отдельными местонахождениями. Наибольшее количество именьковских памятников сосредоточено на территории Нижней Камы и прилегающих частях Волги. По–видимому, данный район был основным в расселении именьковских племен.

Уже давно подмечено, что поселения именьковской культуры располагаются группами, включающими иной раз по два городища и пять–шесть селищ. Такое расположение поселений, по–видимому, отражает сложные общественные отношения носителей именьковской культуры. Наиболее вероятно, что каждое из селищ оставлено сильно разросшейся патриархальной семьей – патронимией. Группа поселений могла быть связанной с родом.

Одним из основных видов памятников именьковской культуры являются городища, обычно занимающие мысы коренных террас. Племена именьковской культуры использовали городища раннего железного века ананьинской и азелинской культур (Троицко–Урайское I, Именьковское I, Кирюшкин городок и др.). Форма площадок городищ подтреугольная, подчетыреугольная, трапециевидная, овальная, полуовальная. Преобладают городища с подтреугольными площадками. Размеры площадок от 0,5 тыс. кв.м до 20 тыс.кв.м. Большинство площадок городищ имеют размер до 5 тыс. кв.м. С напольной стороны основная часть городищ ограждалась одним валом и рвом, четыре городища ограждались двумя валами и рвами. Саралинское городище II ограждалось тремя валами и рвами. В ряде случаев невысокие площадки именьковских городищ укреплялись валами со стороны острьяков мысов. У основной части городищ валы кокошниковидной формы (дуговидные в основании с наибольшей высотой в середине насыпей).

Земляные насыпи валов как правило имели деревянную обожженную конструкцию в основе. При раскопках Именьковского городища I зафиксированы остатки укреплений в виде двух деревянных стен, пространство между которыми заполнялось землей, перемешанной с камнями–известняками. Остатки деревянных бре-

венчатых стен были зафиксированы по краю площадки Маклашевского II городища.

Основная часть именьковских городищ устроена по берегам рек Волги и Камы в приустьевой части их притоков. Крупнейшие магистрали – Кама и Волга на рассматриваемом участке контролировались именьковским населением. Кроме того, есть основание предполагать, что городища построены против азелинского населения, сдвинутого именьковцами в глухие более северные районы. Работами экспедиций последних лет открыты памятники азелинской культуры, материалы которых датируются временем не позднее IV в. н.э. (Нармонский, Рождественский V, Усть–Брыскинский, Ташкирменьский, Гремячкинский, Тетюшский и другие). С V в. в районах Усть–Брыскинского, Рождественского V и Ташкирменьского могильников стали функционировать городища, селища и могильники именьковской культуры.

Основная часть именьковских памятников представлена открытыми поселениями–селищами. Почти все селища именьковской культуры устраивались на надлуговых террасах. Размеры данных поселений различны. Например, Камско–Устьинское селище Обач занимало площадь около 20 га, а Старомайское I – 24 га. Судя по многочисленности и размерам площадей, селища были основными центрами жизни племен именьковской культуры.

При исследовании поселений именьковской культуры выявлены остатки жилищ, сыродутных горнов для получения железа, мастерских для плавки меди и бронзы, изготовления посуды и другие объекты.

Специально занимавшийся изучением именьковских жилищ Н.А. Лифанов зафиксировал на именьковских памятниках 84 жилищных объекта. К первому типу им отнесены длинные двухкамерные бревенчатые дома площадью 40–70 кв.м. Ко второму типу условно отнесены наземные жилищные постройки с небольшими (10–15 м²) углублениями в центре. Стены данных жилищ строились, вероятно, из дерева и возводились сразу на почвенную поверхность. Реальные размеры таких домов определить трудно. К третьему типу относятся жилища с котлованами подчетыреугольной, многоугольной и округлой формы, заглубленными в грунт от 0,3 до 1,1 м. Бревенчатые стены рассматриваемых жилищ иногда запускались в котлованы, а иногда располагались по–внешнему контуру котлованов. Входы в эти жилища зачастую были тамбурными, ступенчаты-

ми. Размер полезной площади этих жилищ составлял в среднем около 25 кв.м. В центральной части котлованов зафиксированы остатки ям для столбов, поддерживавших конструкцию крыш. У данных жилищ крыши были четырехскатными. Другие жилища имели двускатные крыши. В жилищах зафиксированы остатки очагов в виде кострищ, очаги на каменно–глиняных подставках, очаги в виде печей и очаги в деревянных ящиках. Центральные очаги и столбы в жилищах данного типа, по–видимому, выполняли не только отопительную функцию, но были связаны с проведением обрядности, а также отражают представления древнего населения о мироздании.

Судя по площади, в именьковских жилищах обитало по 5–6 человек. Это можно увязывать с одной малой семьей, жилища чуть большей площади могли принадлежать неразделенной семье, состоящей из родителей и семьи одного из сыновей.

Раскопки, проведенные на Нижней Каме, не позволили фиксировать обособление усадеб на поселениях. Но работы Г.И.Матвеевой на Старо–Майнском городище дали возможность выявить наличие пристроек и комплексов хозяйственного назначения вокруг отдельных жилищ. Это позволяет говорить о начале обособления каких–то групп населения.

Другими объектами, зафиксированными на поселениях именьковской культуры, являются хозяйственные земляные ямы. При раскопках Именьковского I городища зафиксировано 90 ям, на Балымерском “Шоломе” 22, на Маклашевском II городище 86. По форме в плане преобладают ямы овальные, но есть подчетыреугольные и круглые. Диаметр в плане данных сооружений достигает 2,5 м, а глубина часто превышает 2 м. По форме выделяются две большие группы этих сооружений. Одну из них составляют ямы со ступеньками в верхней части. Они были погребками для повседневного пользования. Другие ямы использовались для длительного хранения припасов. Стенки ям часто дополнительно обрабатывались и обжигались, посыпались золой, облицовывались деревом, выстилались соломой и т.д. Большинство исследователей считает, что ямы–кладовки в древности использовались для хранения зерна. О хранении зерновых припасов в земляных ямах–кладовках в области Прикамья, правда, у болгарского населения, писал Ибн Фадлан в X в. Над некоторыми ямами–кладовками, судя по остаткам, устраивались навесы или шалаши.

На Рождественском IV селище, Маклашеевском II городище, Щербетском I островном селище и других памятниках зафиксированы остатки горнов для выплавки железа. Они представляли круглые глинобитные основания диаметром около 60 см. К горнам примыкали углубления (предгорновые ямы), заполненные кусками шлака, железа и глиняной обмазки.

Выше уже отмечалось, что если поселения именьковской культуры известны были со второй половины XIX столетия, то могильники стали фиксироваться в послевоенное время. В конце сороковых годов Н.Ф.Калининым около с.Рождествено Лаишевского района был открыт могильник (Рождественский II) с обрядом кремации. В пятидесятые годы на данном памятнике под руководством В.Ф.Генинга было раскопано 123 погребения.

На полученном в то время материале В.Ф.Генинг полагал, что погребальный обряд данного памятника характеризуется сжиганием умерших в полном одеянии на стороне, помещением остатков кремации в небольшие ямы, наличием в погребениях глиняных сосудов, не являющихся урнами для праха. Судя по остаткам, жженные кости из погребальных костров, а также вещи, побывавшие в огне, выбирались и сыпались в могильную яму. Материалы данного памятника привлекали внимание многих исследователей. Но не все считали, что погребения Рождественского II могильника связаны с поселениями именьковской культуры. А.П.Смирнов утверждал, что данный памятник близок погребениям Волинцевского могильника и принадлежит славянам, пришедшим с юга. П.Н.Старостиным, А.Х.Халиковым, Е.П.Казаковым и другими исследователями с начала шестидесятых годов предпринимались серьезные поиски могильников именьковской культуры. Они увенчались успехами лишь в 1979 году, когда на окраине Богородицкого селища I в низовьях реки Брыски, правого притока реки Камы был открыт могильник, аналогичный Рождественскому II. Позднее были выявлены могильники по левому берегу реки Камы и Волги (Маклашеевские IV и V, Старокуйбышевский, Березовогривский, Коминтерновский II, Измерский IX и другие). В настоящее время на могильниках вскрыто более 500 погребений именьковской культуры. Подавляющее большинство погребений совершено по обряду кремации и близки во всех деталях погребениям Рождественского II могильника. Вместе с тем, на территории Коминтерновского II зафиксировано около 20, на Маклашеевском IV могильнике – 2, на Ташкирменьском – 1 погребение с

обрядом труположения. Кроме того, на Коминтерновском могильнике II зафиксированы два погребения в виде кенотафов. Погребения с обрядом труположения на данных могильниках являются грунтовыми. Они совершены в относительно глубоких ямах, иногда с уступами – заплечиками. В двух погребениях Коминтерновского II могильника были зафиксированы ниши, в которых находились черепа и кости нижнего отдела конечностей лошадей. Умерших помещали в могилы головами на север. В двух погребениях Коминтерновского II могильника черепа погребенных имели искусственную деформацию. В рассматриваемых погребениях встречено большое количество вещей, украшений и принадлежностей костюма из бронзы и серебра (поясные накладки, пряжки, привески, браслеты, застежки, пронизки); остатки железных конских удиц, серебряные пластинчатые накладки от седел; бусы из стекла и янтаря; глиняная плоскодонная лепная горшковидная посуда и другие предметы. По погребальному обряду рассматриваемые погребения аналогичны захоронениям так называемой турбаслинской культуры, памятники которой расположены в Приуралье. Дата рассматриваемых погребений определяется второй половиной VI – вв. н.э.

Вещевые материалы с памятников именьковского круга представлены остатками орудий труда, оружия, украшений, принадлежностей костюма и керамикой. Наибольшее количество находок составляет керамика, включающая глиняную посуду, фигурки, пряслица и другие предметы. Глиняная посуда в основном готовилась от руки. Но еще А.М.Ефимова, анализируя материалы Балымерского V селища, пришла к заключению, что в нижнем горизонте культурного слоя этого памятника около десятка фрагментов со следами применения гончарного круга. В последние годы эти наблюдения убедительно подтвердила Н.П.Салугина. Основная часть глиняной посуды с примесями в тесте крупнозернистого шамота, песка и добавлением органических остатков, связанных с навозом. Поверхность данных сосудов со следами небрежного сглаживания. Вторая группа глиняной посуды с мелкими примесями, гладкой, иногда подлощенной поверхностью. Большинство глиняной посуды не орнаментировалось. В единичных случаях встречаются узоры в виде насечек и защипов пальцами, треугольных вдавлений.

Основная часть керамики представлена плоскодонными округлобокими горшками (рис.17 – 1–7); зафиксированы также миски

(рис.17 – 9–10) и банки (рис.17–,8). Погребальная керамика тех же форм, что и поселенческая, но уступает последней по размерам.

На поселениях обнаружено большое количество глиняных “крышек”, многие из которых имели по краю бортики, а также сквозные отверстия. Рассматриваемые предметы использовались для поджарки продуктов, а также выпечки хлеба.

Именьковские сосуды по формам, примесям в тесте, орнаменту имеют аналогии в материалах зарубинецкой, черняховской, пеньковской культур. Н.П.Салугиной, занимавшейся специально изучением технологии изготовления именьковской керамики, зафиксированы общие черты не только с городецкой посудой (лоскутные налепы), но и зарубинецкой (кольцевые жгутовые налепы; спиральные жгутовые налепы).

Среди других керамических изделий следует отметить пряслица. Они, как правило, усеченно–биконических форм с острым ребром. С Именьковского I городища они представлены 187 экз., с Щербетьского I островного селища 151, с Коминтерновского поселения (“Курган”) – 29. Большинство пряслиц изготовлено из хорошо промешанной глины с мелкими несущественными примесями. Поверхность их аккуратно заглаживалась и лощилась. Некоторые пряслица украшались насечками по ребру, волнистыми прочерченными линиями, крестиками, свастикой, мелкими точечными наколами. Возможно, некоторые знаки представляют тамги или знаки личной собственности.

На многих поселениях именьковской культуры обнаружены остатки лепных фигурок (рис.18), изготовленных из хорошо промешанной глины без существенных примесей. Поверхность фигурок аккуратно заглажена пальцами и обожжена. Среди скульптурок есть изображения людей и животных. Многие скульптурки отличаются схематизмом. Например, руки, ноги и головы людей показаны в виде небольших выступов. Костюм, черты лица не переданы вообще. Больше реализма в фигурках животных. Среди них можно различить барашков, медведей, собак. О прямом назначении рассматриваемых фигурок судить трудно. Они широко встречаются у земледельческо–скотоводческого населения.

На именьковских памятниках зафиксирована интересная и разнообразная коллекция орудий труда, изготовленных из железа, бронзы, кости. Заслуживают внимания железные небольших размеров (11,5–14 см) наконечники плугов (ральники), изготовленные

из цельных кусков железа, с треугольными с острыми режущими краями лезвиями и согнутыми краями трубиц (рис.19–13,15).

Следует отметить находки десятков железных слабо изогнутых серпов с перпендикулярно загнутыми пяточками (рис.19–3,8). На рабочем крае многих находок заметны следы зарубок. Данные формы серпов уходят истоками в эпоху бронзы Западной Европы. Близкие типы серпов зафиксированы на скифских, милоградских и юновских памятниках, а также на зарубинецких, постзарубинецких памятниках и памятниках черняховской культуры.

На ряде поселений найдены железные косы–горбуши, а также полуовальные кольца для крепления их к деревянным рукояткам (рис.19–2).

Заслуживают внимания предметы, связанные со скотоводством. Среди них следует отметить железные двусоставные удила с круглыми простыми кольцами, с небольшими подтреугольными кольцами, а также стержневидными псалиями. На Коминтерновском II могильнике Е.П.Казаковым найдены остатки пластинчатых серебряных с позолотой накладок на седла со штампованным орнаментом. С коневодством связаны костяные пряжки, считающиеся обычно подпружными и изготовленные из крупных костей животных.

Орудия рыболовства с памятников именьковской культуры представлены железными крючками и грузилами. Основную часть находок составляют крючки из круглого или четырехгранного в сечении дрота с ушком для привязывания лески. На некоторых экземплярах сохранились бородки. Зафиксированы также крючки–багрители для подтягивания крупной пойманной рыбы; найден крючок для вытаскивания затонувших мереж или запутавшихся сетей.

Многочисленными находками являются железные ножи небольших размеров с короткими плоскими черешками и уступчиками на переходе от обушков к черешкам.

Особенно примечательны железные проушные с узкими лезвиями и овальными обушками топоры (рис.19–10,11). Они принадлежат к общераспространенным типам, бытующим в Восточной Европе в середине I тыс. н.э. На Щербетьском I островном селище и Именьковском I городище найдены также так называемые “секировидные гривны” (рис.19–9,12), выполнявшие роль полуфабрикатов, изготовленных на продажу.

В наборе инструментов обращают на себя внимание железные небольшие молотки (рис.19–5,6), кузнечные шарнирные клещи, зубила, напильник, пуансон и другие предметы.

Имеющиеся ныне материалы позволяют утверждать, что главным оружием именьковских воинов были луки со стрелами. На Маклашеевском II городище обнаружены остатки костяных дуговидных заполированных пластин луков с нарезками по краю. Остатки сожженных пластин от лука найдены в погребениях вместе с прахом человека на Маклашеевском V могильнике. На поселениях и в погребениях обнаружены остатки костяных наконечников стрел, изготовленных из крупных трубчатых костей животных. Железные наконечники стрел плоскоромбические и трехперые.

Судя по остаткам, уносителей именьковской культуры были втульчатые и железные наконечники копий с широким, подромбическим в сечении пером, а также копья с небольшими стреловидными наконечниками.

В качестве защитного оружия рассматриваемое население использовало железные кольчуги, набранные из колец диаметром 1,5 см. Кусочки таких кольчуг зафиксированы при раскопках Маклашеевского II городища.

На поселениях и в погребениях именьковской культуры обнаружено большое количество украшений и принадлежностей костюма. К сожалению, значительная их часть дошла в очень фрагментарном состоянии, поэтому нет возможности представить костюм изучаемого населения. Погребения II Коминтерновского могильника с обрядом ингумации отражают, скорее всего, костюм группы населения турбаслинской культуры, влившегося в именьковскую среду и растворившемуся в ней. На поселениях и в погребениях найдены небольшие скульгамы, изготовленные из бронзы и железа, иглы-застежки из бронзовых или железных дротов иногда с восьмеркообразными подвижными звеньями для крепления к одежде. Найдены также остатки пряжек, изготовленных из бронзы и железа и датированных IV–VII вв. н.э. Встречены остатки пластинчатых накладок от наконечников ремней, относящихся к данному же периоду. Следует отметить остатки привесок в виде полрой утки, стилизованной фигурки медведя, лошадок, подтреугольных пластинок с выпуклинами кольцевых привесок с утолщениями. Примечательна серебряная калачевидная серьга со стеклянными красными вставками и треугольниками зерни.

Именьковские племена первыми в Среднем Поволжье перешли к пашенному земледелию с применением плугов с железными наконечниками – ральниками. На ряде поселений именьковской культуры на городищах “Шолом”, Маклашеевском II, Троицко–Урайском I, Ош–Пандо и Измерском селище I найдены остатки зерна. Анализы этих находок, проведенные А.В.Кирияновым, А.Д.Фурсаевым, В.Т.Шаландиной, В.В.Туганаевым, показали, что изучаемое население высевало пшеницу, рожь, просо, овес, ячмень, горох.

Уборка урожая велась железными серпами, а также косами–горбушами. Зерно, как уже отмечалось выше, хранилось в ямах–кладовках. Для размола зерна использовались ручные жернова. Обломки или целые жернова обнаружены на каждом поселении, подвергнутом значительным раскопкам. Хорошо различаются верхние жернова (бегунцы) с отверстиями и следами рукоятей для их вращения и нижние – (лежняки). На рабочем крае жерновов заметны следы насечек для усиления размола. Из муки выпекали хлеб. Для этого могли использоваться печи, а также глиняные “сковороды” иногда с невысокими бортиками и проколотыми отверстиями, о которых говорилось выше. Значительное место в пище изучаемого населения занимали каши, приготовленные из крупы, остатки которой были зафиксированы при раскопках поселений.

Второй не менее важной отраслью хозяйственной жизни племен именьковской культуры было домашнее скотоводство. Анализы костей животных, найденных в культурных слоях поселений и проведенные В.И.Цалкиным, В.А.Поповым, А.Г.Петренко, показывает, что большинство остатков животных принадлежит домашним видам. Так, например, в материалах Бальмерского “Шолома” они составляют 73,1% общего количества костей животных, найденных на памятнике, Маклашеевского II городища соответственно 85,2%, Коминтерновского поселения “Курган” – 91%, Щербетьского островного I селища 93%. Судя по остаткам, изучаемое население разводило крупный рогатый скот, лошадей, мелкий рогатый скот, свиней. На некоторых поселениях единично встречены кости верблюда. Главное внимание уделялось разведению лошадей, крупного рогатого скота и свиней. Возрастной анализ костей позволил установить, что остатки лошади и крупного рогатого скота принадлежат довольно старым особям. Это позволяет судить о том, что лошадей разводили в первую очередь для военного дела и сельскохозяй-

ственных работ, а крупный рогатый скот для получения молочных продуктов.

Роль охоты в изучаемое время отошла на второй план. Это в определенной степени подтверждается костным материалом с поселений, в котором число костей диких животных, по сравнению с домашними, очень невелико. Среди костей диких животных встречаются остатки куницы, соболя, горностая, медведя и лося. Основными орудиями охоты были луки со стрелами и копья. Кроме того, могли использоваться всевозможные западни, капканы, ловушки.

Значительную роль в хозяйственной жизни изучаемого населения, особенно проживавшего по берегам крупных рек, играла рыбная ловля. Наличие рыболовства подтверждается остатками орудий лова (грузил от сетей, рыболовных крючков, крючков для вытаскивания сетей и затонувших мереж и т.д.) На многих поселениях археологами найдены остатки костей рыб. Анализы этих остатков, полученных с Именьковского I городища и с Балымерского городища “Шолом”, проведенные в институте ихтиологии АН СССР сотрудниками Л.Н. Беседновым и О.Б. Тимофеевым, показывают, что основная часть костей принадлежит осетровым. Судя по данным анализов, обитатели Балымерского “Шолома” вылавливали белуг, средний размер которых составлял 2,6 м, а некоторые достигали 3,14 м. Средний размер белуг, выловленных населением Именьковского городища, составил около 3 м, а отдельные белуги имели длину 4,3 м.

Особое внимание исследователей, занимающихся материалами именьковской культуры, привлекает богатый и разнообразный вещевой материал, отражающий развитие железообрабатывающего производства. Номенклатура кузнечных изделий включает десятки наименований: серпы, ножи, напильники, косы – горбуши, наральники, топоры, мотыжки, долота, зубила, клещи, молотки, струги, шилья, рыболовные крючки, удила, псалии и другие. Металлографические анализы именьковских железных изделий, проведенные Л.С. Розановой, показывают использование древними мастерами приемов многослойной кузнечной сварки, технологии наварки стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой, сварку из трех полос (в центре полоса сырцово-стали, по бокам железные), термическую обработку железных изделий. По сравнению с предшествующими племенами на Нижней Каме носи-

тели именьковской культуры произвели серьезный сдвиг в развитии и обработке железных изделий.

Имеющиеся ныне материалы позволяют говорить о выделении в среде изучаемого населения людей, занимающихся кузнечным делом. В этом отношении примечательны находки 27 железных топоров и так называемых “секировидных гривн” на Щербетском I островном селище. Находки были сосредоточены недалеко от разрушенного комплекса сырдутных горнов для получения железа. Металлографический анализ “секировидных гривн” показал, что они изготовлены из мягкого металла (железа и малоуглеродной стали) и представляли собою заготовки металла. Подобные заготовки металла, судя по последним данным, в Восточной Европе перепродавались как полуфабрикаты.

В хозяйственной жизни племен именьковской культуры имело место бронзолитейное дело. Наличие его подтверждается находками кусков медного и бронзового шлака, обломками тиглей для плавки цветных металлов, льячек, литейных форм, а также готовых изделий.

Весной 1965 г. на Щербетском I островном селище были раскопаны остатки двух меднолитейных мастерских. Они представляли круглые в плане ямы диаметром около 2 м и глубиной около 20 см, заполненные кусочками обожженной глины, шлака. На дне углублений зафиксированы остатки округлых глинобитных, сильно прокаленных, ошлакованных площадок, на которых разводился огонь и плавился в тиглях металл. В заполнении мастерских найдено более 20 небольших конусовидных тиглей, слитки бронзы, литейная форма для изготовления пряжек, а также обломки именьковской керамики. Судя по остаткам небольших столбовых ямок, над мастерскими устраивались специальные навесы.

Чуть раньше осенью 1964 г. в 15 м от данных мастерских были обнаружены остатки клада 87 металлических слитков длиной около 18,5 см и весом от 88 до 111 г. Спектральный анализ показал, что слитки представляют латунь (сплав меди и цинка). Подобные находки в Прикамье в середине 1 тыс. н.э. имели широкое распространение. Они использовались не только для отливки украшений и принадлежностей костюма, но и как эквиваленты стоимости. Подобные слитки встречаются в материалах ванвиздинской, мазунинской и азелинской культуры.

Весь рассматриваемый комплекс находок связан с деятельностью мастера–литейщика или даже группы мастеров, занимавшихся изготовлением украшений и принадлежностей костюма не только своей общины, но и других территорий.

Общественные отношения носителей именьковской культуры исследователи связывают с последними стадиями родового строя. Выше уже отмечалось, что проводимые раскопки поселений именьковской культуры позволяют говорить о начале хозяйственного освоения отдельных малых семей, включающих родителей и их детей. На Старомайском городище зафиксированы жилища с хозяйственными пристройками, свидетельствующие о начале этого процесса. По–видимому, основная хозяйственная деятельность (обработка земли, заготовка корма для скота на зиму, строительство жилищ, оборонительных сооружений) велась сообща. Одно поселение именьковской культуры есть основания связывать с сильно разросшейся патриархальной семьей, а группу поселений с отдельным родом.

Отношения племен именьковской культуры с соседними племенами складывались по–разному. Уже отмечалось выше, что с Нижней Камы и прилегающих частей Волги именьковцами были отеснены племена азелинской культуры. Но материалов об активных взаимовлияниях или контактах данных групп населения очень немного. В настоящее время можно говорить о том, что от именьковских племен азелинские племена восприняли пашенное земледелие. Об этом свидетельствуют железный ральник, найденный в погребении № 1 Азелинского могильника, железный серп из Шор–Уньжинского могильника на левом берегу реки Иеть, левого притока р.Волги.

Более активными были контакты носителей именьковской культуры с племенами мазунинской, турбаслинской, кушнаренковской и неволинской культур. В этом отношении примечательны материалы верхнеутчанской культуры в южной части Вятско–Камского междуречья. На поселениях данной культуры встречается круглодонная глиняная посуда различной профилировки с примесями в тесте толченых раковин, шамота, растительных остатков, связанная истоками с мазунинской культурой. На данных памятниках встречается также керамика именьковского типа – плоскодонные неорнаментированные горшки преимущественно с примесью шамота. На верхнеутчанских поселениях встречается посуда бахмутинского типа –

круглодонные округлобокие сосуды с оформленной горловиной и примесями в тесте песка или мелкого галечника, покрытые ямочными наколами.

Обнаружена на рассматриваемых памятниках и посуда кушнаренковского типа – круглодонные тонкостенные сосуды с мелкими незначительными примесями, аккуратно заглаженной поверхностью стенок и украшенные по горловине тонкими резными линиями, мелкой гребенкой, насечками по краю. Эту керамику большинство исследователей связывает с угорскими группами населения.

Удмуртские археологи Р.Д.Голдина и Т.Е.Ютина справедливо отмечают, что земледелие у племен Прикамья развивается под влиянием именьковской культуры. В этом отношении убедительны находки железных слабо изогнутых серпов с перпендикулярно загнутыми пяточками, обнаруженных в погребениях Покровского и Петропавловского могильников. Первый из них относится к мазунинской культуре, второй – к верхнеутчанской.

Носители именьковской культуры активно контактировали с племенами турбаслинской культуры. Памятники последней исследовались Н.А.Мажитовым, В.Ф.Генингом, Ф.А.Сунгатовым и другими исследователями. Возможно, что какие–то группы именьковского населения, ушедшего на северо–восток своей территории (в низовья реки Белой), вливались в общины турбаслинских племен. Это хорошо подтверждают материалы Кушнаренковского могильника в низовьях реки Белой. Основная часть погребений этого могильника совершена по обряду ингумации, сопровождалась вещами (украшениями, принадлежностями костюма), остатками коней (череп и кости ног). Два погребения могильника совершены по обряду кремации. Остатки сожжения, как и на многих именьковских могильниках, были сыпаны в небольшие ямы.

В то же время отдельные группы верхнекамского населения уходили в районы расселения именьковских племен и сливались с ними. Эти процессы по отдельным находкам фиксировались давно. Достаточно вспомнить, что находки керамики кушнаренковского типа еще в шестидесятые годы были найдены на именьковских поселениях Нижней Камы (Тат–Сунчелеевское городище, I Щербетское островное селище).

На Нижней Каме и прилегающих частях Волги исследованы захоронения, близкие по обряду и вещам погребениям турбаслинской культуры (погребение у с.Новоселки на р.Свияге в Буинском

районе, у с.Полянки в Спасском районе Татарстана, на могильнике именьковской культуры у с.Ташкирмень Лаишевского района в низовьях р.Меши, V Маклашеевском могильнике, Коминтерновском II могильнике в низовьях р.Ахтай). Рассматриваемые захоронения совершались обычно в глубоких ямах, характеризуются положением умерших головами на север. В засыпи некоторых захоронений встречаются остатки коней (череп и кости нижнего отдела конечностей). В могильных ямах обнаружено большое количество украшений и принадлежностей костюма, конской сбруи, оружия, а также типично именьковская керамика – плоскодонные лепные сосуды. На наш взгляд, какая-то группа турбаслинского населения продвинулась на запад и влилась в среду именьковского населения и в ней растворилась. По-видимому, к этому кругу памятников относятся остатки богатого погребения, найденного в семидесятые годы в низовьях реки Ахтай, сопровождающегося остатками коня (череп и кости нижнего отдела конечностей), остатками литых серебряных широких накладок и наконечников пояса геральдического стиля с прорезьями, аналогичных находкам из Арцыбашевских курганов, железным мечом, стременем с длинной пластиной, плоской подножкой и другими предметами, относящимися к концу VII в.

До середины пятидесятых годов рассматриваемые памятники все исследователи связывали с городецкой культурой. Продвижение их носителей на Нижнюю Каму и закамские территории объясняли развитием пашенного земледелия. Этническую принадлежность этого населения считали финно-угорской, а Н.Ф.Калинин – восточно-буртасской. В шестидесятые годы П.Д.Степанов был склонен утверждать, что памятники именьковской культуры могли принадлежать угро-мадярам. Его точку зрения в то время поддерживал А.Х.Халиков. Позднее было предположение о тюркоязычной принадлежности именьковских племен (А.Х.Халиков, В.Ф.Генинг, П.Н.Старостин). В восьмидесятые и девяностые гг. А.Х.Халиков утверждал, что своим происхождением и этнической принадлежностью именьковские племена связаны с древними балтами, продвинувшимися на Нижнюю Каму с запада. Такой разброс мнений по проблемам именьковской культуры в то время следует объяснять в значительной мере недостаточностью источниковой базы – фактического материала. Проведение широких разведочных работ, стационарных исследований, обнаружение серий новых могильников именьковской культуры дало возможность по-новому подойти к

осмыслению данных проблем. Очень важную роль в изучении именьковской культуры сыграла Г.И.Матвеева, организовавшая широкие раскопки поселений именьковской культуры и изучение именьковской керамики.

В последние годы большинство исследователей связывает происхождение рассматриваемой культуры с носителями культур Поднепровья и Северного Причерноморья – пшеворской, зарубинецкой, черняховской. Археологически сходство проявляется в конструкции и планировке жилищ, в керамике, погребальном обряде, связанном с кремацией и помещением ее остатков в небольшие ямы; хозяйственном комплексе, включающем пашенное земледелие и домашнее скотоводство. После походов гуннов прекратил существование черняховская культура. Часть ее носителей ушла на восток. Могильники и поселения, близкие именьковским, зафиксированы в последние годы в левобережье р.Дон, в частности, на реке Хопре в Саратовской области около населенных пунктов Шапкино и Инясово. Серия именьковских поселений в последние годы исследовалась самарскими археологами под руководством Г.И.Матвеевой. А еще раньше в послевоенные годы под руководством П.Д.Степанова были изучены поселения на р.Суры с остатками хозяйственных и жилищных построек и получен большой вещевой материал близкий именьковскому. Поэтому правомерно рассматривать постепенное расселение именьковских племен с запада на восток от Суры – на западе до р.Белой – на востоке.

По мнению ряда исследователей, в том числе В.В.Седова, население именьковской культуры отошло в VII в. н.э. на запад в днепро-донецкое междуречье и явилось основой волынцевской культуры. В отношении этнической принадлежности носителей именьковской культуры ныне большинство специалистов считает прото-славянами.

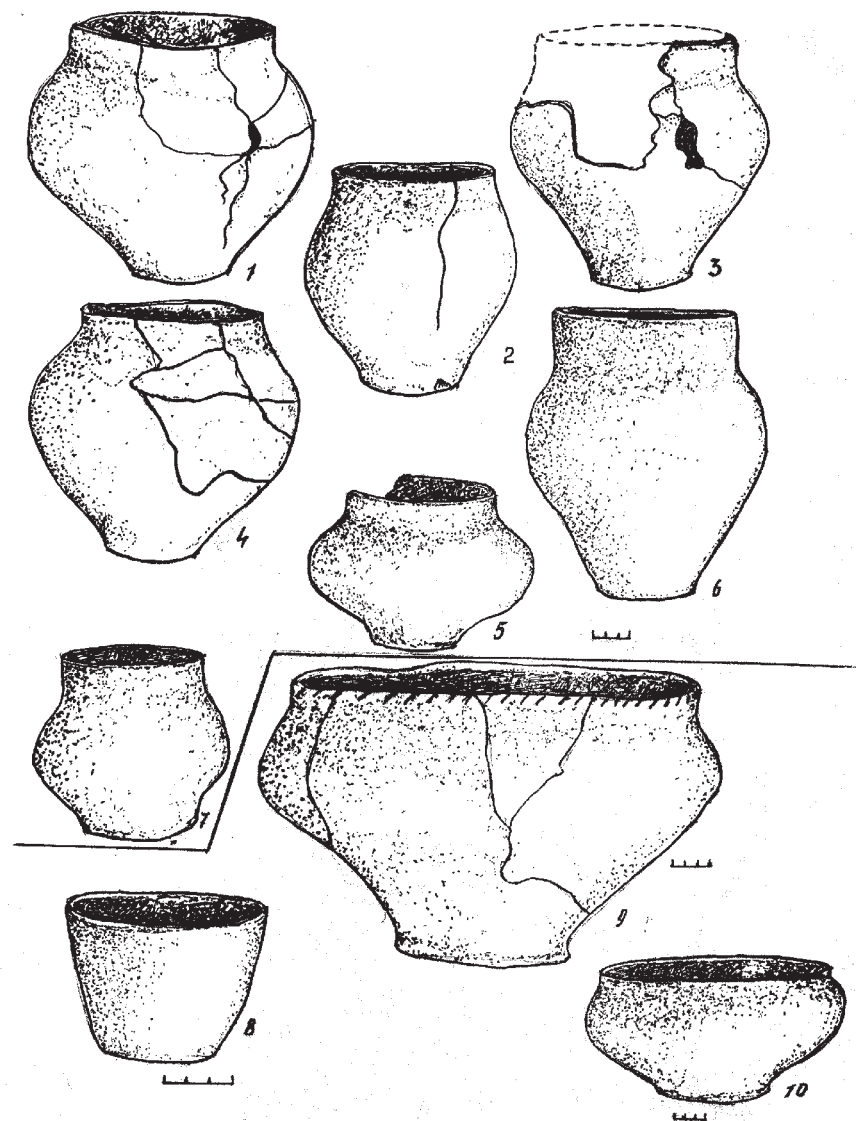

Рис.17. Именьковские сосуды. 1-7 – с Рождественского II могильника; 8 – с Щербетского островного селища; 9 – с Маклашеевского II городища; 10 – с Именьковского 1 городища.

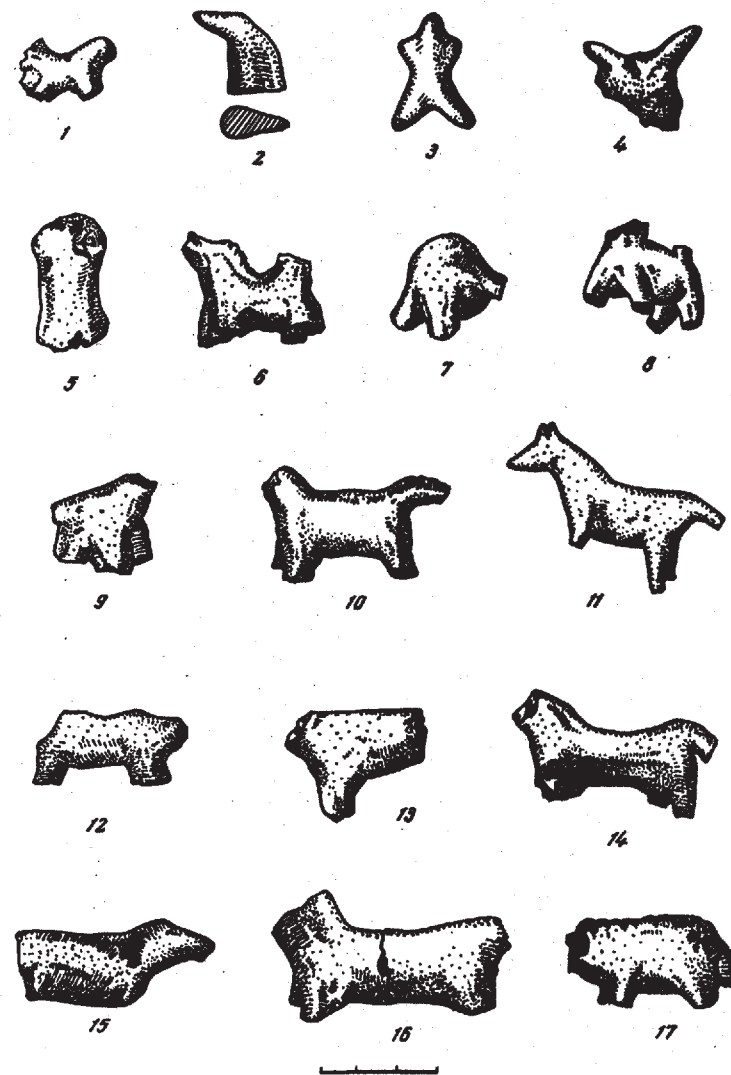

Рис.18. Глиняные фигурки с именьковских поселений. 1 – с Татсунчелевского городища; 2,3,5,7-9, 11-16,18 – с Именьковского 1 городища; 4 – с Маклашеевского II городища; 6 – с Коптелова Бугра (г.Болгар); 10 – с Щербетского островного 1 селища; 17 – с Камскоустыинского 1 селища.

Е.П. Казаков

КУШНАРЕНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

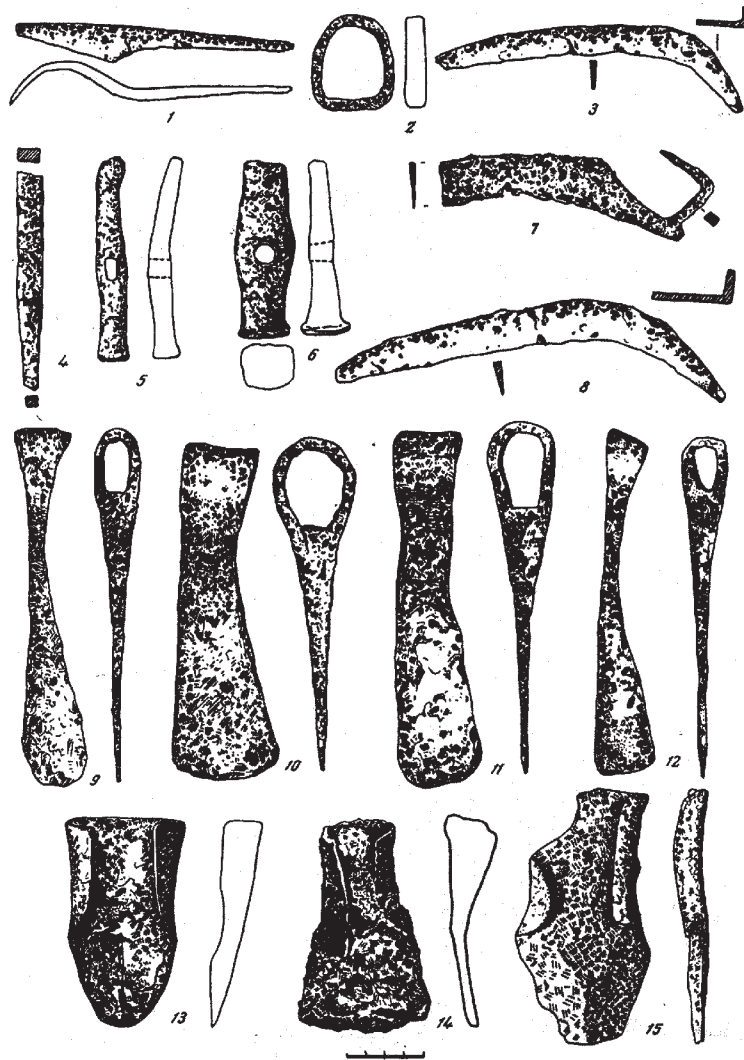

Рис.19. Железные орудия труда с именьковских поселений. 1– ложкарь, 2– кольцо от косы–горбуши; 3–8 – серпы; 4 – обломок напильника; 5,6 – молотки; 7 – обломок струга; 9,12 – “секировидные гривны”; 10, 11 – топоры; 13,15 – ральники; 14 – тесло–мотыжка; 1,5,11 – с Коминтерновского поселения (Курган); 2–4, 7–10, 14,15 – с Щербетьского острова; 6 – с Маклашеевского II городища; 12 – с Именьковского I городища; 13 – из Ташкирменских находок.

Одной из широко распространенных и своеобразных общностей в Урало–Поволжье эпохи средневековья является кушнаренковская культура. В VIII–IX вв. она занимала практически все Закамье, а также некоторые районы Предкамья в пределах Татарстана. Своё название она получила по памятникам, изученным А.П.Шокуровым и В.Ф.Генингом у с.Кушнаренково в Башкортостане в 1955–1959гг.

Носители кушнаренковской культуры появились к западу от Урала в середине VI в. Вероятно, это было связано с событиями, сопровождавшими образование Первого Тюркского каганата. Становление за короткое время огромного государства Евразии вызвало массовые миграции населения, потоки которого были направлены с востока на запад (достаточно вспомнить переселение преследуемых тюркскими авар, которые позднее осели в Паннонии).

Как отмечалось, самые ранние кушнаренковские памятники выявлены в Приуралье. Со временем сюда переселялись с востока новые кушнаренковские племена. В VIII в. это население занимало Икско–Бельское междуречье. Здесь изучены Иманлейский, Тактачукский и другие могильники и ряд поселений.

Находки керамики, позднее отнесенные к кушнаренковской, на территории Татарстана были известны еще в начале нашего столетия. Однако основная часть памятников (более 40) была выявлена и обследована Е.П.Казаковым и другими казанскими археологами в 1970–80–е годы. К поздней стадии кушнаренковской культуры относятся погребения Больше–Тиганского могильника и часть комплексов Танкеевского могильника (см.выше), расположенных в Западном Закамье и изученных А.Х.Халиковым, Е.П.Казаковым и другими исследователями. Данные могильники связаны с ранней Волжской Болгарией, в пределы которой уходили кушнаренковские группы, спасаясь от нападений печенегов.

Среди сорока памятников кушнарековской культуры 8 могильников, более десятка селищ и много местонахождений. Селища обычно со слабыми культурными слоями и располагаются на дюнах или на пологих надпойменных террасах – местах, богатых травами, рыбой, дичью (см., например, Меллятамакские, Русско–Шуганские, Татарско–Азибейские и другие памятники). На поселениях зафиксированы остатки кострищ, развалы глиняных сосудов и отдельные бытовые вещи. Судя по имеющимся материалам, население вело кочевой образ жизни, занимаясь, в основном, скотоводством и охотой.

Археологам удалось установить, что изучаемые племена на раннем этапе (в VI–VIII вв.) хоронили сородичей под курганами головами на север. Черепа погребенных со следами искусственной деформации. Позднее умерших уже ориентировали головой на запад. В погребениях найдены остатки оружия, конского снаряжения, оружия, разнообразных украшений (рис.20) и керамики. Значительное количество керамики найдено и на поселениях. Вся посуда лепная, круглодонная, горшковидная или бомбовидная по форме (рис.21). Обращает внимание ее тонкостенность и изящность орнамента.

Носителей кушнаренковской культуры большинство исследователей связывает с кочевыми уграми. Е.А.Халикова и А.Х.Халиков считали их мадярами.

Кушнаренковские племена, как отмечалось, участвовали в формировании культуры и этноса волжских булгар. После того, как в IX в. печенеги разбили мадяр и оттеснили их к западу, остатки данного населения нашли убежище у волжских булгар. В Западном Закамье, практически в центральной части будущего государства волжских булгар, стали функционировать Большеитганский и XII Измерский могильники в материалах, которые ярко представлены черты кушнаренковской культуры. В погребениях встречены типично кушнаренковская посуда, погребальные маски, комплексы из черепа и костей ног лошади, серебряные изделия постсасанидского облика с изображением крылатых собак–сеймурвов, крылатых коней, драконов и т.д. Судя по материалам Танкеевского могильника (см. ниже), эти элементы стали частью языческой культуры волжских булгар X в.

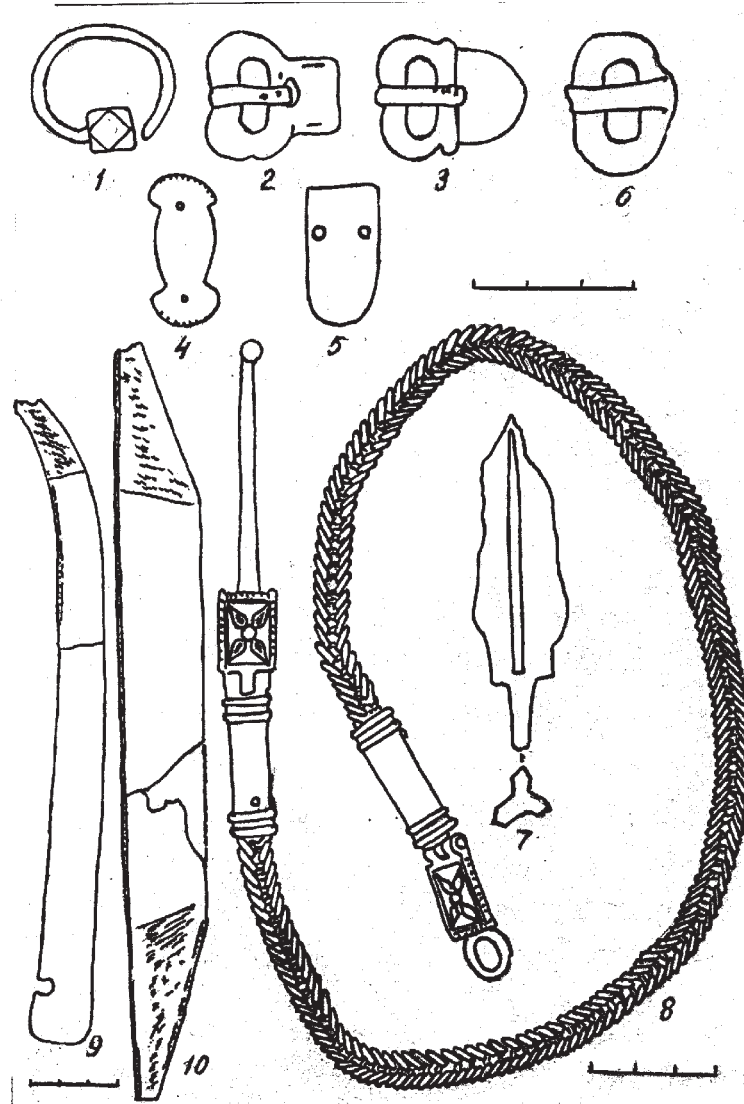

Рис.20. Вещевой материал с Такталачукхского могильника. 1–5,8 – бронза и серебро; 6,7 – железо; 9–10 – кость.

НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

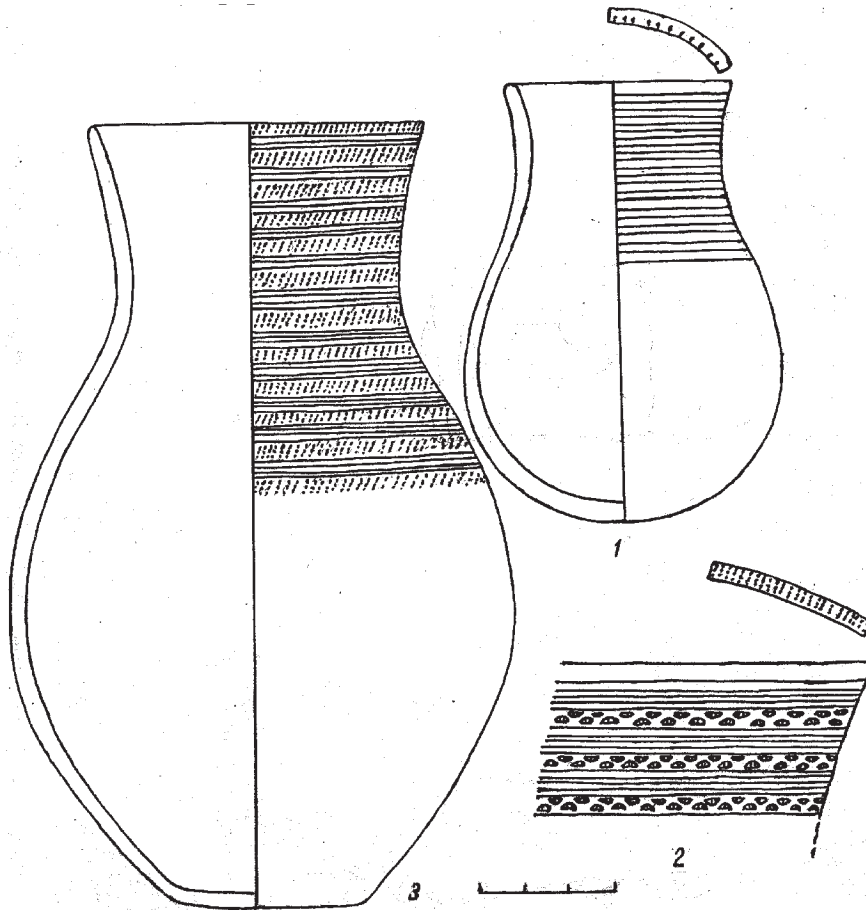

Рис.21. Керамика кушнаренковской культуры с могильника Такталачук.

В средневековой истории Восточной Европы яркую страницу вписали волжские булгары – новообразовавшийся народ, создавший первое в Среднем Поволжье государство с высокоразвитыми хозяйством и культурой. Историю Волжской Булгарии традиционно делят на три периода: раннебулгарский, домонгольский и золотоордынский. При этом первый из них до недавнего времени был наименее изучен, хотя значение его велико, так как в это время шло формирование нового народа и его культуры, положившие начало истории волжских булгар. Исследователи часто не выделяли раннебулгарский период, те же кто выделял, имели о нем представление, в основном, по отрывочным сведениям письменных источников. До настоящего времени существуют такие точки зрения, что булгары пришли с юго-востока Европы, смешались здесь с местным, именьковским, населением и образовался новый народ – волжские булгары. Предполагалось, что они сформировались из тюркских, финно-угорских и славянских групп, а земледелие восприняли от именьковского населения. Краткие сведения об этом времени отражены в основном у восточных авторов X в.: ал-Балхи, Гардизи, Ибн Русте, персидского анонима Худуд ал-алама и других. Наиболее полное, с твердой хронологической и географической привязкой, является описание ранней Волжской Булгарии Ибн Фадланом от 922г.

Почти неизвестны были, до 60-х годов прошлого столетия, археологические материалы ранних булгар. Проводимые в послевоенное время широкие раскопки под руководством А.П.Смирнова, Т.А.Хлебниковой и других авторов также, в основном, были сосредоточены на памятниках волжских булгар домонгольского и золотоордынского времени.

В 1960–90-е годы под руководством В.Ф. Генинга, А.Х.Халикова, Е.А.Халиковой, Е.П.Казаква были впервые выявлены и подвергнуты широкому раскопкам новые памятники ранней Волжской Бул-

гари. Изучены такие некрополи как I и II Большетарханский, Танкеевский, Большетиганский и др., датированные серединой VIII–IX вв. В настоящее время известно два десятка могильников ранних булгар, на которых вскрыто 1600 богатых вещами погребений. Выявлено также более 30 местонахождений и несколько поселений этого времени. Правда, несмотря на многолетние поиски, не найдено ни одного селища VIII–IX вв. Наиболее раннее поселение с зафиксированным культурным слоем, исследованное П.Н.Старостиным на территории Булгарского городища, относится, видимо, ко второй четверти X в.

Не найдено также следов именьковского населения в культуре ранних булгар. Погребальный обряд, вещевой материал и сам образ жизни последних резко отличались от соответствующих проявлений культуры именьковского населения. Судя по новым материалам, именьковская культура, прекратила свое существование уже во второй половине VII в., т.е. почти за 100 лет до прихода булгар.

Полученные материалы, совместно с письменными источниками позволили на конкретном материале изучать и характеризовать раннебулгарский период. Весь круг отмеченных памятников объединен территорией будущего государства волжских булгар; хронологически он связан с VIII – началом X в.

Новые материалы позволили выявить образ жизни, хозяйство и культуру начального этапа истории волжских булгар. В этот период происходили сложные процессы взаимодействия различных этнокультурных групп, формирование единой языческой культуры и сменя ее мусульманизированной культурой, седентаризация, т.е. оседание бывших кочевников на землю, переход от союза племен к государственному строю и т.д.

На основе данных раннебулгарских памятников опубликовано много работ. В их числе монографии В.Ф. Генинга и А.Х. Халикова «Ранние болгары на Волге», Е.А.Халиковой и Е.П.Казакова «Le cimetièr de Tankeevka» (Танкеевский могильник), Е.П.Казакова «Культура ранней Волжской Болгарии». Только из погребений, в большинстве случаев из закрытых датированных комплексов, происходят разнообразные орудия труда и оружие, предметы конского снаряжения, украшения, культовые изделия. Среди них свыше 600 глиняных сосудов, 56 топоров, около 400 наконечников стрел, 19 сабель. Особенно многочисленны и разнообразны украшения и предметы одежды, в частности, бусы (14325 экз.) и детали поясного

набора. Из Танкеевского могильника происходят 120 пряжек (24 типа), 59 наконечников ремней (9 типов), 763 накладки (125 типов). После обобщения и систематизации этого богатого и разнообразного материала, разработки его хронологии и периодизации, появилась возможность выделения хронологических этапов развития культуры ранней Волжской Болгарии. Анализ материала позволил выделить три этапа развития культуры ранних булгар.

На первом этапе (вторая половина VIII– первая половина IX в.) выделяется булгаро–салтовская группа памятников. К ней относится правобережная подгруппа (I, II Большетарханские могильники с захоронениями в обычных грунтовых могилах) и левобережная подгруппа (Кайбельский, II Уреньский могильники, могильник «Золотая Нива» и др.) с подкурганскими погребениями. В большетарханской подгруппе вскрыто 368 погребений, в левобережной – около 40. В обеих подгруппах погребенные (европеоиды с примесью монголоидности) лежали обычно в простых могильных ямах, головой на запад и сопровождалась характерным для салтовской культуры Подонья инвентарем (рис.22), в том числе круговыми сосудами с приземистым туловом, монетами VIII в. (750–752, 775–809 гг.). Данные материалы аналогичны инвентарю и обряду памятников салтовской культуры, относимых к собственно булгарам. Они свидетельствуют о переселении булгар с юго–востока Европы в Среднее Поволжье. Отмечая наличие таких захоронений по всему среднему и нижнему течению р.Волги, можно полагать, что Волжская Болгария в это время была северо–восточной окраиной салтовской общности.

В то же время около четверти всех захоронений сопровождалась нехарактерными для булгар Подонья ямами с заплечиками и подбоями, а также уложенными в ногах погребенных комплексами из черепа и костей ног коня. Такие элементы погребальной обрядности еще с эпохи тюркских каганатов имели место у носителей турбаслинской культуры Урало–Поволжья. Видимо, они и были заимствованы пришлыми булгарами.

Несомненно, что все население, представленное памятниками первого этапа, было пришлым. Судя по многочисленным погребениям воинов–всадников и отсутствию поселений с культурным слоем (встречены только местонахождения обломков керамики салтовской культуры), оно вело кочевой образ жизни.

Памятники второго этапа датируются второй половиной IX– первой четвертью X в. К ним относятся Большешетиганский, Танкеевский, Тетюшский, Кокрятьский, Старомайнский, Балымерский и другие могильники, расположенные в основном в Западном Закамье – центральной части Волжской Болгарии. Данные памятники хронологически не заходят в первую половину IX в., но почти все продолжали функционировать и на следующем, третьем, этапе определяемом как переходном от раннебулгарского к домонгольскому периоду и датированному второй–третьей четвертью X в. В отличие от некрополей первого этапа, в захоронениях второго этапа наблюдается органическое сочетание элементов культуры булгаро–салтовского и урало–прикамского происхождения. Это прослеживается как в погребальном обряде, так и в вещевом материале.

В значительной части погребений раннебулгарских могильников выделяются южноуральские (турбаслинские) черты: наличие глубоких (до 140–160 см) могильных ям, а также жертвенных комплексов (черепа и кости ног коня в погребениях и на площадках могильников). В вещевом материале этих комплексов примечательна круглодонная посуда с резной орнаментацией.

Среди урало–прикамских памятников выделяются преимущественно южноуральские или кушнаренковские (Большешетиганский, XII Измерский могильники), а также среднеуральские и прикамские (часть захоронений Большештарханского, Танкеевского могильников, Хрящевское погребение и др.). В числе кушнаренковских изучено свыше 120 погребений с западной ориентировкой костяков, расположенных в основном в Больших Тиганах и Танкеевке. В отличие от погребений булгар, имевших глубину до 140–160 см при ширине 50–60 см, в этой подгруппе средняя ширина могил составляла 1 м при глубине 50–95 см. В то же время вышеотмеченные комплексы из черепа и костей четырех ног лошади встречены как в могилах, так и на площадке могильника.

Заметно отличается от салтовского вещевого материал этой подгруппы. В предметах вооружения, конского снаряжения, деталях одежды, культовых вещах преобладают прямые аналогии с изделиями Южного Урала и фиксируется влияние среднеазиатской торевтики. Типичной для Урала является круглодонная лепная посуда с резным и гребенчатым орнаментом. Нумизматический материал этой группы представлен монетами 670, 709–710, 717–718, 742–743, 745–746, 760–761, 787–790 гг.

В среднеуральской или прикамской подгруппе в массовом порядке представлен ломовско–ломоватовский компонент. Погребальный обряд четко фиксируется по материалу Танкеевского могильника, где вскрыто 1200 погребений. В верхних слоях на раскопках этого памятника выявлены 220 жертвенных комплексов в виде сосудов и костей животных. Встречено также 45 жертвенных комплексов (черепа и кости ног лошади). Как и в Больших Тарханах, во многих случаях поребренных укладывали в довольно узкие, но длинные и глубокие могилы головой на запад. В ногах пятой части всех мужских погребений в специальной камере с подбоем укладывался комплекс из четырех ног и головы лошади с надетыми на нее уздечками. В 6% захоронений на лицевой части погребенных зафиксированы погребальные маски из шелковой обмотки и нашитой на нее серебряной личиной.

В погребальном обряде этого этапа явно продолжались собственно булгарские, посттурбаслинские и кушнаренковские традиции, фиксируемые в погребениях первого этапа. В то же время здесь ярко проявляются элементы обрядности, привнесенные ломовско–ломоватовским населением с Верхнего Прикамья (широкое распространение жертвенных комплексов, погребальных масок и др.).

Участие ломовско–ломоватовского населения в формировании культуры ранней Волжской Болгарии на втором этапе убедительно документируется вещевым материалом. Так, из 610 глиняных сосудов из Танкеевки 43% представляют собой лепные круглодонные изделия ломовско–ломоватовского и кушнаренковского происхождения с веревочной и гребенчатой орнаментацией (рис.23). Булгаро–салтовская посуда (рис.22–11) представлена круговыми сосудами (35%) и лепными плоскодонными горшками (10%). Кроме того, имеется группа лепных кувшинов, имитирующая салтовскую форму, но изготовленная, судя по примеси раковины в тесте и веревочному орнаменту, прикамским населением.

Массовое появление на Волге урало–прикамского населения несомненно связано с его миграцией. Чем же она могла быть вызвана? Есть основание полагать, что она связана с военно–политическими событиями, которые происходили в Восточной Европе. Во второй трети IX в. в Хазарском каганате, власть которого распространилась до Верхнего Прикамья, происходила “борьба за веру”. Ожесточенно сражались между собой сторонники ислама и иудаизма, стремясь привлечь на свою сторону и кочевые племена. В борьбу

между собой вступили мадьяры и печенеги. Последние оттеснили мадьяр за Волгу и стали нападать на родственные им племена Урало–Прикамья. В результате этого прекратили существование неволинская, кушнаренокская, а также южная часть полоумской и ломоватовской культур. В результате этих событий во второй половине IX в., носители данных культур появились в Западном Закамье – будущей центральной части Волжской Булгарии, где в X в. возникнут и столичные центры (Болгар, Сувар, Биляр).

Пришлое урало–прикамское население, скорее всего, являлось угорским. Многие специфические элементы погребальной обрядности, зафиксированные в материалах вышеуказанных могильников на Волге (положение черепа и костей ног лошади в ногах погребенных, погребальные маски, своеобразные культовые подвески и т.д. (рис.24, рис.25), близки обрядности языческих некрополей древних венгров Паннонии. Многие из них сохранились и в этнографии обских угров.

Очень скоро эти пришельцы, находясь в пределах одного политического “раннебулгарского” объединения, сливаются с булгарами. Это проявляется в погребальном обряде (положение погребенных на спине, западная ориентировка, положение в могилы шкуры лошади и т.д.).

Слияние булгарских и урало–прикамских элементов отражается и в остальном вещевом материале. В одних захоронениях встречаются салтовские кувшины, серьги с напускными бусами и лепные круглодонные чаши, прикамские шумящие подвески и погребальные маски. Выработались и собственно волжско–булгарские оригинальные группы изделий. Так, круговая керамика, хотя и сохраняла в форме преемственность с салтовской, однако, представляла уже новообразованную посуду с более вытянутыми пропорциями, иной фактурой и орнаментацией.

На рубеже IX–X вв. сформировалась яркая и своеобразная языческая культура волжских булгар. Ее становление шло параллельно с социально–экономическими процессами, происходившими в самом булгарском обществе. В материалах Танкеевского могильника фиксируются богатые погребения воинов–всадников, по–видимому, занимавших почетное место в обществе. Составляют они 7,5% всех могил. Эти погребения и сопровождалось большим количеством вооружения, серебряными масками и лепными кувшинами.

Видимо, эта социально выделяющаяся прослойка общества являлась опорой формирующейся государственной власти.

Таким образом, на втором этапе в Среднее Поволжье из районов Приуралья, Верхней Камы и бассейна р.Чепцы приходят значительные группы угорского населения.

Пришельцы вступают в контакты, фактически смешиваются с булгаро–салтовским населением, образуя новый народ – волжских булгар.

На третьем (переходном) этапе (вторая, третья четверть X в.) в булгарском обществе за сравнительно короткий срок произошли серьезные экономические, политические и идеологические изменения. Начало таких изменений достаточно полно фиксирует записка Ибн Фадлана 922 г., отметившая оседание булгар (или как он определяет их – “сакалибов»), на землю, принятие мусульманства, укрепление государственной власти. Эти процессы прослеживаются и в материале археологических памятников переходного этапа. Уже отмечалось выделение состоятельной прослойки воинов–всадников, составляющих 7,5% населения, которые могли являться опорой власти правителя страны.

П.Н.Старостиным изучено самое раннее селище ранних булгар с культурным слоем на территории Болгарского городища. На нем зафиксированы остатки жилищ, хозяйственных сооружений, а также монеты конца IX в., 907–914, 913–932 гг. Судя по аналогиям керамики в Танкеевском могильнике, селище относится к переходному периоду, т.е. к второй–третьей четверти X в. Однако таких поселений, видимо, было немного. Письменные источники, относимые к 40–м годам X в., отмечают только города Болгар и Сувар.

На поздней части Танкеевского и Тетюшского могильников фиксируются мусульманские захоронения. В некоторых из них пережиточно сохранились вещи, которые позволяют датировать погребения второй–третьей четвертью X в. Таким образом, на переходном этапе наряду с дальнейшей нивелировкой языческих элементов все большее место занимают проявления мусульманства.

Однако, окончательному завершению процессов сидентаризации, становления государственности, мусульманизации булгарского общества, видимо, опять таки способствовали кардинальные политические изменения в Восточной Европе, связанные с падением Хазарского каганата в третьей четверти X в. Возможно, этим объясняется переселение в Среднее Поволжье новой, второй вол-

ны болгар. Они привнесли с собой элементы культуры, которых не было в языческой культуре ранних болгар. С этого времени появляются многие постоянные поселения, новые формы посуды (горшки, кувшины, чаши, миски, стаканы, светильники и т.д.); развитые земледельческие орудия, лемеха, резак, совершенные формы серпов, кос; характерные детали одежды и т.д., имеющие прототипы в салтовских древностях IX в. С этого же времени все, даже сельские кладбища, становятся мусульманскими.

Отмеченные элементы культуры второй волны, вместе с остатками язычества, представлены практически во всех ранних слоях как селищ, так и городищ, в том числе столичных центров – Булгара, Сувары, Биляра.

В конце X в. из районов петрогромской культуры Среднего Урала в Волжскую Булгарию проникает и новая волна угров. Они привнесли с собой новые формы круглодонной посуды с веревочно-гребенчатой орнаментацией, которые бытуют в культуре болгар весь домонгольский период. Практически на каждом селище X–XIII вв. встречается от 1 до 1,5% постпетрогромской или до 5–7% “гибридной”, болгаро-постпетрогромской посуды.

Таким образом, в основе формирования культуры ранней Волжской Булгарии является переселение болгаро-салтовских и урало-прикамских групп в Среднее Поволжье и их взаимодействие между собой. В широком плане само возникновение Волжской Булгарии явилось результатом миграции болгар-тюрок и угров в Урало-Поволжье.

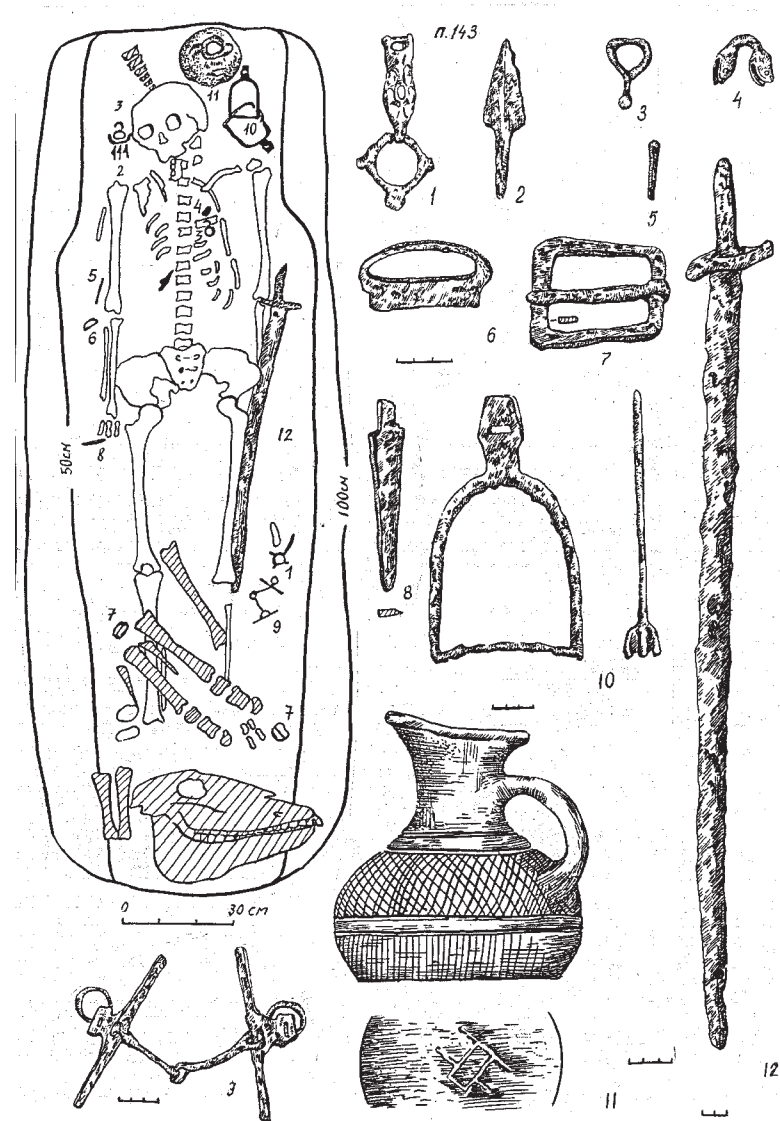

Рис.22. План и вещевой комплекс погр.143 Большештарханского могильника. 1,3–5 – бронза; 2, 6–10, 12 – железо, 11 – керамика.

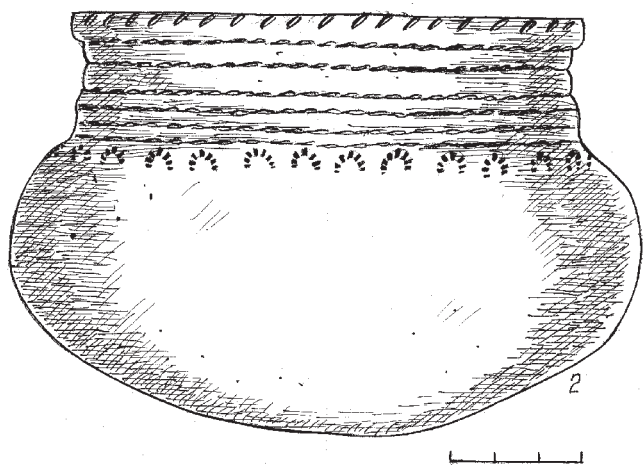
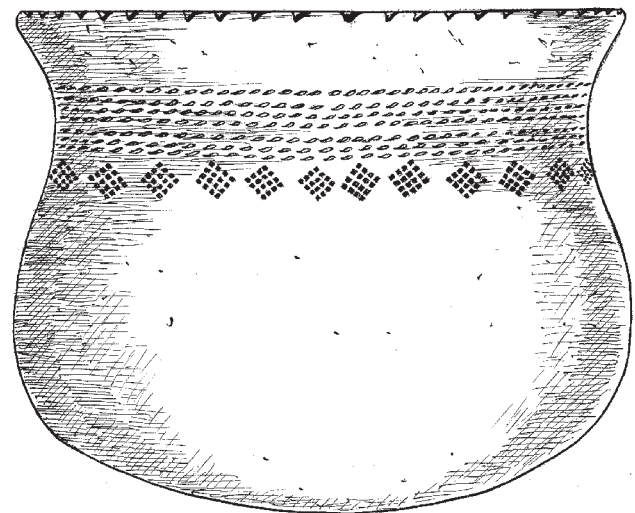

Рис.23. Полемско-ломоватовская посуда из Танкеевского могильника.

Рис.24. План и вещевой комплекс погр.1092 Танкеевского могильника. 1-5,14 - бронза и серебро; 7,9,10,11 - железо; 8,12 - кость; 13 - керамика.

Ф.Ш.Хузин

**ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ X – НАЧАЛА XIII ВВ. :
ТЕРРИТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, НАСЕЛЕНИЕ**

Волжская Булгария – первое государственное образование на территории Татарстана и сопредельных областей, созданное предками татарского народа на рубеже IX–X вв. В отличие от местных финских племен (древних марийцев, удмуртов, мордвы), булгары, так же как и родственные им сувары (савиры), барсилы (берсула) и баранджары (беленджеры) к тому времени имели уже богатый опыт государственности. Их предки ранее проживали в составе Хуннской державы (IV–V вв.), Тюркского каганата (вт. пол. VI–VII вв.), Великой Болгарии Кубрата (VII в.) и Хазарского каганата (вт. пол. VII–X вв.).

Внутренние социально–экономические предпосылки возникновения государственности у булгарских предков татарского народа складывались во второй половине I тыс. н.э. В это время они стояли уже на пороге окончательного разложения первобытно–родовых отношений. Новая мощная волна миграции булгар из центральных земель Хазарского каганата (из районов салтово–маяцкой культуры Подонья), начавшаяся где–то в конце IX в., способствовала окончательному становлению их в качестве политического гегемона среди местного населения Волго–Камья. С этой волной переселенцев связано появление в регионе первых постоянных поселений булгар, а также таких прогрессивных форм хозяйства, как пашенное земледелие и высокоорганизованное ремесленное производство. Начинается перестройка системы внутренней и внешней торговли. Все это стимулировало процессы социальной дифференциации общества и складывания на этой основе новых общественных порядков. Усиливается военно–племенная знать. Она выделилась из массы свободных общинников в небольшую привелигированную родственную группу, окружала себя военной дружиной из числа наиболее отважных и преданных соплеменников. Частые военные походы и набеги на соседние земли в целях обогащения, а также неза-

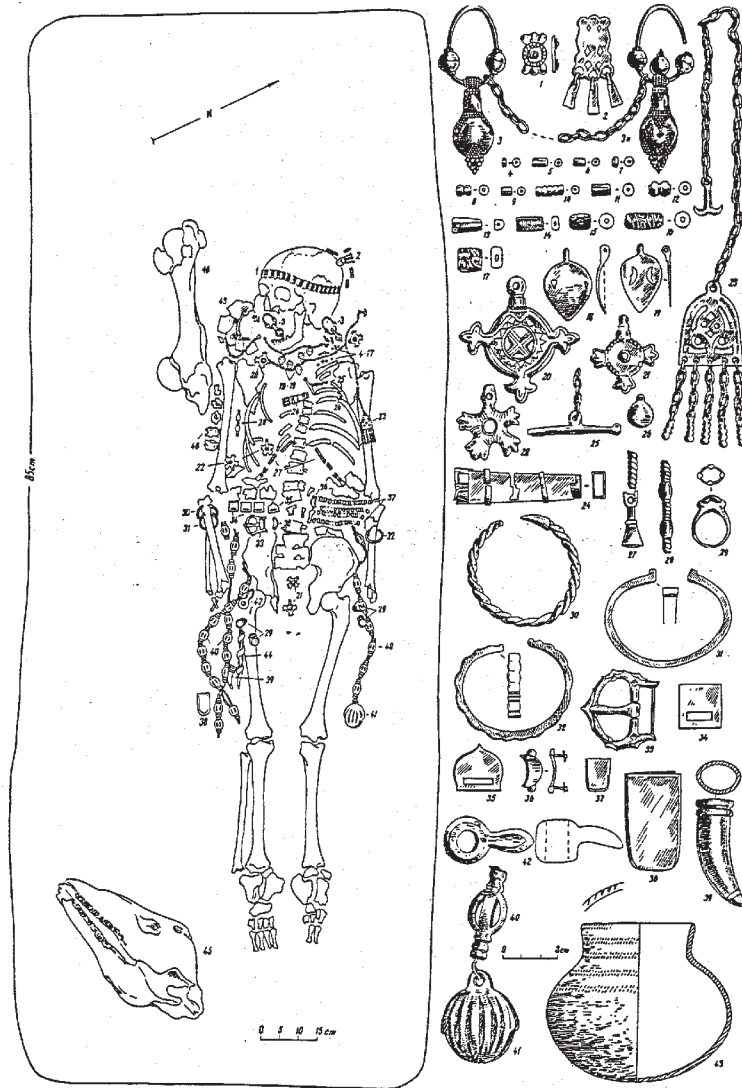

Рис.25. План и вещевой комплекс погребения Большиетиганского могильника. 1–3, 4–17 – стекло; 18–41 – бронза; 42 – кость; 43 – керамика.

метно начавшаяся практика обложения населения регулярными повинностями и налогами для содержания аппарата управления приводят в конце концов к правовому закреплению социальных статусов различных групп населения. Одновременно оформляются соответствующие структуры государственной власти.

Булгарское общество времен Алмуша выглядит уже вполне оформившимся государством. Письменные источники фиксируют первые попытки установления дипломатических отношений с другими странами. Появляются монеты собственно булгарской чеканки. Эти факты констатируют существование в начале X столетия окончательно сложившегося Булгарского государства (Болгар, Болгар иле), ставшего в скором времени заметным явлением средневековой цивилизации Евразии. В 922 году Булгария была официально признана Багдадским халифатом в качестве одного из государств исламского мира.

Письменные источники и археологические материалы, накопленные поколениями ученых более чем за 200 лет изучения истории Волжской Булгарии, дают возможность воссоздать в общих чертах картину экономической и политической жизни страны, представить особенности высокоразвитой культуры ее населения, определить направления и интенсивность торговых связей с соседними народами региона и отдаленными государствами Старого Света. К сожалению, собственно булгарские исторические сочинения не сохранились (лишь некоторые сведения из “Истории Булгара” Якуба ибн Нугмана использованы ал–Гарнати при написании своего труда). Практически все известные к настоящему времени письменные сведения о домонгольских булгарах содержатся в трудах восточных путешественников (Ибн Фадлан, ал–Гарнати), авторов так называемой классической арабской географической школы и их компиляторов (Ибн Русте, ал–Балхи, ал–Истахри, Мукаддаси, ал–Идриси и др.), а также в древнерусских летописях, сочинениях западноевропейских хронистов и путешественников (венгерский Аноним, Юлиан). Однако эти источники, различные по своей достоверности и ценности, не содержат систематического изложения истории Булгарии. Поэтому при написании истории домонгольских булгар ученые опираются преимущественно на данные археологии и связанных с ней наук – нумизматики, антропологии, палеоботаники, палеозоологии и др.

* * *

Волжская Булгария, расположенная на Волге и Каме, – великих торговых путей средневековой Европы, стала объектом внимания арабских и персидских географов с конца IX в. В своих трудах они помещали страну булгар в седьмом климате* и считали ее самой северной страной, населенной мусульманами. Ибн Русте в своей “Книге драгоценностей”, написанной в 903–913 гг., сообщает о ней более подробно: “Булгарская земля смежна с землею бургасов**”. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (Каспийское) и прозывается Итиль... Страна их состоит из болотистых местностей и дремучих лесов, среди которых они и живут”. Чуть ниже он добавляет: “От земли бургасов до земли этих болгар три дня пути”. Из этих слов Ибн Русте можно заключить, что страна булгар находилась где–то к северо–востоку от бургас в районе Средней Волги. А его утверждение о природе страны, как не трудно заметить, мало соответствует действительности. Впрочем, в глазах арабского купца–путешественника (источника информации), привыкшего к бескрайним пустынным и степным просторам, далекая северная страна могла показаться такой болотистой и лесистой.

Некоторое представление о юго–западных границах Волжской Булгарии X в. дают сообщения ал–Истахри и анонимного автора “Худуд ал–алам”а (“Границы мира”). Они ограничивают земли булгар страной гузов, северо–западные пределы которой доходили до р. Яик (р. Урал). Однако в данном случае было бы более правильным вести речь только о тех территориях, которые находились под сильным влиянием и контролем Булгарского государства, поскольку

* Климат в трудах восточных авторов означал географические зоны, на которые делилась земная поверхность. Седьмой климат включал самые северные области человеческой ойкумены.

** Бургасы – тюркоязычный народ, обитавший, согласно сведениям письменных источников, в IX–X вв. на территории между булгарами и хазарами, к востоку от славян, в правобережье Волги. Ученые пытались отождествлять их с различными народами: мордвой–мокшей, чувашами, предками венгров и татар–мишарей. Заслуживает внимания точка зрения проф. А.Х.Халикова, согласно которой бургасы–язычники – народ, близкий по языку и этносу к булгарам, были подчинены и ассимилированы последними не позднее рубежа X–XI вв. Он считал, что потомками бургас являются современные татары–мишари.

ку сведения письменных источников пока не подтверждаются археологически. Указанные земли входили, может быть, в территорию кочевания полуседлой части болгарского населения. Они контролировались булгарами и позднее. В противном случае вряд ли была необходимость сражаться болгарским сторожевым отрядам на реке Яике в 1229 году против монголо–татар.

Некоторые мусульманские географы X–XI вв. (Ибн Хаукал, Масуди, Гардизи), уточняя западные границы Булгарии, помещают ее к востоку от места обитания славян. Но это не означает, что славяно–древнерусские племена непосредственно соседствовали с волжскими булгарами. Речь идет, скорее всего, опять же о землях (мордовских, буртасских), входивших в сферу политического и экономического влияния булгар.

Северные и южные пределы Волжской Булгарии по данным письменных источников определяются также недостаточно четко. Любопытно, что Махмуд Кашгари, автор XI в., на своей карте помещал города Булгар и Сувар у Каспийского моря. Это, конечно, неверно. Очевидно, не имея под рукой достоверных данных о расположении двух знаменитых городов, однако, зная, что булгары живут и на Нижней Волге, М.Кашгари счел в известной степени оправданной такую локализацию. В самом деле, ряд источников говорит о компактном проживании булгар в хазарской столице Итиле, а позднее и в городе Саксине, расположенных в низовьях Волги у Каспийского моря. В степях Юго–Восточной Европы кочевало значительное число булгар – остатки населения разгромленного в 965 году Хазарского каганата, которые смешались впоследствии с кыпчаками–половцами. Очевидно это население не входило в состав Булгарского государства на Средней Волге, хотя и поддерживало с ним постоянные контакты.

Как видим, письменные источники дают слишком общее представление о территории Волжской Булгарии X– начала XIII вв. Этот вопрос успешнее решается на археологических материалах (рис.26).

К настоящему времени археологами открыто более 2 тысяч болгарских памятников. Среди них имеются остатки 190 укрепленных поселений – городищ; более 900 неукрепленных, т.е. открытых поселений – селищ; около 160 грунтовых могильников, в том числе и с каменными надгробиями, а также отдельные местонахождения (около 500), находки вещей и кладов (около 200) и т.д. Подавляющее большинство этих памятников (не менее 160 городищ, более

700 селищ, несколько десятков могильников) относится к домонгольскому времени. Археологи методом картографирования и хронологической классификации памятников изучили динамику изменений государственной территории булгар на протяжении X–XIII вв.

Основная территория Волжской Булгарии располагалась в Западном Закамье, которое в пределах Татарстана включает районы левобережья Волги к югу от Камы, ограниченные с востока р. Шешма. Эта территория привлекала булгар исключительно выгодным географическим расположением на стыке двух крупнейших водных магистралей Восточной Европы – Волги и Камы. Рельеф Западного Закамья отличается четко выраженным равнинным характером, придающим ему своеобразный степной облик. В ландшафтном отношении эта территория входит в зону типичной лесостепи, для которой характерно чередование широколиственных лесов с обширными участками луговой степи. Главное природное богатство района – черноземные (до 65–70 процентов всей посевной площади) и темно–серые лесные почвы с большим содержанием гумуса. На таких почвах булгары с успехом возделывали пшеницу, ячмень, просо, горох, лен и коноплю – основные зерновые и технические культуры земледельцев.

В Западном Закамье сосредоточено чуть меньше половины всех известных археологических памятников Булгарии. Здесь располагались такие выдающиеся политические и экономические центры государства как Биляр (Великий город), Сувар, Булгар (Бряхимов), Джукетау и другие крупные города, названия которых не сохранились в письменных документах и забыты в народной памяти. В этих центральных землях самым густонаселенным является бассейн Малого Черемшана с Великим городом в центре.

В Восточном Закамье, в частности, в низовьях р. Зай, тоже известны домонгольские памятники булгар. Но эта территория по сравнению с другими, более западными районами была еще редко заселена. Восточно–закамские земли использовались, очевидно, для сезонного кочевания болгарских скотоводов.

Булгары с момента их появления в VIII в. занимают и правобережные районы Волги (см. Больше–Тарханский, Тетюшский могильники), особенно бассейн р. Свяги, где известно несколько десятков городищ и селищ. Здесь, как полагают, находился главный политический центр предволжской территории Булгарии летописный

город Ошель, локализуемый ныне на месте Богдашкинского городища в Тетюшском районе Республики Татарстан.

Предкамская территория государства, т.е. земли к северу от Камы, также была заселена с X–XI вв. Основные памятники располагаются по берегам Волги и Камы, включая низовья р. Меши. Политическим и экономическим центром этого района являлся, как полагают, город Кашан. Самые северные памятники домонгольских болгар открыты в бассейне Казанки, где в конце X– начале XI вв. возникает крепость Казань – будущая столица одноименного ханства. В качестве северо–восточного форпоста страны на правом берегу Камы в первой половине XI столетия основывается город Алабуга с крепостью и посадом.

Территория домонгольской Волжской Булгарии выходила далеко за пределы современного Татарстана. По далеко не полным данным, в Ульяновской области археологи открыли около 200, Самарской – более 150 болгарских памятников, относящихся преимущественно к X–XIII вв. Их количество ежегодно увеличивается. Самые южные памятники расположены на широте Самарской Луки и реки Самары.

Достоверно установлено, что юго–восточные районы соседней Чувашии также были заселены древними булгарами. Здесь открыто около 40 памятников, определяемые специалистами как безусловно болгарские. Современные чувашские исследователи доводят их количество до 70 и отодвигают западные пределы Булгарии до реки Суры. Очевидно, они правы. Болгарские памятники (их более 70), открытые в Пензенской области, убеждают нас в том, что река Сура служила в домонгольское время западной границей государства. Археологическими остатками политического центра пензенской группы поселений является Юловское городище. Часть исследователей считает, что эти памятники оставлены обулгаризованными буртасами.

Таким образом, домонгольская территория Волжской Булгарии, реконструируемая на основании письменных и археологических источников, включала в себя обширные земли от реки Казанки на севере до Самарской Луки на юге, от реки Суры на западе до низовий Белой и Урала на востоке и юго–востоке. Плотность населения была велика в закамских районах. Периферийные юго–восточные земли были слабо освоены и использовались преимущественно в целях сезонного кочевания.

Кроме своей основной территории, болгары освоили земли соседних регионов. В этом отношении большой интерес представляют средневековые памятники Верхнего, отчасти Среднего Прикамья, в которых встречаются вещи болгарского происхождения. В Пермской области археологи насчитывают до 200 таких пунктов, в том числе городища, селища и могильники. Например, на Рождественском и Кыласовом (Анюшкар) городищах открыты двухъярусные гончарные горны классически болгарского типа. В окрестностях располагались кладбища с погребениями, совершенными по мусульманскому обряду. Культурные слои многих поселений содержат большое количество красноглиняной болгарской керамики, а также предметы женских украшений (серьги, перстни, браслеты, подвески, бусы), туалетные принадлежности, инструменты ремесленников – ювелиров, земледельческие орудия труда. Исследователи почти повсеместно наблюдают изменения в языческой погребальной обрядности местного населения под влиянием мусульманской. Отмечена также богатая тюркская топонимика края, восходящая к болгарской эпохе.

Все эти факты до недавнего времени рассматривались сугубо в рамках торгово–экономических взаимоотношений между булгарами и верхнекамскими племенами (предками коми–пермяков). Булгарские торговые фактории в указанном регионе, несомненно, существовали. Одновременно, по–видимому, происходила активная, в основном мирная, болгарская колонизация Пермского Приуралья. Очевидно, здесь располагалась страна Вису или Земля Чулыманская, которая, по словам Абу Хамида ал–Гарнати (XII в.), была подвластна булгарам и платила им дань – харадж.

* * *

На очерченной выше территории в конце IX–X вв. проживали различные, в основном тюркоязычные племена, среди которых были болгары, берсула, эсегелы, суазы (сувары), баранждары и, вероятно, билеры. Первые три этнонима известны по сообщениям Ибн Русте и автора “Худуд ал–алам”а. О сувазах, не пожелавших подчиняться болгарскому эмиру, эсегелах (эскелах), князь которых был женат на дочери Алмуша, и домочадцах баранджар в количестве 5 тысяч человек рассказывал Ибн Фадлан. Билеры – “выселенцы из Билара или Болгарии, – болгары–мусульмане” упоминаются в венгерской хронике второй половины X в. Эти племена, говорится в

“Худуд ал–алам”е “все находятся в войне друг с другом, когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями”. Любопытно, что уже во второй половине X столетия многие из вышеназванных этнонимов исчезают, однако продолжают фигурировать болгары и сувары, которые, как отмечал позднее Махмуд Кашгари, были очень близки между собой по языку.

Окончательное сложение болгарской народности происходило в XI–XII вв., что нашло яркое отражение в письменных и археологических источниках. На всей централизованной территории Волжской Булгарии складывается своеобразная, в основном уже единая болгарская культура, в основе которой лежали развитые экономические, политические и культурные связи между различными областями страны. Не следует отрицать при этом консолидирующей роли официальной мусульманской религии. Восточные авторы и русские летописцы однозначно называли население страны одним именем – болгары (болгары), а саму страну – Булгарской землей. Это же название носила, как полагают некоторые исследователи, и столица страны – Великий город на Черемшане. Появление в древнерусских летописях под 1183 годом таких этнонимов как “собекуляне, челмата и темтюзи” следует понимать, очевидно, как названия некоторых местных, небольших локальных групп болгарского населения.

Разумеется, нельзя абсолютизировать кажущуюся этническую однородность населения домонгольской Булгарии. Источники свидетельствуют, что этническая пестрота, столь характерная для ранних этапов сложения болгарской народности, сохраняется долго. Тюркоязычные группы (сувары, эсегелы, билеры, баранджары и др.), действительно, относительно быстро консолидировались в рамках единого волжско–булгарского сообщества. Однако в Булгарии проживали и регулярно проникали из соседних земель чужеродные группы (особенно поволжские финны, славяне), которые в большинстве своем никогда не теряли своего этнического лица. Ассимиляции подвергалась лишь часть этого населения. В южных и восточных периферийных районах страны, надо полагать, проживали представители тех племен, с которыми болгары соседствовали. Среди них источники отмечают тюркоязычных гузов, печенегов, кыпчаков и башджардов (маджаров). Территория расселения последних, по данным Ибн Русте, лежит “между землею печенегов и землею болгарских эсегель” По сообщению ал–Балхи, “они подвластны болгарам”.

В бассейне реки Урал, простирались обширные кочевья родственных гузам печенегов, занявших позднее степи Юго–Восточной Европы, и сменивших их кыпчаков–половцев. Последние, завоевав в XI–XII вв. огромные пространства Великого пояса степей от Иртыша и Балхаша на востоке и почти до Дуная на западе, надолго становятся едва ли не основной этнополитической силой юга Евразии, сыгравшей огромную роль в судьбах Волжской Булгарии, древнерусских княжеств, других государств и народов средневековья.

Шары или “желтые кыпчаки”, заняв плодородные пастбища, необходимые для выпаса коней и содержания крупного рогатого скота кочевников, стали тем этническим ядром, вокруг которого объединились разбросанные по степям орды печенегов, гузов, а также болгар и алан, входивших ранее в Хазарский каганат. Половецкие кочевья доходили практически до южных пределов Волжской Булгарии. Исследования археологов выявили многочисленные курганные могильники кыпчаков–половцев в районе Самарской Луки, Южного Урала и Западного Приуралья. Тесные контакты, которые существовали между родственными кыпчаками и булгарами в домонгольское время, нашли отражение в письменных источниках. Русские летописи отмечают, что у кыпчаков “с болгары язык и род един”. Они же рассказывают о неоднократных проникновениях отдельных половецких отрядов в центральные области Булгарии и участи их в сложных политических интригах XII столетия.

Таким образом, в течение более трех столетий, прошедших со времени образования государства, в Волжской Булгарии происходили важные изменения, связанные главным образом с формированием государственной территории страны и консолидацией на основе различных племенных групп новой этнической общности – болгарской народности.

Ф.Ш.Хузин**ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ. ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ.**

Хозяйство Волжской Булгарии домонгольского периода носило комплексный характер и включало в себя сельское хозяйство с развитым для того времени земледелием и скотоводством, ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также различные промыслы, рыболовство и охоту.

Сельское хозяйство – важнейшая отрасль экономики. Основная масса населения, проживающая в сельских местностях, занималась земледелием и скотоводством.

О большой роли земледелия в экономике государства свидетельствуют письменные источники. Арабский географ начала X в. Ибн Русте писал: “Болгары – народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как–то: пшеницу, ячмень, просо и другие”. Ибн Фадлан отмечает, что “пища их – просо и мясо лошади, но и пшеница, и ячмень (у них) в большом количестве”. Земледелие не только удовлетворяло внутренние потребности страны в хлебе, но и создавало довольно значительный прибавочный продукт, шедший на экспорт. Булгары вели с русскими княжествами регулярную торговлю хлебом. В “Повести временных лет” под 1024 годом говорится, что во время голода в Суздальской земле русские отправились в “Болгары и привезоша жито и тако ожиша”. Под 1229 годом в летописях имеется следующее сообщение: “Болгары возили жито по Волге во все грады русские и продавали, и тем великую помощь сделали. Князь же Болгарский прислал в дар великому князю Юрию 30 насадов с житами, которые князь великий принял с благодарностью”.

Немногочисленные письменные источники по болгарскому земледелию находят солидное археологическое подтверждение. Находки почвообрабатывающих орудий, орудий уборки и переработки урожая, а также богатый палеоботанический материал (остатки зе-

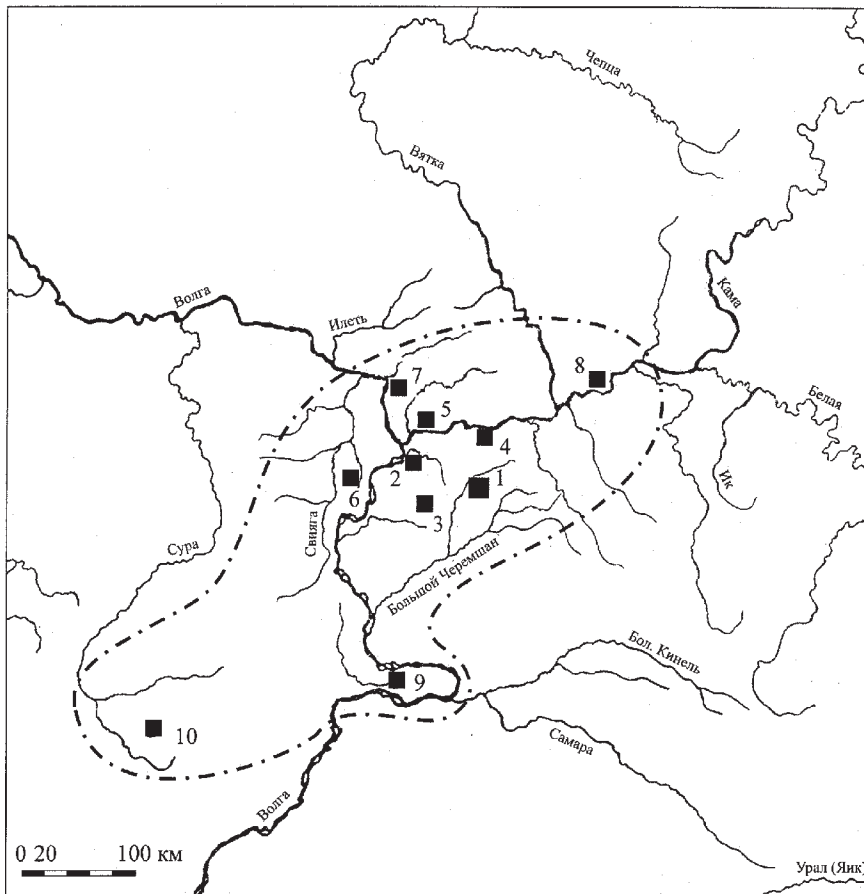

Рис.26. Территория Волжской Булгарии в X– начале XIII вв.

1 – Биляр–Великий город (Булгар), 2 – Булгар на Волге (Бряхимов), 3 – Сувар, 4 – Джукетау, 5 – Кашан, 6 – Ошель, 7 – Казань, 8 – Алабуга, 9 – “Муромский городок”, 10 – Юлово (Буртас ?).

рен культурных растений и сопутствующих им сорняков) позволяют достоверно реконструировать систему земледелия и состав возделываемых сельскохозяйственных культур.

Рало, соха, плуг – вот основные виды болгарских пахотных орудий. В археологических материалах они представлены такими деталями, как наральники, плужные лемехи с ножами–череслами, сошники с полицей. Наральники (рис.27–4) имеют обычно небольшие размеры: длина 10–15 см, диаметр втулки 5,5–7 см, ширина лопасти 6–7 см. Они относятся к древнейшему, а потому и простейшему типу упряжных пахотных орудий, применявшихся еще до болгарским населением Среднего Поволжья. На домонгольских поселениях болгар они еще встречаются, но уже не являются основным видом пахотных орудий.

Железные сошники (рис.27–3) от двузубых сох с перекидной полицей в археологических материалах встречаются гораздо чаще, чем наральники. По размерам они близки между собой: средняя длина в пределах 25–30 см, ширина лопасти 7–8 см, длина втулки 9–12 см, диаметр втулки 6–8 см. Соха предназначалась для работ на сравнительно легких старопашотных почвах и на землях, недавно освобожденных от леса. Общепринято мнение, что соха как особый вид пахотного орудия возникла на восточнославянской среде не раньше конца I тысячелетия н.э. и только где–то в XII в. появилась на землях волжских болгар.

Основным орудием для обработки почвы служил тяжелый однолемешный плуг – сабан с резаком и приспособлением для регулирования глубины вспашки. Железный лемех от него имеет вид массивного полотна с овальной несомкнутой втулкой–трубицей и подтреугольной симметричной или асимметричной лопастью (рис.27–6). Размеры таких лемехов варьируют в пределах: длина 25–37 см, высота втулки 5–8 см, ширина втулки 14–19 см, ширина лопасти 18–29 см. Обязательной принадлежностью болгарского плуга были резак–чересла или плужные ножи (рис.27–7), которые прикреплялись к оглобле слева перед лемехом и предназначались для резания верхнего слоя почвы – дерна. Такими сабанами, влекаемыми парой волов или лошадей, обычно поднимали целину и успешно обрабатывали тяжелые, плотнозадернованные степные и лесостепные почвы.

Время появления плуга в Волжской Булгарии специалисты определяют X–XI вв., уточняя при этом, что лемехи с правосторонней

асимметрией лопасти относятся лишь к послемонгольскому времени. Билярские находки опровергают эту точку зрения – асимметричный лемех средних размеров происходит из слоя XII– начала XIII вв.

Обильные палеоботанические находки с Билярского городища дают наглядное представление о составе сельскохозяйственных культур, выращиваемых волжскими болгарскими в X–XIII вв. В зерновых материалах выявлено около 20 видов культурных растений. Среди зерновых преобладают пшеница мягкая, просо, ячмень и полба–двузернянка. В относительно небольшом количестве обнаружены пшеница твердая, чечевица, горох, вика посевная. Преобладание посевов пшеницы, ячменя, проса и полбы подтверждается также материалами других памятников. Рожь, которая на Руси повсеместно возделывалась в период средневековья, у болгар занимала весьма скромное место. Наши предки заимствовали ее у русских, о чем говорит и этимология слова арыш ~ рожь. Овес, как считают палеоботаники, специально не высевался и являлся лишь примесью к другим культурам. Из технических культур популярностью пользовался лен; конопля встречается значительно реже.

Специалисты отмечают высокую степень засоренности болгарских полей. В зерновых материалах Биляра определено 37 видов сорных растений с преобладанием засорителей яровых посевов. Это обстоятельство свидетельствует о том, что зерновые хлеба возделывались преимущественно на старопашотных землях, так как на новых в собранном урожае почти не бывает сорняков.

Продуктивность земледелия зависит не только от состояния сельхозтехники, но и от плодородия почвы. Среди агротехнических приемов восстановления естественного плодородия почвы важное место принадлежит севооборотам, которые различаются в зависимости от чередования культур, периодов возделывания и отдыха полей. Недавно считалось, что болгары в домонгольское время применяли в основном паровую систему земледелия с трехпольным севооборотом (озимые – яровые – пар). Наличие озимых, которые составляют при трехполье почти половину посевов, археологически пока не доказано. Новые палеоботанические и археологические данные иллюстрируют господство переложной системы, при которой использованный в течение нескольких лет участок земли забрасывался и спустя несколько лет вновь вводился в севооборот. При освоении залесенных районов применялась архаичная подсечно–огневая система. В то же время полностью не исключается приме-

нение и паровой системы, на что указывает наличие среди пахотных орудий сох, которыми обрабатывались главным образом паровые поля.

Урожай зерновых убирали железными серпами, близкими по форме к современным (рис.27–2). В археологических коллекциях имеется большое количество болгарских серпов, отличающихся достаточно высокой производительностью

Обмолоченное и просушенное зерно ссыпалось в зернохранилища. Ибн Фадлан в одном месте своих “Записок” отмечал, что “у них (булгар) нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу, то, право же, они выкапывают в земле колодцы и складывают в них пищу, так что проходит лишь немного дней, как она портится”. Археологические данные не согласуются с данным утверждением. В то же время, думается, автор X в. правильно подметил некоторую примитивность ям–зернохранилищ, составляющих подавляющее большинство хозяйственных сооружений X–XI вв. Обычно они имели вид круглых или подквадратных в плане ям, стены которых обмазывались глиной и обжигались, или же обкладывались досками. Очень характерной для хранения зерна была форма ям в виде усеченного конуса с узким отверстием вверху. Деревянные постройки наземного типа – амбары и клетки, специально сооруженные для хранения зерна, появляются, по–видимому, чуть позднее. При раскопках Биляра изучено несколько десятков таких амбаров–зернохранилищ. Многие из них погибли во время пожара при взятии города монголами. В процессе их расчистки обнаруживаются лишь беспорядочно лежащие обугленные доски и огромное количество зерен пшеницы, проса, ячменя и некоторых других культур. В одном из таких сооружений было собрано более 50 кг обугленной пшеницы, хранившейся в большом деревянном ларе.

При помощи каменных жерновов диаметром до 70–90 см зерно мололи на муку или рушили в крупу. Верхний камень–бегунок, имевший вогнутую поверхность, приводился в движение лошадьми или волами. Небольшие жернова были приспособлены для работы вручную.

Важной отраслью сельского хозяйства Волжской Булгарии было скотоводство. Оно стабильно обеспечивало население страны мясо–молочными продуктами. Кроме того, лошади использовались в транспортных целях, волы – как тягловая сила на пашне. Шерсть шла на изготовление войлока и различных тканей. Кожевенное и

косторезное ремесла в значительной степени базировались на сырье, поставляемом животноводством.

Булгары разводили крупный рогатый скот, лошадь, овцу и козу. Судя по остеологическим остаткам, в стаде крупного рогатого скота выделяются две различные породные группы – древнерусской мелкой (в меньшинстве) и степной крупной среднеазиатской. Средний рост в холке крупного рогатого скота первой группы (для коров) составлял около 108 см (в Древней Руси – 95–105 см), второй группы – в пределах 109–124 см, обнаруживая при этом значительное сходство со скотом древнего Хорезма.

Примерно такую же картину фиксируют специалисты при исследовании костных остатков лошадей. Так, большая часть (63 %) лошадей Биляра была довольно однородной, с высотой в холке 132–136 см. Единичными (не более 4 %) были низкорослые лошади лесной, древнерусской, породы высотой 122–131 см, а лошади более крупные, высотой в холке 137–148 см, составляли примерно одну треть от общего их количества. По данным палеозоологов, болгарские лошади сопоставимы с лошадьми степных кочевников Южного Казахстана домонгольского времени. В то же время отмечается их близость к лошадям древнехорезмийским. Любопытно отметить достаточно аргументированное предположение специалистов о зачатках племенного дела в Волжской Булгарии. Феодалная верхушка имела возможность разведения хороших коней, используемых не только в хозяйстве, но в военном деле, а также в развлечениях.

Овцеводство занимало не менее важное место в болгарском животноводстве. Любопытно, что на некоторых крупных поселениях Самарской Луки, население которой жило в условиях степенного лесостепья, кости овец составляют более 80% от общего числа костей домашних животных. Как показывает остеологический анализ костных остатков из Биляра, основное поголовье овец представлено весьма крупными, рослыми особями, достигавшими высоты в холке 70–73 см. Для сравнения отметим, что овцы соседнего финно–угорского населения (на примере древнеудмуртского городища Иднакар) имели высоту в холке 63,5–66,5 см. Значительно мельче болгарских были овцы древнерусские. Специалисты утверждают, что болгарские овцы были близки к современным крупным породам – туркменской курдючной и казахской курдючной. В связи с этим вспомним слова Ибн Фадлана: “У них (булгар) много купцов, которые отправляются в землю тюрок и привозят овец”. Ал–Мукаддаси

называет рогатый скот и овец в ассортименте товаров, вывозимых из Булгарии “через Хорезм в другие страны”.

Следует отметить почти полное отсутствие свиней в составе болгарского стада, что связано, несомненно, с запретами ислама и древними кочевническими традициями населения.

Мы располагаем очень скудными данными о характере содержания скота. Климатические условия Среднего Поволжья требовали стойлово–пастбищного содержания животных. О стойловом содержании могут свидетельствовать частые находки кос для заготовки кормов на зиму. Скот, особенно боевые кони, требовали постоянного ухода. Предметы ухода за ними в археологических материалах представлены железными скребницами, путами, боталами, а также ножницами для стрижки овец.

Булгары разводили также кур и, возможно, уток и гусей. Кости кур зафиксированы в остеологических материалах многих поселений, а яичная скорлупа обнаружена в хозяйственных ямах Биляра, Суvara и других памятников.

Источники не свидетельствуют о существенной роли охоты в хозяйственной жизни болгар. Число особей охотничье–промысловых животных с поселений домонгольской Булгарии не превышает одного процента. В Биляре на долю диких животных приходится всего 0,08 % костных остатков. В отличие от болгар, в жизни древнерусского и финно–угорского населения охота занимала несравнимо более важное место. В этом отношении показательны данные по вышеупомянутому древнеудмуртскому городу Иднакар, где кости охотничье–промысловых видов составляют 53 % общего числа остатков животных. Ибн Русте отмечал, что главное богатство болгар составлял куний мех. Ценные меха пушных зверей арабские писатели считали важнейшим товаром болгарского экспорта. Думается, что эти меха поступали не только в качестве дани из подчиненных болгарам северных земель. Часть пушнины покупалась. Среди болгар были и охотники, особенно в районах, богатых лесами. В этих лесах, как отмечали Ибн Русте и Гардизи, водились “ценные звери, как–то: белки, соболь и другие”. При раскопках болгарских поселений нередко встречаются костяные наконечники стрел с тупыми концами, специально предназначенные для охоты на мелкого пушного зверя, а также кости таких диких животных, как заяц, лиса, бобр, медведь, кабан, косуля, лось и др.

Рыболовство и бортничество в хозяйстве болгар отходили на второй план. В то же время нет никаких оснований отрицать весьма существенную роль рыболовства в жизни населения прибрежных районов Волги и Камы. Многочисленные находки чешуи и костей рыб (осетра, стерляди, сома, сазана и др.), железных рыболовных крючков, блесен, гарпунов, а также каменных и глиняных грузил для сетей – обычное явление при раскопках прибрежных поселений.

Бортничество – сбор меда диких пчел, как важный промысел болгар, зафиксировано Ибн Фадланом: “В их лесах много меда в жилищах пчел, которые они знают и отправляются к ним для сбора этого (меда)”. Он же упоминал такие любимые напитки болгар, изготавливаемые из меда, как набиз и суджув. В числе экспортируемых товаров ал–Балхи и Мукаддаси называли мед и воск. Ал–Гарнати писал, что “жители Булгара – выносливейшие из людей в отношении мороза, потому что пища их и питье по большей части из меда, мед же у них дешевый”. Железные древолазные шипы из культурных слоев поселений также свидетельствуют о бортничестве.

В экономике Волжской Булгарии X– начала XIII вв. исключительно важную роль играло городское ремесло, выделившееся в самостоятельную отрасль производства. Продукция болгарских ремесленников была рассчитана не только на удовлетворение внутренних потребностей страны, но и на экспорт.

Письменные источники мало содержат прямых сведений о болгарском ремесле. О нем мы можем судить на основе археологических материалов. Открытые при раскопках городов остатки производственных объектов (металлургические и гончарные горны, кузнечные мастерские и пр.), многочисленный ремесленный инструментарий, отходы производства (железный, медный и стеклянный шлак), полуфабрикаты и, наконец, разные категории ремесленных изделий, исчисляемых многими сотнями и тысячами образцов, дают возможность представить в общих чертах уровень развития основных отраслей ремесла. Применение при изучении некоторых ремесел современных естественно–научных методов (например, металлографии и спектрального анализа стекла) намного расширяет наши первоначальные представления о технологии производства болгарских ремесленников.

На всех болгарских поселениях, особенно в крупных городах, исследованных археологически, выявлены следы металлургического

(железоплавильного), кузнечного, гончарного, ювелирного, косторезного, деревообрабатывающего и других ремесел.

Ведущими отраслями ремесла в Волжской Булгарии были черная металлургия и металлообработка, определявшие основу экономики этого государства.

Остатки сыродутных горнов для выплавки железа в наиболее выразительном виде сохранились на Булгарском, Хулашском и Билярском городищах. Металлургический район Биляра, расположенный во внутреннем городе, занимал площадь более 1 га. Он функционировал в течение X–начала XIII вв. Культурный слой этого района городища, обильно насыщенный кусками железного шлака и криц, достигал местами двухметровой толщины. Выявлены и остатки сыродутных горнов. Известные нам горны для выплавки железа представляли собой печи усеченно–конической формы (рис.28). Они сооружались из глины или сырцовых кирпичей. Высота таких горнов, частично заглубленных в землю, была в пределах 50–100 см, а диаметр основания – 80–150 см. Встречаются горны ямного типа, стенки которых обмазывались толстым слоем глины. К рассматриваемым сооружениям подводилось воздуходувное устройство, состоящее из специального меха и огнеупорной трубки – сопла для направления струи воздуха во внутрь. В горн загружалась мелко измельченная железная руда, перемешанная с древесным углем.

Основным сырьем черной металлургии был бурый железняк, главным образом, болотные руды, отличающиеся легкоплавкостью и значительным содержанием в них железа (до 40 %). Территория Волжской Булгарии входила в зону распространения болотных руд. Обогащение руды, т.е. предварительное удаление пустых пород, производилось путем промывки, просушивания и обжига в специальных печах–жаровнях. Остатки последних обнаружены на “Муромском городке” в Самарской губернии.

Готовое железо и сталь отправляли в кузнечные мастерские. Булгарский кузнец – высокопрофессиональный мастер, владевший всеми тонкостями технологии, доступными в то время, имел богатый набор инструментов. Среди них тяжелые молоты кувалды, молотки–ручники, наковаленки различных форм и размеров, зубила, пробойники, напильники, клещи большие и малые, обнаруженные во время раскопок и известные по музейным коллекциям (рис.29).

В кузнечном деле существовала определенная специализация. Например, в одних мастерских готовили сельскохозяйственные ору-

дия – плужные лемехи, сошники, косы, серпы, топоры (рис.30) и т.д.; в других трудились мастера по изготовлению ножей и ножниц, гвоздей, скоб, пробоев, кресал, замков и ключей к ним и т.д. Археологически хорошо представлена продукция оружейников: сабли, наконечники стрел и копий, боевые топоры, кистени и булавы. В некоторых случаях можно говорить и о более узкой специализации. В этой связи весьма показательна исследованная во внутреннем городе Биляра усадьба замочников, где было обнаружено большое количество полуфабрикатов и бракованных изделий. Разнообразие и сложность технико–технологических приемов обработки черного металла – обработка его в горячем состоянии путемковки и штамповки, сварка, цементация и пайка железа и стали, инкрустация их цветными металлами, а также резание, кручение, пробивка и т.д. – являются показателем высокого развития кузнечного дела у булгар.

В Волжской Булгарии успешно развивалась и цветная металлургия. Остатки медеплавильных печей археологами открыты на Булгарском, Болгарском городищах и в “Муромском городке”. По устройству они принципиально не отличались от сыродутных горнов. В районах их расположения часто встречаются глиняные сопла для нагнетания воздуха, кусочки измельченной медной руды, а также глиняные тигли – небольшие подцилиндрические сосудики с округлым дном для плавки металла и льячки (миниатюрные ковшечки) для заливки металла в литейные формы. Булгарские бронзолитейщики и медники готовили разнообразную посуду (кувшины, чаши, блюда, тазы, подносы, светильники, кумганы), а также чаши весов, гири–разновесы и т.д. В Биляре работали специалисты по изготовлению бронзовых замков в виде фигурок рогатых барсов.

Ювелирное ремесло волжских булгар достигло высокого совершенства. Об этом свидетельствует богатый археологический материал в виде инструментария ювелиров (рис.31) и великолепных образцов готовой продукции. При раскопках городских центров часто встречаются каменные литейные формы разнообразных конструкций для серийной отливки женских украшений и деталей поясной гарнитуры; металлические матрицы–штамповки и матрицы–наковальни, которые использовались при таких операциях как тиснение, штамповка, чеканка; молотки для чеканки, бронзовые пинцеты для держания мелких деталей и прочие находки.

Ювелирные изделия болгарских мастеров очень разнообразны. Излюбленными украшениями женщин были витые и пластинчатые браслеты, серьги в виде лунниц, перстни и височные подвески, изготовленные главным образом из серебра, реже – из золота.

Болгарские мастера знали сложнейшие приемы обработки драгоценных металлов. Они владели, например, техникой скани (филиграни) и зерни. Сканные украшения делались из золота и серебра. Из одного грамма золота вручную щипцами через отверстия в волочильной доске вытягивали тончайшую нить длиной до 2000 м. Такая волочильная доска – стальная пластина с рядами мелких круглых отверстий была найдена при раскопках Булгарского городища. Сканные изделия часто дополнялись зернью – мелкими гладкими шариками, напаянными на узоры. Техника изготовления и закрепления зерни требовали от мастера точности исполнения всех операций и, конечно же, терпения. Образцом совершенства ювелирного ремесла по праву считаются болгарские изделия XI–XII вв. – золотые височные подвески в виде кольца с тремя желудеобразными бусинами–пронизками, ажурной фигуркой уточки в центре и тремя привесками–бусами на тонких цепочках, свисающих пучком от средней бусины кольца. Бусины–пронизки и бусины–привески украшены орнаментом из треугольников мельчайшей зерни, в то время как крылья, грудь и шея птицы сплошь покрыты тонкой сканой веревочкой – филигранью.

Такие украшения выполнялись по специальным заказам и были рассчитаны главным образом на удовлетворение потребностей высшей феодальной знати и ее окружения.

Гончарное ремесло относится к числу основных производств Волжской Булгарии домонгольского периода. Успехи болгарского гончарства наглядно демонстрируют не только десятки горнов для обжига посуды, но и многочисленные сосуды и их обломки – самый массовый вид археологических находок. Никто уже не сомневается в том, что в ремесленном гончарном производстве болгарские мастера стояли несравнимо выше своих соседей. Разнообразие, практическая целесообразность форм, изящество орнамента, хороший обжиг, приятный глазу внешний вид высоко характеризуют их продукцию. Неудивительно поэтому ее широкое распространение за пределами страны и влияние на гончарное дело поволжских финнов и славян Северо–Восточной Руси. Типично болгарские двухъярусные горны с нижней топочной и верхней обжигательной каме-

рами, отделенными горизонтальной перегородкой с продухами – отверстиями для движения горячего воздуха, открыты на Владимиро–Суздальской земле и Верхнем Прикамье у предков коми–пермяков. Поражает широкий ассортимент продукции гончаров, сочетающийся со стандартизованностью форм, что свидетельствует о работе мастеров не только на заказ, но и для продажи на рынке. Кувшины, кринки, кружки, горшки, корчаги, хумы, чаши, плошки, миски, котлы, сковородки, светильники, “детские горшки” (стаканообразные сосуды), игрушки (птички–свистульки, фигурки животных и птиц, шарики, кубики и т.д.) – далеко не полный перечень их товаров.

Традиционная посуда домашнего производства – лепная керамика – практически выходит из употребления к середине XI в. Но примерно в это же время появляется поливная посуда, поверхность которой покрывалась специальным составом из жидкого стекла зеленого и коричневого цвета. В Биляре обнаружены горны для обжига такой посуды.

На базе гончарного дела или под его влиянием зародились две совершенно новые отрасли ремесла – производство строительного кирпича и стеклоделие. Производство кирпича появилось в условиях широко развернувшейся градостроительной деятельности первых болгарских правителей, когда требовалось громадное количество материала для возведения жилых домов богатых горожан, общественных бань и других зданий, число которых только в Биляре составляло около пятидесяти. Горны для обжига кирпича в последние годы открыты в Биляре и “Муромском городке”. Несомненно, они были в каждом городе, где строились кирпичные сооружения.

О существовании болгарского стеклоделия как самостоятельной отрасли ремесла еще совсем недавно говорили в предположительном плане. На эту мысль наводили многочисленные находки обломков посудного и оконного стекла, а также стеклянных бус и других украшений из раскопок Биляра и некоторых поселений низовий Камы. Теперь достоверно установлено их местное производство. Такое заключение сделано на основании спектрографических анализов билярского стекла XII–начала XIII вв., произведенных в лаборатории Казанского университета. Следы стекольного производства (шлаки, огнеупоры, полуфабрикаты, бракованные изделия) открыты пока только на Билярском и Суварском городищах. Произ-

водственный комплекс стеклоделов Биляра располагался почти в центре внутреннего города. Здесь готовили не только посуду (банки, кубки, рюмки, флакончики), но и оконное стекло – круглые диски диаметром около 20–30 см, предназначенные для домов богатых горожан и общественных зданий. Среди находок имеется даже химическая посуда (алимбики).

Косторезное ремесло считается одной из традиционных отраслей хозяйства, уходящей своими корнями в глубокую древность. Следы этого производства выявлены практически на всех поселениях в виде полуфабрикатов или готовых изделий, однако пока нигде не найдено специальных мастерских ремесленников. Набор инструментов косторезов включал в себя ножи, сверла, пилки, напильники, резцы–двузубцы для нанесения циркульного (кружкового) орнамента, а также простой токарный станок, характерные следы которого прослежены на многих предметах. Номенклатура костяных изделий весьма обширна: предметы домашнего обихода (рукоятки ножей, ложки, проколки, игольники и пр.), боевого и охотничьего снаряжения (наконечники стрел, налучные накладки, колчаные петли, рукоятки нагаек), конской упряжи (пряжки, накладки и пр.), туалета и украшения (гребни, копоушки–уховертки, пуговицы, застежки, бусы и пр.), игральные кости (шахматные фигурки, кубики с “очками”, альчики для игры в бабки и пр.), культовые поделки (амулеты различных форм и назначений) и др. Они изготовлены в основном из костей крупных домашних животных, а также из лосиных и оленьих рогов.

Кожевенное дело – обработка шкур животных и изготовление из них различных изделий – относится к традиционной области хозяйства болгар. Во многих странах Востока и Запада очень высоко ценился особый сорт тонко обработанной кожи (юфть), называемый “булгари”. Под 985 годом “Повесть временных лет” сообщает о болгарских воинах, которые “суть вси в (кожаных) сапозех”.

Кожевенная продукция болгарских мастеров имела богатый ассортимент: детская и взрослая обувь самых различных форм и размеров, головные уборы, куртки, ремни, бурдюки, кошельки, сумки, предметы конского снаряжения и пр. К сожалению, кожа плохо сохраняется в культурном слое, поэтому во время раскопок археологи находят лишь отдельные детали вышеперечисленных изделий, главным образом, это подошвы, каблуки и обрывки голенищ обуви. Зато к частым находкам археологов относятся инструменты кожевников:

сапожные ножи, сходные с обычными кухонными, но более короткие, с широким и кривым лезвием, шилья, проколки и иглы.

Имеющиеся источники позволяют говорить и о других видах хозяйственной деятельности болгар – прядении и ткачестве, обработке дерева и камня и пр. Однако у нас нет достаточных оснований говорить о выделении их в самостоятельные отрасли ремесла. Как и в более поздние времена, пряли и ткали почти в каждом доме, о чем свидетельствуют глиняные и шиферные пряслица от веретен, обнаруживаемые повсеместно при раскопках городских и сельских поселений.

Сохранившиеся остатки кирпичных и каменных зданий, хозяйственных построек и крепостных сооружений документируют высокий уровень строительного дела. Об этом же свидетельствуют разнообразный инструментарий строителей: топоры (рис.30), тесла, пилы, долота, сверла, скобели, стамески, ложки и т.д. О существовании каких–либо строительных объединений типа артелей сведений пока нет.

Торговля играла огромную роль в хозяйственной жизни наших предков. Ее роль в экономике государства была настолько значимой, что в прошлом Волжскую Булгарию всерьез рассматривали как страну, сплошь населенную купцами и торговцами. Активность внутренней торговли обуславливалась развитием ремесла и отделением его от сельского хозяйства. В результате общественного разделения труда между городом и селом производимые продукты стали товаром, реализация которого осуществлялась специальными посредниками – профессиональными торговцами (рис.33).

Чрезвычайно выгодное географическое расположение Булгарии на Волжском и Камском торговых путях, имеющих ключевое значение для экономики средневекового населения Восточной Европы, стимулировало внешнюю торговлю. Исследователи единодушно признают, что Булгар на Волге еще в X в., если не раньше, превратился в крупнейший центр транзитной торговли, который контролировал и регулировал торговые связи Древней Руси, Прибалтики и Скандинавии со странами Средней Азии, Арабского Востока, а также с Ираном, Индией и Китаем. На Каме, у села Измери Алексеевского района Республики Татарстан, изучено огромное по территории (более 60 га) торгово–ремесленное поселение X–XI вв., в культурном слое которого обнаружены сотни монет, в том числе денарии из стран Западной Европы, торговый инструментарий: весы для

мелких взвешиваний, железные и бронзовые гирьки, свинцовые грузики и пр.

Булгарские правители проводили политику активного благоприятствования внешней торговле, поскольку она приносила огромные доходы государственной казне: взималась десятая часть стоимости привозимых товаров. Ибн Фадлан об этом сообщал так.: “Если прибудет корабль из страны хазар в страну булгар, то царь выедет верхом и пересчитает то, что в нем имеется, и возьмет из всего этого десятую часть. А если прибудут русы или какие–нибудь другие люди из прочих племен с рабами, то царь, право же, выбирает для себя из каждого десятка голов одну голову”. Аналогичные сведения имеются у Ибн Русте: “Если приходят к ним мусульманские суда для торговли, то с них берут десятину”.

Мы пока плохо представляем себе формы организации внутренней и внешней торговли. Очевидно, важную роль в торговле играли постоянно действующие городские рынки – базары, расположенные, как правило, на центральных площадях крупных городов, и международные ярмарки, проводимые один–два раза в течение года. Ал–Мукаддаси, описывая столицу булгар X в., указывал, что “главная мечеть стоит на рынке”. Как известно, соседство базаров и мечетей или торгов и христианских храмов было явлением весьма характерным для восточных, древнерусских и западноевропейских средневековых городов.

У Ибн Фадлана имеется сообщение о проживании русов в больших деревянных домах на берегу Итиля недалеко от места проведения летней ярмарки. В крупных городах функционировали караван–сарай для приезжих купцов. Комплекс караван–сараев включал жилые дома, складские помещения, постройки для содержания лошадей и верблюдов. В одном из районов Биляра, где предполагается место расположения караван–сарая, исследованы остатки кирпичного здания бани.

По своему характеру, направлениям и ассортименту товаров можно выделить несколько форм торговли: внутригосударственную или внутреннюю (между городом и близлежащей сельской округой; между булгарскими городами и их округой в пределах страны); региональную (торговля булгар с поволжско–приуральскими, преимущественно с финно–угорскими народами); внешнюю или международную (торговля с далекими странами Востока и Запада). Первая из них имела преимущественно бытовое, повседневное значение и

осуществлялась между горожанами различных ремесленных профессий или же горожанами и сельским населением близлежащих деревень обычно в меновой форме. Продавались ремесленные изделия : гончарная посуда, ювелирные украшения, бытовые предметы, часто сельскохозяйственные орудия в обмен на зерно и продукты скотоводства. Во внутригосударственной торговле главенствующая роль принадлежала торговцам Биляра в силу большого значения этого города как крупнейшего ремесленного центра, продукция которого предназначалась не столько на внешний, сколько на внутренний рынок. Из города вывозили богатый ассортимент ремесленных изделий: парадную посуду, в том числе и стеклянную, украшения, бронзовые замки в виде животных, продукцию косторезов и кожевников, которые находили широкий сбыт во многих регионах страны.

Волжская Булгария занимала особое положение в межрегиональной торговле. Она держала в своих руках всю торговлю с народами Поволжья, Прикамья и далекого Севера, откуда поставлялась главным образом драгоценная пушнина, пользующаяся огромным спросом на мировом рынке. Самое первое сообщение о торговле булгар с народами Севера находим у Ибн Фадлана, который писал, что булгарские купцы ездят “в страну, называемую Вису, и привозят соболей и черных лисиц”. В стране Ару (предков современных удмуртов) “охотятся на бобров, горностаев и превосходных белок. И идут от них (в Булгарию) чрезвычайно хорошие шкурки бобров”, – сообщает ал–Гарнати. У жителей Йуры (предки современных хантов и манси) булгарские купцы “берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль”. По сообщению ал–Марвази, “они (йура) – народ дикий, обитают в чащах, не имеют сношений с людьми, боятся зла от них... Булгары ездят к ним, возят товары, как–то: одежды, соль и другие вещи... Торгует народ йура при посредстве знаков и тайно из–за дикости их и страха перед людьми; вывозят от них превосходных соболей и другие прекрасные меха”. Ал–Гарнати более подробно описывает меновую, так называемую “немую” торговлю булгар с народом йура: “ И приносят свои товары, и кладет (каждый) купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что–нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не

знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары”. Нет никакого сомнения в том, что эта торговля, далеко не равноправная и не без обмана, вопреки утверждениям ал–Гарнати, приносила болгарам баснословные выгоды. Вот почему болгарские купцы не желали подпускать к северным народам своих конкурентов – чужеземных купцов и запрещали своим партнерам по “немой” торговле показываться в Булгаре. “Жителям Вису и Йура запрещено летом вступать в страну болгар, – продолжает ал–Гарнати, – потому что, когда в эти области вступает кто–нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодеют, как зимой, и у людей гибнут посевы”.

Более тесными и разнообразными были торговые контакты с предками современных марийцев, чувашей, мордвы, удмуртов и коми–пермяков. На их землях еще в X–XI вв. возникли торговые фактории. Болгары возили им на продажу, или, скорее всего, в обмен на дорогие меха ремесленные изделия, в том числе украшения, изготовленные в болгарских мастерских, учитывая вкусы местного финского населения.

Волжская Булгария играла исключительно важную роль в международной торговле X– начала XIII вв. По Волге, Каме и их крупным притокам плыли торговые суда, направляющиеся в Северо–Восточную Русь, в Хазарию (Итиль), Саксин, Крым и Кавказ. Торговые караваны двигались по хорошо известным сухопутным магистралям, находящимся под контролем и охраной государства, по чьей территории они проходили. Восточные географы сохранили драгоценные свидетельства о прямом пути из Булгара в Киев. “От Булгара до границы Руси – 10 остановок, от Булгара до Куябе – 20 остановок” – так описывают Джайхани и Идриси этот сухопутный маршрут, протянувшийся по слабо залесенным и мало населенным водоразделам Волги и Суры, Оки и Дона, Десны и Днепра на расстояние около 1500–1600 км. Этот путь торговые караваны проходили за 60 дней, делая через каждые два дня – около 70–80 км пройденного расстояния – периодические остановки в специальных пунктах, называвшихся по–арабски манзиями.

Хорошо налаженные и строго регламентированные торговые связи Волжской Булгарии с Киевской Русью и русскими княжествами нашли отражение в специальных договорах, заключенных между ними в 985, 1006 и 1229 годах. Так, в 1006 году, по сообщению В.Н.Татищева, “прислали болгары послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опа-

сения, на что Владимир охотно соизволил. И дал им во все грады печати. Дабы они везде и всем вольно торговали, и русские купцы с печатями от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения; а болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить, что потребно; а по селам не ездить тиунам, верникам, огневщине и смердине, не продавать и от них не купить”. Может быть, один из таких договоров был скреплен свинцовой вислой печатью Всеволода Большое Гнездо или его сына Юрия, найденной в усадьбе богатого русского ремесленника–ювелира в центре Биляра.

Какие товары являлись предметами болгарского экспорта и импорта? Довольно подробный ответ на этот вопрос находим в письменных источниках. Ибн Русте в начале X в. писал: “Хазары ведут торг с болгарам; равным образом и Русь привозит к ним свои товары. Все из них (т.е. русов), которые живут по обоим берегам помянутой реки (Волги) везут к ним (т.е. болгарам) товары свои, как–то: меха собольи, горностаевы, беличьи и другие”. Ал–Балхи сообщал: “То, что вывозят из Хазарии, как–то: мед и воск, привозится к ним из земли руссов и болгар. Таким же образом меха бобровые, вывозимые (из Хазарии) в различные страны, находят только в тех реках, которые текут в странах Болгара, Руси и Куяба, и кроме того их нигде не найдешь, сколько мне известно”.

Ал–Масуди, автор первой половины X в., упоминает о хазарских и болгарских судах, плавающих по Волге выше устья Камы с торговой целью. Из земли буртасов, продолжает он, “вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртасскими. Эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динаров за штуку, красные дешевле. Арабские и персидские цари считают эти черные меха выше куньего, собольего и другого меха и делают из них шапки, кафтаны и шубы, так что почти нет царя, не имеющего шубы или кафтана с подкладкой из мехов черных лисиц”.

Посредническую роль болгар в торговле мехами отмечает Ибн Хаукал: “Лучшие бобровые меха находятся в земле руссов, и они продавали их в Болгаре... Часть этих бобровых мехов вывозилась в Хорезм”.

Широкий ассортимент товаров, вывозимых из Булгарии в Хорезм и другие страны, перечисляет арабский географ второй половины X в. ал–Мукаддаси: “Меха собольи, беличьи, горностаевы, куньи и лесных куниц, лисьи, бобровые; зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы зубы, бобровая струя,

янтарь, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот”.

Перечень импортируемых товаров, приведенный в письменных источниках, небольшой, но он дополняется археологическими данными. Ибн Фадлан говорит о царской юрте, устланной армянскими коврами, и троне, покрытом византийской парчой. О поступлении в Булгарию дорогих тканей и ковров из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византии сообщают и некоторые другие средневековые писатели. Из Самарканда к булгарам шла писчая бумага. Широким спросом во все времена пользовались предметы вооружения. Ибн Фадлан пишет, что болгарские мечи “суть широкие клинки франкской работы”. По словам ал-Гарнати, купцы привозят высококачественные мечи из стран ислама, где их “делают в Зенджане, и в Абхаре, и Тебризе, и Исфахане в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И закаляют эти мечи крепкой закалкой, так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем или чем-нибудь железным или деревянным, то будет долго слышен звон”.

Археологические источники уточняют и во многом расширяют наши знания о внешнеторговых контактах домонгольских булгар. Предметы болгарского экспорта или же следы пребывания болгарских купцов обнаружены в древнерусских городах Киеве, Чернигове, Рязани, Муроме, Городце, Москве, Звенигороде, Суздале, Владимире, Галиче, Ярославле, Ярополче Залесском, Белоозере, Новгороде, а также в областях Прибалтики и Скандинавии. В археологических материалах болгарских памятников выделяются предметы восточного, древнерусского и западноевропейского импорта. Так, среди музейных коллекций известны западноевропейские (“франкские”, по Ибн Фадлану) мечи с пышно орнаментированными рукоятями и с клеймом ULFBERHT на клинке, изготовленные в ремесленных мастерских Среднего Рейна и области Мааса, примерно между Майнцем и Бонном. Прибалтийский янтарь в большом количестве (более 6 кг только в одной постройке!) обнаружен в Биляре. Он использовался для изготовления бус, подвесок и перстней. Особенно многочисленны в болгарских поселениях древнерусские вещи: шиферные пряслица, стеклянные бусы и браслеты, а также посуда, замки и ключи, различные костяные и глиняные поделки. Восточные товары представлены в первую очередь дорогостоящей керамической посудой из городов Ирана (Кашан, Рей) и Сред-

ней Азии (Мерв, Самарканд, Ургенч). Из различных областей Средней Азии привозили также драгоценные и полудрагоценные камни (сердолик, лазурит, горный хрусталь и др.), необходимые в ювелирном производстве. При раскопках городов нередко встречаются закавказское (Грузия, Армения) и византийское стекло.

О характере торговли и уровне развития товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии домонгольского периода некоторое представление дают письменные и нумизматические источники. Как уже было отмечено выше, с соседними финно-угорскими народами болгарские купцы вели в основном меновую торговлю. В ранне-болгарское время и даже значительно позднее в роли средства обращения (денег) выступали различные предметы, прежде всего меха пушных зверей. В начале X в. Ибн Русте прямо писал об этом: “Основное имущество у булгар – меха куницы, у них нет золотой или серебряной монеты, расплачиваются они куньим мехом; один мех равен двум с половиной дирхемам”.

С развитием внутренней и особенно внешней торговли роль всеобщего эквивалента перешла к благородным металлам – деньгам. Чеканку собственных серебряных монет – дирхемов булгары освоили еще в начале X столетия. Самая ранняя монета известна пока в единственном экземпляре в составе Неревского клада, найденного в 1956 году при раскопках древнего Новгорода. На этом обломке дирхема с именем Джафара ибн Абдаллаха – мусульманским именем болгарского правителя Алмуша сына Шилки – дата и место чеканки отсутствуют, но нумизматы убедительно относят его к 289–295 гг. х./902–908 гг. Монетное дело в начале X в. только зарождалось. Первые собственные монеты булгар, по мнению ученых, играли не экономическую, а политическую роль; ни дата, ни место чеканки не воспринимались еще как реальности. Обозначение места чеканки на этих и более поздних монетах X в. попросту копирует саманидские оригиналы: Самарканд, аш-Шаш, Балх, Нисабур (Нишапур). В обращении были в основном куфические (саманидские) монеты. На это прямо указывает Ибн Русте: “И право же, белые круглые дирхемы привозятся из областей ислама и они (булгары) их покупают”.

Булгарские монеты известны к настоящему времени в количестве более 600 экземпляров. Любопытно, что на территории самой Волжской Булгарии обнаружено всего лишь четыре монеты (в округе Биляра), остальные происходят из областей Северо-Восточной

Руси, Прибалтики и Скандинавии. Единичные монеты имеются в раннесредневековых памятниках Венгрии.

Развитие товарного производства в XI–XII вв. в условиях всеобщего серебряного кризиса и полного прекращения в связи с этим поступления куфического дирхема и чеканки болгарских монет приводит к тому, что в качестве заменителя денег начинают выступать так называемые “саумы” или “сомы” – серебряные слитки весом около 205 граммов (1/2 иракского ратля в 409,512 гр.). Однако такие слитки использовались в основном для крупных платежей и были неудобны при розничной торговле. Поэтому в этот “безмонетный” период роль более мелких денежных единиц выполняли различные предметы: свинцовые “грузики–пломбы”, шиферные пряслица, хрустальные бусы, раковины “каури” и др.

Монетное дело Болгарии, по мнению некоторых нумизматов, возобновляется в конце XII столетия, когда появляются медные монеты, чеканенные от имени халифа Насир лид Дина, правившего в Багдаде в 1180–1225 годах. Оно было прервано в результате монгольского нашествия 1236 года.

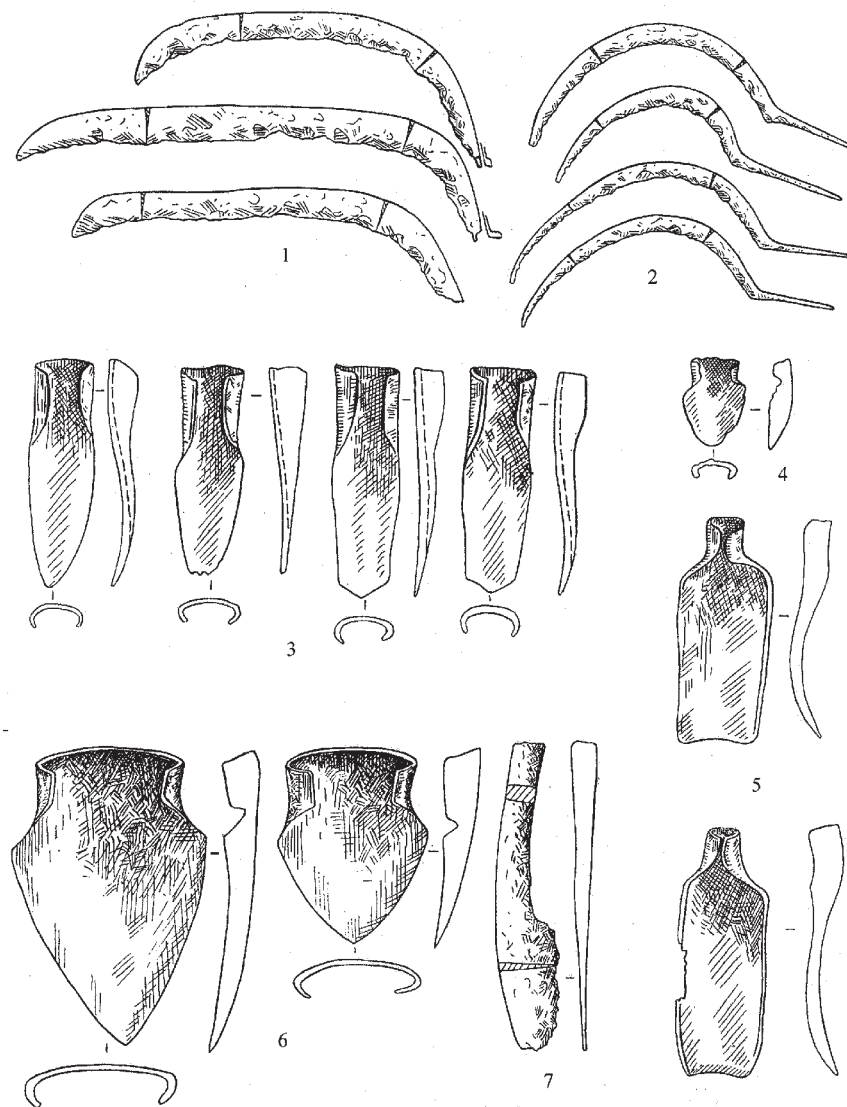

Рис.27. Сельскохозяйственные орудия труда волжских болгар
1 – косы, 2 – серпы, 3 – сошники, 4 – наральник, 5 – полицы, 6 – леме-
ха, 7 – чересло.

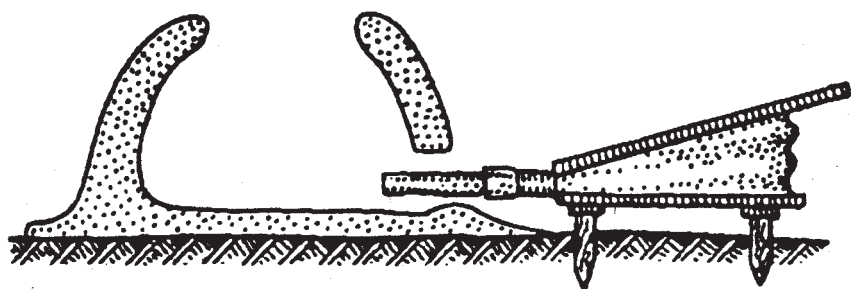

Рис.28. Metallургический горн XII– начала XIII вв. из раскопок Болгарского городища. Реконструкция Ю.А.Семыкина.

Рис.29. Инструментарий ремесленников: пробойник, пинцет, зубила, молотки и кузнечные клещи (Билярское городище).

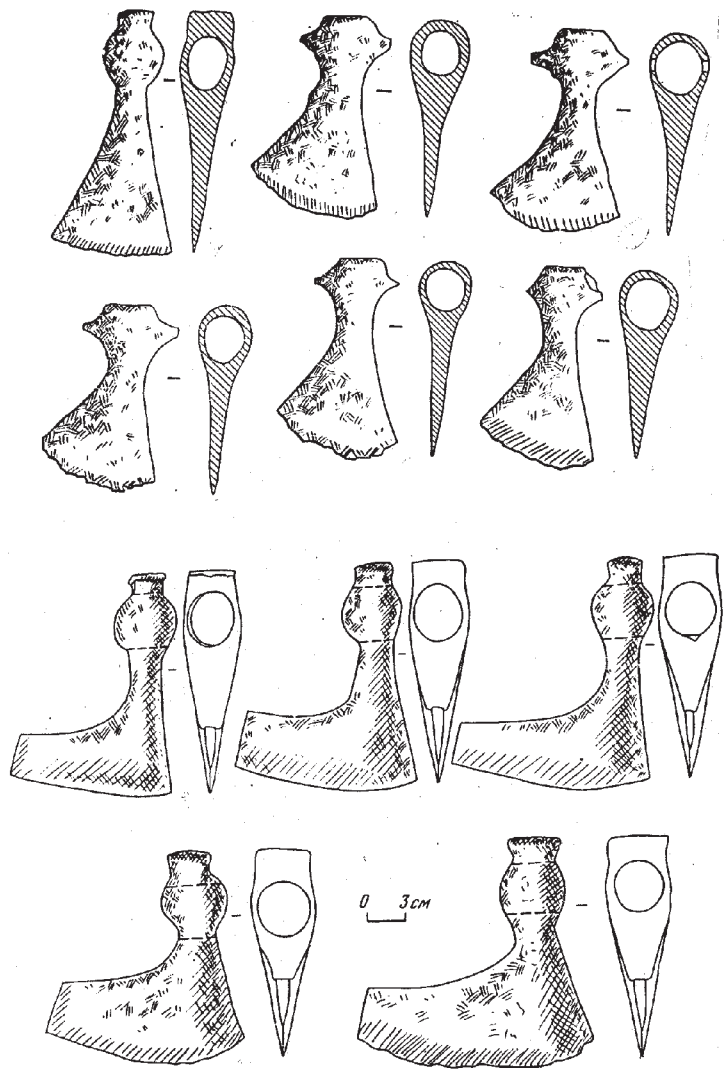

Рис.30. Железные топоры из раскопок Биляра.

Рис.31. Инструментарий ювелиров: металлические матрицы, глиняный тигель и каменные литейные формы (Биярское городище).

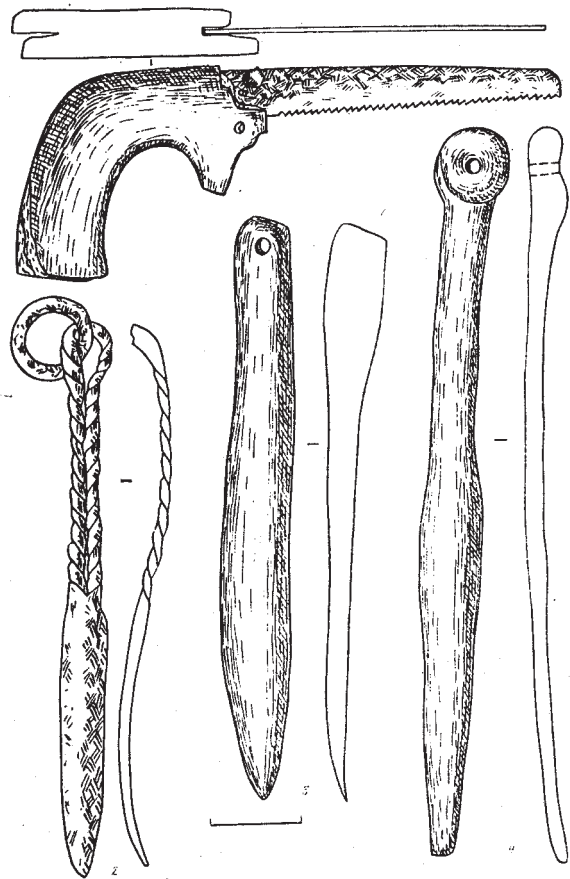

Рис.32. Железная ножовка с костяной ручкой, железный и костяные кочедыки (Биярское городище).

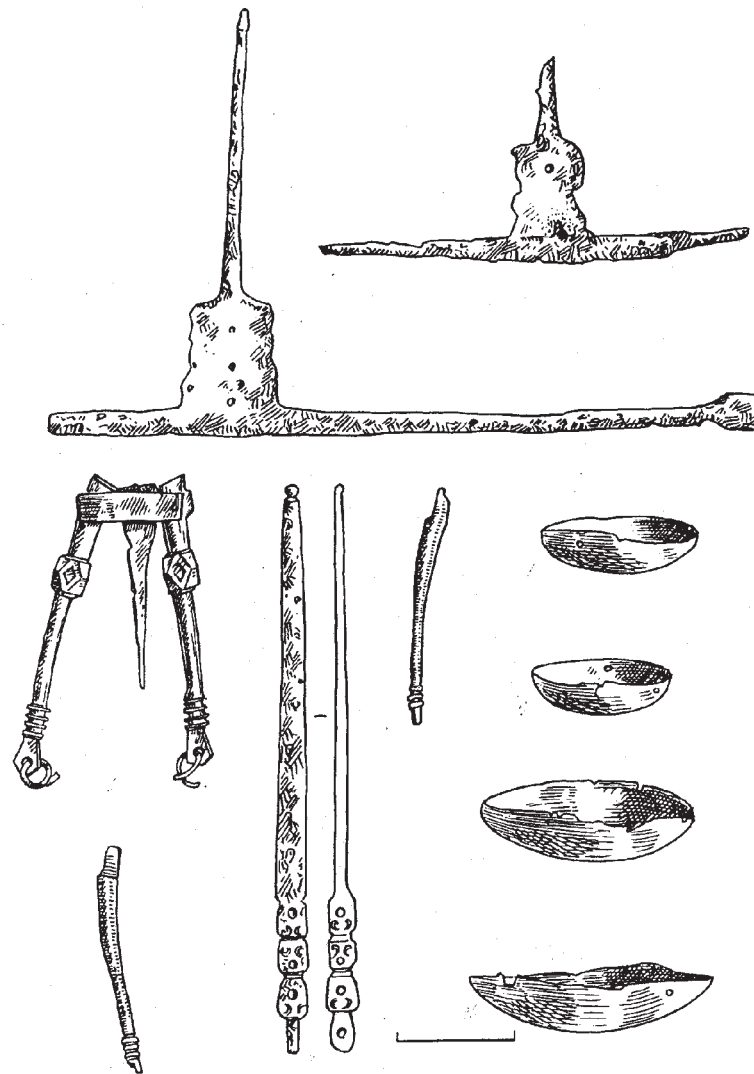

Рис.33. Торговый инструментарий – детали весов из раскопок Биярского городища.

Ф.Ш.Хузин**БУЛГАРСКИЕ ГОРОДА В X – НАЧАЛЕ XIII ВЕКАХ**

На территории Волжской Булгарии археологам известно около 190 городищ. Подавляющее их большинство, не менее 160, относится к домонгольскому времени (некоторые из них продолжали существовать и в золотоордынский период). Такие крупнейшие городские центры страны как Биляр (Великий город), Сувар, Ошель, а также Булгар (Бряхимов), Джукетау, Кашан и некоторые другие были хорошо известны далеко за пределами государства. Булгарские города были более крупными по сравнению с древнерусскими и западноевропейскими. Однако следует иметь в виду, что не все булгарские городища можно считать остатками настоящих городов. Среди них были и феодальные замки, и военные крепости. Средневековый город – это укрепленное поселение с административно-политической, торгово-ремесленной, культовой и военной функциями. Обычно он являлся центром определенной, иногда довольно обширной, сельскохозяйственной округи.

На первый взгляд кажется, что чем крупнее размеры городищ, тем больше оснований считать их остатками настоящих городов. Однако это не всегда так. Например, Батынгузское городище – второй по величине памятник волжских булгар (его площадь около 400 га), расположенный всего в трех километрах от Биляра, – некоторые археологи включали в число домонгольских городов. Оказалось, что это ошибочно, ибо на городище не было обнаружено культурного слоя, т.е. следов жизнедеятельности на его территории. Николаев-Баранское I городище (площадь 63 га) также не имеет культурного слоя. Оба памятника, представляют собой остатки обширных укрепленных поселений, строительство которых было начато, по всей вероятности, после монгольского нашествия 1236 года, но не было завершено вследствие вторичного покорения булгар войсками Субедей-бахадур в 1240 году. В то же время остатками крупных городов могут оказаться небольшие по размеру городища по

признаку наличия вокруг них обширных посадов – пригородов, иногда с явными следами ремесленной деятельности. Так, Ромаданское I городище с укрепленной территорией всего 2,8 га имеет прилегающий к нему с юга огромный посад – пригород площадью почти 100 га. Екатеринино-Слободинское II городище (1,56 га) окружено посадом – пригородом общей площадью около 180 га. Как видим, размеры городищ не всегда являются надежным признаком их социального статуса. Археологические исследования показывают, что города представляют собой сложный поселенческий комплекс, обязательным элементом которого был торгово-ремесленный посад, совершенно не характерный ни для феодальных замков, ни для военных крепостей.

Если все это учесть, то из 160–170 учтенных археологами домонгольских городищ лишь 30–35 памятников с уверенностью можно относить к числу настоящих городов.

Домонгольские булгарские города довольно заметно отличались от известных городищ поволжско-финского, предшествующего именьковского и более западного славяно-русского населения по особенностям расположения на местности и топографической структуре. Если последние располагались обычно на мысах крутых берегов рек, между двумя оврагами и обносились земляными валами с напольной стороны, то булгарские города, особенно крупные, строились как правило, на равнинных местах и укреплялись кольцевой обороной, характерной для древних кочевнических традиций.

Булгарские города обнаруживают непростую социально-топографическую структуру. Сложной планировкой отличается Билярское городище, состоящее из трех или даже четырех топографических частей – административного центра, огороженного легкой деревянной стеной, внутреннего и внешнего города, неукрепленных пригородных поселков. Выделяются также города с двумя укрепленными частями и ярко выраженными следами прилегающих к их валам пригородных селищ (Сундюковское I, Екатеринино-Слободинское I и др. городища); с двумя укрепленными частями и без признаков пригородных селищ (Богдашкинское, Староалейкинское, Городищенское, Юловское и др. городища); с одной укрепленной частью и неукрепленным пригородом (Сувар, Джукетау, Старонохратское, Барскоенарусскинское и др. городища). Среди них можно выделить такие категории городов, как общегосударственный столичный центр Биляр-Великий город; центры отдельных крупных земель (кня-

жеств?) – Сувар на реке Утке, Ошель в Предволжье, Джукетау на Нижней Каме, Кашан в Предкамье, “Муромский городок” на Самарской Луке и Юлово – центр пензенской группы болгар. Имеются также малые города типа Старого Нохрата, Хулаша и др.

Самое первое упоминание о городах Волжской Булгарии содержится в сочинении арабского географа первой половины X в. Абу Зайда ал–Балхи “Ашкал ал–билад” (“Виды стран”). В этом сочинении, созданном, как принято считать, в 920–921 годах, а скорее всего несколько позднее, имеется такая запись: “Булгар – имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов простирается до 10 тысяч человек”.

Сведения другого автора первой четверти X в., ал–Джайхани, следующего содержания: “У них два города, один из них называется Сувар, а другой Булгар; между двумя городами пространство пути в два дня по берегу в очень густых зарослях, в которых они укрепляются против врагов”.

Сообщение крупного представителя арабской географической школы X в. ал–Истахри, относящееся к 930–933 годам, почти ничем не отличается от своего предшественника ал–Балхи: “Булгар – имя города, и они (булгары) – мусульмане, в городе соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей (жителей) в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей”.

У восточных авторов X в. имеется еще одно любопытное сообщение о болгарских городах. Тот же ал–Балхи говорит: “Внешний Булгар есть маленький город, не занимающий большого пространства и известный только тем, что он есть главнейший торговый пункт этого государства”. Почти то же повторяет Ибн Хаукал: “Булгар же есть небольшой город, не имеющий многих владений, известен же он был потому, что был гаванью этого государства”. Основываясь на сведениях указанных авторов, некоторые ученые полагают, что Внешний Булгар, известный как торговая пристань страны, представлял собой небольшой город, отличный от другого Булгара, крупного города с 10–ю тысячным населением и соборной мечетью.

Заслуживают внимания сообщения авторов XII в. Сведения ал–Идриси восходят к X столетию.: “Булгар – имя города, населенного христианами (?) и мусульманами; последние имеют большую мечеть”. Ал–Джавалики, называвший себя очевидцем, о булгарах коротко сообщает следующее: “Их строения похожи на строения Рума. Они большой народ, их город называется Булгар. Это очень большой город”.

Оригинальные сведения имеются у Абу Хамида ал–Гарнати, посетившего Волжскую Булгарию в середине XII в.: “А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. Вокруг него без конца (всяких) народов, они уже за пределами семи климатов”.

Ал–Джувейни, персидский историк XIII в., рассказывая о покорении монголами в 1236 году Волжской Булгарии и ее столицы, замечает, что город, который они взяли силой и штурмом, “известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью”.

Этим и исчерпываются знания восточных писателей о болгарских городах домонгольского времени. Они называют два больших города с соборными мечетями и большим количеством населения – Булгар и Сувар, и, кажется, еще один небольшой город под названием Внешний Булгар, являющийся международным торговым пунктом страны. Конкретных данных о местоположении этих городов наши источники не содержат. Где находился Булгар – главный город страны? Среди ученых все еще продолжается дискуссия о столице домонгольской Булгарии. Традиционно считается, что в X– первой половине XII вв. столица страны находилась в городе Булгаре на Волге, но в силу каких–то обстоятельств во второй половине XII столетия она переносится в Биляр – Великий город на Черемшане. Новые археологические данные не совсем согласуются с таким утверждением. Размеры Булгара (Болгарского городища на Волге), установленные многолетними археологическими раскопками, – 9–12 гектаров для X– первой половины XII вв. – незначительны для большого густонаселенного города, каким представляют его восточные писатели. Культурный слой Болгарского городища, накопленный в домонгольское время, слабо насыщен находками, в нем обнаружено небольшое количество сооружений. Отнюдь не безосновательна точка зрения ученых, локализирующих домонгольскую столицу Булгарии на месте Билярского городища – остатков летописного Великого города на Черемшане. Это, как писал ал–Джавали-

ки, действительно “очень большой город” и назывался он, вероятнее всего, Булгаром.

Древнерусские летописцы, как ни странно, не знают ни города Булгара, ни Суvara, столь часто упоминаемых в сочинениях арабо–персидских авторов. В летописях фигурируют названия следующих городов домонгольского времени: Великий город, Ошель, Бряхимов, Тухчин городок, а также неопределенный Торцьск. Кашан и Джуке-тау упоминаются при описании более поздних событий периода Золотой Орды. Великий город как столица страны описывается неоднократно под 1164, 1183, 1220, 1229, 1232 и 1236 годами. Ошель известен по описанию военного похода русских на булгар, состоявшегося в 1220 году. Единственное сообщение о Бряхимове имеется в Лаврентьевской летописи под 1164 годом. Он упоминается еще в “Казанской истории” XVI в.: “И бысть Казань стольный град вместо Брягова (Бряхимова)”.

Вот, собственно, все сведения письменных источников по истории булгарских городов. Эти источники ценны в том плане, что хоть как–то доносят до нас исторические, подлинные названия наших древних городов. Однако первые же попытки их локализации на современной карте наталкиваются на серьезные трудности, вытекающие из малоинформативности приведенных выше источников.

Более полные сведения о булгарских городах дают археологические раскопки.

Возле села Билярска Алексеевского района Республики Татарстан в живописной местности на левом берегу реки Малый Черемшан находятся развалины огромного средневекового города, история которого, богатая событиями тысячелетней давности, заинтересовала многих специалистов.

Билярское городище – это целый комплекс археологических памятников, включающий помимо укрепленных частей обширные неукрепленные пригороды, городские кладбища–некрополи, загородные усадьбы и т.д. Весь этот комплекс, площадь которого достигает почти 800 га, занимает относительно ровную подпрямоугольную площадь, окруженную концентрически вписанными друг в друга земляными валами и рвами – остатками оборонительных укреплений. Последние делят его территорию на две части – внутренний и внешний город (рис.34,35). Внутренний город с обитаемой площадью 116 га обнесен двумя линиями валов и рвов протяженностью около 5 км, а внешний город с обитаемой площадью 374 га – тремя

линиями укреплений длиной более 10 км. Общая площадь городища вместе с укреплениями составляет более 620 га, а с учетом пригородных поселков – около 800 га. Археологически установлено, что еще в X–XI вв. город занимал внушительную по своим размерам площадь и с самого начала имел в основном двухчастную структуру. Все дальнейшее его развитие происходило в пределах первоначальной территории. Биляр принадлежал к числу крупнейших городов средневековой цивилизации. Недаром в древнерусских летописях он именовался Великим городом.

Новые археологические раскопки представляют его в качестве экономического, политического и культурного центра домонгольской Булгарии. Исследования показали, что с самого начала его возникновения, которое предположительно относят к 922 году, в центральной части внутреннего города происходило формирование своеобразного аристократического района, скорее всего, административного центра, со всех сторон огороженного легкой деревянной стеной. Здесь, вероятно, располагались дворец эмира и другие правительственные учреждения. В этом районе выявлен ряд уникальных памятников булгарской архитектуры, большое количество жилищ, хозяйственных построек, колодцев. Центральное место среди них занимают остатки Соборной мечети (рис.36), состоявшей из двух частей – деревянной и белокаменной с высоким отдельно стоявшим минаретом. Общая площадь молельных помещений мечети составляла около 2500 кв.м. Здание было ориентировано согласно мусульманским канонам на юго–запад – в сторону священной Мекки. Внутри белокаменной части мечети прослежены остатки 24 колонн, расположенных симметрично в шесть рядов. Фасадная часть здания, обращенная на северо–восток, была красиво оформлена пилястровыми выступами. Несмотря на фрагментарную сохранность, общий монументальный характер этого культового памятника домонгольских булгар вырисовывается вполне наглядно. Историки архитектуры доказали, что данный памятник, в создании которого очевидна причастность ближневосточных мастеров, служил образцом при строительстве в конце XIII– первой половине XIV вв. всем известной Соборной мечети на Болгарском городище.

Возникновение в центре города большого культового комплекса – явление не случайное. Наличие в городе Соборной мечети и кафедры проповедника (мимбара) в ней, как утверждают специалисты, не формальный признак, а олицетворение его администра-

тивно–политического положения. С мимбара произносится хутба с именем государя, в мечети принимает судья, в ней же размещается государственное казнохранилище. Другими словами, Соборная мечеть со всеми ее религиозно–политическими функциями имела только в административном центре государства, т.е. в столице.

Недалеко от Соборной мечети располагалось кирпичное здание (рис.37). Сохранившееся лишь на уровне фундамента и части первого этажа, это здание, судя по некоторым особенностям, прежде всего по массивным стенам, являлось двухэтажным сооружением. Вход в него был красиво оформлен пилястрами. От здания к Соборной мечети и двум общественным колодцам вела широкая мостовая из камня и битого кирпича. Комнаты обогревались при помощи подпольной отопительной системы, состоящей из сложной сети дымоходных каналов. Здание было построено в конце X – начале XI вв. и просуществовало вплоть до монгольского нашествия. Особенности планировки его, состав находок и окружавшие надворные постройки позволяют предположить, что здание имело жилой характер и входило в единый комплекс с расположенной рядом мечетью. В этом двухэтажном доме жил, скорее всего, представитель высшей духовной феодальной знати.

В этом же районе Биляра археологи изучили остатки срубных домов и полуземлянок, в которых жили служители мечети, строители, прислуга. Факт проживания в центре города строителей и зодчих из Ближнего Востока и Средней Азии иллюстрируется остатками наземных жилищ с каркасно–глинобитными стенами, построенных в X в. В этих домах или рядом с ними во дворе стояли сферические печи типа тандыров. Для обогрева помещений использовали даже переносные тандыры.

Чрезвычайно важным для изучения социальной топографии города является открытие некрополя знати, расположенного у стен Соборной мечети. Здесь изучено уже около 50 могил с погребениями, совершенными по ортодоксальному мусульманскому обряду. Необычным было наличие значительного числа коллективных захоронений – семейных склепов и специальных наземных погребальных сооружений, сложенных из хорошо обожженных квадратных кирпичей. Антропологически погребенные также отличались от рядового городского населения более четко выраженной монголоидностью. Очевидно, значительное своеобразие этого некрополя сле-

дует поставить в прямую связь со знатностью и социальной привилегированностью погребенных здесь людей.

За пределами административного центра, во внутреннем городе жили преимущественно богатые феодалы, торговцы и ремесленники: металлурги и кузнецы, медники и ювелиры, оружейники и стеклодувы. При помощи аэрофотосъемки здесь зафиксированы следы около 30 кирпичных зданий, намечены древние улицы, кварталы, площади и водоемы. Археологически вскрыто одно из кирпичных зданий, оказавшееся остатками общественной бани XII в.

Следы ремесленного производства обнаружены как во внутреннем, так и во внешнем городе. В внутреннем городе исследовалась усадьба кузнецов–металлургов с остатками двух наземных домов и надворных построек. Поблизости располагались мастерские с кузнечными горнами, где обнаружены многочисленные производственные остатки (железный шлак, крица, глиняные тигли) и орудия труда. В районе горнов было найдено более 100 бракованных цилиндрических замков и ключей. На этой усадьбе жили и работали простые болгарские ремесленники, специализировавшиеся на изготовлении замков. Примечательно, что находки из раскопа, в том числе предметы быта и домашнего обихода, не отличались богатством. Среди них мы видим самые обыкновенные вещи: простую гончарную и даже лепную посуду, ножи и ножницы, точильные бруски, железную оковку деревянной лопаты, наконечники стрел и прочие находки, характеризующие повседневный быт рядового горожанина.

Еще один ремесленный район во внутреннем городе находится примерно в 0,5 км к юго–западу от Соборной мечети. Поверхность распаханного поля на площади более 1 га насыщена здесь кусками железного шлака и криц.

Внешний город был заселен в основном мелкими торговцами и ремесленниками, но здесь же находились усадьбы состоятельных горожан, общественные бани, караван–сараи для приезжих купцов. У восточных, главных ворот внутреннего города вскрыты руины оригинального кирпичного здания с центральным отоплением (баня?), входившего, как полагают, в комплекс одного из караван–сараяв Биляра.

На правом берегу р. Билярки еще в X в. возник обширный район гончарных мастерских, занимавших к XII в. территорию около 3 га. Археологи вскрыли здесь горны для обжига глиняной посуды.

Во внешнем городе проживало также значительное количество “полукрестьянского”, скотоводческо–земледельческого населения, что доказывается довольно часто встречаемыми находками сельскохозяйственных орудий труда. Территория внешнего города была заселения значительно слабее по сравнению с внутренним. Это было обусловлено необходимостью содержания больших стад домашних животных, прежде всего лошадей и крупного рогатого скота. Во внешнем городе размещались также летние дома, сады и огороды горожан, что было обычным явлением для средневековых городов Азии и Европы. Здесь же располагались наиболее ранние городские некрополи. По мере возрастания плотности населения они выносятся за городскую черту. К концу существования города, в начале XIII столетия, площади этих некрополи достигают огромных размеров – до 20 и более гектаров каждый.

За пределами городских стен Биляра еще в X в. появляются пригородные поселки. Раскопки одного из них выявили остатки обычного полуземляночного дома и несколько хозяйственных построек вокруг него. В этих поселках, скорее всего, жили люди, пригнанные с разных концов страны для строительства города и крепостных сооружений. Понятно, что такое грандиозное строительство было возможно лишь при использовании подневольного труда значительных масс населения. По окончании основных работ этих строителей, очевидно, отпускали домой, но некоторая часть оставалась здесь же и занималась своим привычным трудом земледельца и скотовода, продолжая жить у городских стен Биляра.

Основные этапы исторического развития города, его яркая и высокая культура раскрылась в результате многолетних археологических исследований с исключительной убедительностью и полнотой. Они заставляют во многом переосмыслить и по–новому интерпретировать результаты предшествующих исследований. Научная дискуссия о столице домонгольской Булгарии тоже возникла в результате новых открытий в Биляре. Комплексное изучение имеющихся источников позволяет предполагать, что в домонгольское время средневековый город на месте Билярского городища назывался, скорее всего, Булгаром. Все исследователи, в том числе и сторонники локализации домонгольской столицы на месте Болгарского городища, единодушны в утверждении о первенствующей роли Биляра–Великого города в экономическом потенциале государства. Находки в культурных напластованиях городища большого количе-

ства предметов импорта из стран Ближнего Востока и Средней Азии, Кавказа и Византии, Древней Руси и Скандинавии иллюстрируют одновременно широкие международные связи населения города. Великий город славился также как крупнейший центр духовной культуры. В столице жили представители многочисленной интеллигенции: ученые–богословы, поэты, врачеватели и авторы знаменитых трудов по медицине, зодчие и пр. Здесь жил и творил великий болгарский поэт Кул Гали, автор поэмы “Кыссаи Йусуф”, основоположник болгарской письменной литературы.

Булгар на Волге (Бряхимов) не принадлежал к числу крупных городов страны, но был широко известен как важный международный торговый пункт государства. Он располагался в 30 км южнее устья Камы и в 6 км от Волги (до затопления водохранилищем) на краю коренной волжской террасы высотой около 30 м.

В настоящее время Болгарское городище имеет подтреугольную конфигурацию, ограниченную с запада, юга и востока одной линией земляных валов и рвов протяженностью более 5,5 км, а с севера – берегом протекавшей здесь речки Меленки (рис.38). Его площадь в пределах указанных укреплений составляет 380 га. Однако эти укрепления воздвигнуты очень поздно, в эпоху золотой Орды. Какую же территорию занимал город в домонгольское время ?

Болгарское городище является, пожалуй, единственным памятником в Татарстане, который обстоятельно исследован археологически. Систематические раскопки его были начаты еще в 1938 году и почти беспрерывно продолжаются по сей день. Несмотря на это, древнейший, домонгольский период истории этого памятника изучен еще недостаточно хорошо. Многие полагают, что с X столетия Булгар на Волге являл собою пример большого и цветущего города, как и в более позднее, золотоордынское время. Археологические данные не совсем согласуются с таким представлением.

Северо–восточная часть городища в пределах сохранившихся валов занята Большим и Малым Иерусалимскими оврагами, образующими у края террасы три мыса. Западный мыс между Большим Иерусалимским оврагом и краем террасы как раз и был местом домонгольского города (рис.38).

Укрепления X– первой половины XIII вв. до нас не дошли, но археологические следы были выявлены раскопками. Они прослеживались в виде двух линий рвов, которые начинались у северного края волжской террасы примерно в 450–460 м к западу от устья Иеруса-

лимского оврага, далее тянулись по направлению юг – юго–восток и упирались к глубоким отрогам оврага, расходясь при этом на расстоянии около 40 м. Предполагаемая длина рвов около 200–220 м. По обеим сторонам восточного, основного рва выявлены следы деревянной стены в виде столбов, стоявших на расстоянии около 2 м друг от друга. Эти укрепления, возникшие в X в., функционировали до монгольского нашествия 1236 года. Ранний Булгар в пределах указанных укреплений занимал площадь около 9 га. Исследователи памятника называют укрепленную часть города “цитаделью”, за пределами которой, в ее западной части, располагался неукрепленный посад–пригород. Общая площадь Булгара X–XI вв. с учетом территории пригородов достигала 12 га.

На территории укрепленной части города археологи обнаружили остатки нескольких полуземлянок, а также немногочисленные подпольные ямы наземных домов, хозяйственные ямы–кладовки, зернохранилища. Следы таких же объектов выявлены и в неукрепленном пригороде. Каких–либо сооружений ремесленного характера ни в “цитадели”, ни в пригороде пока не обнаружено.

Вот практически все данные археологии, которые характеризуют раннее поселение на месте Болгарского городища X– первой половины XI вв.

Следующий этап в развитии Булгара на Волге относится ко второй половине XI– началу XIII вв. В предмонгольское время начинается строительство новой, дополнительной системы укреплений, археологически выявленных в виде рва и следов земляного вала. Эти укрепления начинались у края верхней волжской террасы примерно в 200 м к западу от вышеупомянутого древнейшего рва, далее шли на юг, полукругом огибали юго–восточную часть территории пригорода, продолжались в северо–западном направлении и упирались на крутые склоны Большого Иерусалимского оврага. Предполагаемая длина укреплений около 1000 м. Таким образом, в конце домонгольского периода Болгарское городище имело двойную систему укреплений: “цитадель”, сооруженную еще в X столетии, и внешнюю линию обороны. Площадь укрепленной части города предположительно определяется в пределах 24–25 га; включая территорию редко заселенного пригорода она составляла, может быть, около 35–40 га.

О характере застройки “цитадели” во второй половине домонгольского периода по содержанию строительных остатков судить

трудно, так как обнаружено незначительное количество сооружений. Среди них остатки двух землянок, трех подполий наземных домов, признаки еще одной “глинобитной” и нескольких сгоревших наземных построек. Более многочисленны хозяйственные сооружения, представленные ямами различных форм и размеров. Следы ремесленной деятельности отмечены в виде железного шлака и его скопления близ внутренней линии укреплений.

На территории посада исследованы остатки одной полуземлянки, 16 наземных домов, 40 хозяйственных ям. Остатки ремесленного производства выразительны: сыродутные горны для плавки черного металла, признаки медеплавильного ремесла, кожевенных мастерских и т.д.

В целом домонгольские слои Болгарского городища характеризуются небольшим числом находок, сооружений и строительных остатков. Анализ письменных источников и сопоставительное изучение археологии Билярского и Болгарского городищ позволяют отдать предпочтение в долгих спорах о домонгольской столице первому из них. Однако данная проблема еще далека от окончательного решения.

К числу замечательных памятников нашего прошлого, аккумулировавших в себе богатую и многогранную историю некогда процветающей болгарской цивилизации, по праву принадлежит город Сувар (рис.39), развалины которого находятся в четырех километрах к западу от с. Кузнечиха Спасского района Республики Татарстан. Выдающееся значение Суvara в истории Болгарского государства определяется не только крупными размерами городища, которые выделяют его среди других многочисленных болгарских памятников региона. Оно обусловлено в первую очередь экономическим, политическим и культурным потенциалом, которым он в действительности обладал, будучи на первых порах центром самостоятельного княжества в системе формирующегося Болгарского государства, а позднее – центром большой округи со значительным числом сельских и городских поселений.

Богатый и цветущий город, широко известный в X–XIII вв. во всем восточном мире, почти с момента своего возникновения в начале X столетия (920–е годы) становится объектом внимания восточных путешественников и купцов, кровно заинтересованных в расширении торговых связей с булгарами. О нем писали ал–Балхи, ал–Джайхани, ал–Истахри, ал–Мукаддаси и другие авторы. Самые поздние

упоминания о Суваре содержатся у писателей XIV в. Хамдаллаха Казвини и Ферхега. Но они использовали при написании своих трудов более ранние сведения своих предшественников. Все эти сведения весьма фрагментарны и малоинформативны.

Кроме письменных, мы располагаем еще одной интересной группой источников. Это нумизматические материалы, которые проливают свет на малоизученные страницы политической жизни Суvara X столетия. Специалистами достоверно определены монеты двух суварских эмиров – Талиба ибн Ахмеда и Му'мина ибн Ахмеда, чеканенные в 948–976 годах. Основываясь на этих данных, ученые полагают, что в промежутке между указанными годами, а скорее всего с момента основания, Сувар являлся центром обособленного княжества, потерявшего самостоятельность лишь в конце X столетия.

Скудность имеющихся письменных источников по истории Суvara являлась причиной того, что долгие годы, почти до конца XIX в., местоположение города оставалось не установленным. Его безнадёжно искали то на месте Свяжска, то пытались локализовать у Спасска или Симбирска. Заслуга открытия развалин Суvara принадлежит известному татарскому историку Шигабутдину Марджани. В своем фундаментальном труде “Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар” (“Достоверные источники по истории Казани и Булгара”), впервые опубликованном в 1885 году, он указывал, что укрепленное земляными валами место (“городище”) недалеко от села Кузнечиха Спасского уезда Казанской губернии окрестное население до сих пор еще называет своим первоначальным именем Сувар. Данная локализация была окончательно подтверждена другим татарским историком Гайнутдином Ахмаровым, совершившим в 1893 году специальную поездку на развалины Суvara.

В настоящее время эти развалины представляют собой городище подчетырехугольной формы, окруженное мощными валами и рвами длиной около 4,5 км (рис.39). С северной стороны городища по левому берегу речки Утка, где расположена небольшая деревушка Татарский Городок, следы древних укреплений едва заметны – они уже уничтожены временем. Площадь древнего города внутри укреплений составляет более 70 га, а вместе с укреплениями превышает 90 га. Вся территория памятника, за исключением валов и рвов, уже много лет распаивается, уничтожаются культурный слой и заключенные в нем остатки древних сооружений.

Самые крупные раскопки за всю историю исследований городища проводились в 1933–1937 годах А.П.Смирновым, начавшим на этом памятнике свои многолетние и весьма плодотворные исследования в области болгарской археологии и истории. Итоги пятилетних работ ученого впечатляют: в центре городища были вскрыты остатки кирпичного здания и связанные с ним сооружения, тщательно выявлялись конструкции оборонительных укреплений, изучалось около десятка мусульманских захоронений на вновь выявленных двух городских некрополях и т.д.

Как выяснилось в ходе раскопок, земляные валы городища сохранили в себе остатки деревянной стены из срубов размером 4 x 5 метров, поставленных впритык один к другому. Срубы изнутри были засыпаны утрамбованной глиной и кирпичным щебнем. На всем своем протяжении крепостные стены имели боевые башни, расположенные на определенном расстоянии друг от друга. Первоначальная глубина рва, вырытого с внешней стороны стены, достигала 4–5 метров. Его склоны были укреплены горизонтальными слегами, а дно – вертикальными колыями с заостренным концом (рис.40).

В центральной, аристократической части города стояло кирпичное здание – интересный памятник болгарской архитектуры домонгольского периода. Оно сохранилось на уровне фундамента и цокольной части с полом и системой подпольного отопления. Здание, как полагают, было двухэтажным и имело в плане форму вытянутого прямоугольника с башней типа донжона. Оно было построено в конце X– начале XI вв. и функционировало до начала XIII в., претерпев несколько капитальных ремонтов и перестроек. На известных графических реконструкциях здание выглядит как настоящий дворец, парадный вход которого красиво оформлен порталом со стрельчатой аркой и декорирован цветными изразцами (рис.41). Впрочем, в научной литературе данный объект до сих пор фигурирует под названием “суварского дворца”. Первоначально он представлял собой четырехугольную постройку размерами 7 x 4 метра и с “башней” размерами 4 x 3,5 метра. Максимальные размеры здания перед его окончательным разрушением не превышает 16 x 6 метров, включая в длину и вышеуказанную “башню”. Здание было снабжено системой подпольного отопления. Неоднократные находки водопроводных труб при раскопках не исключают вероятности рассматривать это здание в качестве бани.

Раскопки 1974–1975 и 1990–1993 годов не увенчались крупными открытиями; были обнаружены жилые и хозяйственные сооружения с большим количеством находок. Новые материалы позволили поставить на повестку дня еще один немаловажный вопрос – о хронологических рамках существования самого города. Традиционно считается, что после монгольского погрома 1236 года город продолжал существовать и окончательно погиб где-то в конце XIV столетия. Однако среди находок, насчитывающих многие сотни и тысячи предметов, нет ни одной вещи, которую можно было бы уверенно отнести к золотоордынскому времени. Чрезвычайно любопытно полное отсутствие джучидских монет. Обилие их является археологической спецификой золотоордынских городов сравнительно с более ранними домонгольскими, где монетные находки всегда очень редки. Мощный культурный слой Суvara отложился в X–первой трети XIII вв. Он завершается слоем пожара, который связан с результатами разрушений 1236 года. Таким образом, Сувар был в числе городов, погибших от рук иноземных захватчиков. В золотоордынское время население разгромленного города продолжало жить в его окрестностях.

Среди первоклассных памятников болгарской старины, известных по древнерусским летописям, описывающим события XIV в., выделяется город Джукетау на Каме (рис.42). Русский историк XVIII в. В.Н.Татищев, пользовавшийся не дошедшими до нас древними документами, включал его в список болгарских городов, захваченных монголами в 1236 году. Местоположение древнего города – на левом берегу Камы западнее г. Чистополя и северо-восточнее с. Донауровка – окончательно было установлено П.А.Пономаревым в конце XIX в. Археологические раскопки в небольших масштабах проводились в 1928 и продолжались 1970–1972 годах; планомерные исследования памятника начались в 1991 году. В результате изучены жилые, хозяйственные и производственные постройки, вскрыто несколько десятков древних захоронений в двух городских некрополях, собран значительный вещевой материал, характеризующий основные этапы развития города от его возникновения во второй половине X в. и до гибели в начале XV в.

Все источники, которыми мы сегодня располагаем, рисуют Джукетау как один из значительных городов Волжской Булгарии. В домонгольское время он состоял из двух топографических частей: хорошо укрепленной цитадели (городище) и неукрепленного посада–

пригорода (Крутогорское и Донауровское селища). Цитадель располагалась на высоком живописном мысу, образованном коренным берегом Камы и левым ее притоком Килевкой, раньше называвшейся Жукотинкой или Жукотью. Территория цитадели подтреугольной в плане формы площадью около 6 га, с напольной стороны была укреплена тремя линиями высоких земляных валов и двумя глубокими рвами между ними. За линией укреплений располагались пригородное поселение (восточный посад) и городской некрополь. По левую сторону Килевки на низком мысу между речкой и так называемым Большим оврагом на относительно ровной площадке левобережья Камы располагался западный посад, где проживало основное ремесленное население Джукетау. Первоначально, в конце X–XI вв., он занимал узкую береговую полосу Килевки и вершину мыса со стороны Камы площадью не более 6–8 га, однако уже к XII в. расширился до 30–35, а к концу XIV в. – до 100–120 га. В южной части западного посада находилось мусульманское кладбище. В разных местах пригорода выявлены следы ремесленной деятельности населения.

Город Ошель единственный раз упоминается в древнерусских летописях под 1220 годом в связи с походом Юрия Всеволодовича на волжских болгар. В настоящее время археологи локализуют его на месте Богдашкинского городища (Тетюшский район РТ), расположенного примерно в 7–8 км к западу от Волги. Ошель являлся одним из крупных городских центров предволжской части Булгарского государства. Городище имеет в плане подквадратную форму с закругленными углами, ориентированными по странам света, и занимает площадь около 77 га. Укрепленная цитадель (10 га) располагается в юго-западном углу города и отделяется от него глубоким оврагом и земляным валом.

Археологическими раскопками вскрыта незначительная площадь. Этот интересный и многообещающий памятник еще ждет своих исследователей.

Город Кашан, возникший, как полагают, не позднее XI в., а скорее раньше, находился на правом берегу Камы и являлся единственным крупным городом предкамских земель Булгарии. Его остатки сохранились в виде городища площадью 108 га, расположенного в 1 км к востоку от с. Шуран Лаишевского района РТ. По данным татарских легенд и преданий Кашан представляется в виде богатого и красивого города, в котором живут торговцы и ремесленники, в том

числе и золотых дел мастера. Однако археологические раскопки последних лет вскрыли здесь небольшой культурный слой, слабо насыщенный находками и сооружениями. Судя по письменным источникам, город Кашан продолжал существовать и в период Золотой Орды. В русских летописях он в последний раз упоминается под 1396 годом, когда был razорен новгородскими ушкуйниками.

“Муромский городок” (Валынское городище), расположенный в западной части Самарской Луки, относится к числу крупнейших памятников домонгольской Булгарии. Он служил важным военно-стратегическим пунктом и являлся административным, торгово-ремесленным и культурным центром южных окраинных земель государства.

Город состоял из трех частей (ср. с Биляр-Великим городом): внутреннего города, расположенного на мысу между оврагами; внешнего города, укрепленного валами и рвами; обширных неукрепленных пригородов, окружавших город почти со всех сторон. У южной окраины города находилось обширное мусульманское кладбище. “Муромский городок” занимал большую территорию – около 150 га в укрепленной части – и превышал по своим размерам многие другие города, в том числе Булгар на Волге, Сувар, Кашан и Джукетау, известные по письменным источникам.

Остатки кирпичных и каменных сооружений до сих пор заметны на распаханной поверхности городища. Четыре здания исследованы в разные годы самарскими археологами. Одно из них возвышалось в северной части внешнего города, у края оврага, недалеко от северо-западного въезда во внутренний город, другое здание находилось в юго-западной части внутреннего города. Неподалеку от него было раскопано еще два здания. Они сложены из обожженных крупномерных кирпичей квадратной формы, производство которых было налажено в самом городе. Функциональное назначение всех этих сооружений определить довольно сложно. Среди них были, очевидно, жилые дома, бани и другие общественные постройки.

Значение “Муромского городка” как крупнейшего ремесленного центра подчеркивают остатки металлургического, кузнечного, ювелирного, гончарного, косторезного и других видов ремесел. Здесь открыты медеплавильные печи, горны для обжига кирпича и керамической посуды, обнаружены многочисленные инструменты ремесленников.

Время существования города, подлинное название которого не известно, по археологическим материалам определяется X– началом XIII вв. Он погиб, по мнению исследователей, во время монголо-татарского нашествия и больше не восстанавливался.

Юловское городище расположено в бассейне р. Сура и занимает относительно ровную площадку правого берега рч. Юловки. В домонгольское время здесь находился административный центр пензенской группы болгарского населения (обулгаризованных буртас?). Городище имеет двухчастную структуру, т.е. состоит из внутреннего и внешнего города площадью более 10 га. Внутренний город (цитадель или кремль) представляет собой полукруг, примыкающий к краю террасы, и окружен двойным рядом укреплений значительной мощности. Внешний город был укреплен одинарной линией земляных валов со рвом. Следы неукрепленных пригородов не прослежены, скорее всего, уже уничтожены современной застройкой.

Археологические исследования на городище начались недавно. Открыты жилые и хозяйственные постройки, собран интересный вещевой материал, характеризующий повседневный быт, хозяйственную жизнь и культуру болгарского населения пензенского края.

В Волжской Булгарии было множество малых и средних городов, которые практически еще не исследованы археологами. Значительное число городищ округлой или подквадратной в плане формы, обнесенные двумя или даже тремя рядами валов и рвов, а также мысовые городища, укрепленные только с напольной стороны, представляют собой остатки феодальных замков (как, например, Тигашевское городище в Чувашии, Золотаревское городище в Пензенской области и др.) или же военных крепостей (“Девичий городок” в Спасском районе РТ, Краснокадкинское городище в Нижнекамском районе и др.). По сообщению доминиканского монаха Юлиана, в стране болгар монголы в 1236 году взяли “60 весьма укрепленных замков”. К сожалению, без производства широких археологических исследований, только путем визуального осмотра определить социальный статус городищ практически невозможно.

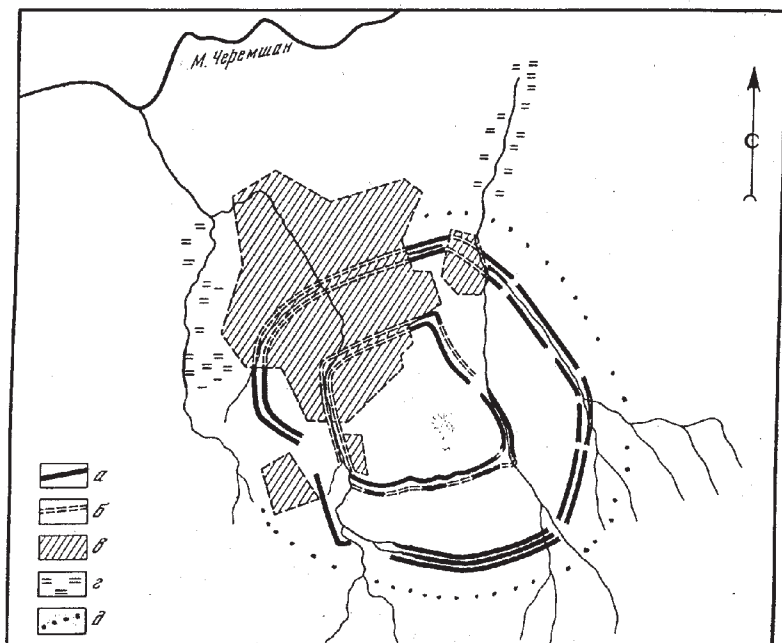

Рис. 34. Схема расположения Биляра – Великого города.
 а – сохранившиеся валы, б – валы, прослеживаемые на аэрофотоснимках, в – современная застройка (село Билярск), г – заболоченные места, д – граница пригородов.

Рис.35. Аэрофотоснимок юго-восточной части Билярского городища.
 Четко выделяются валы внутреннего и внешнего города. У юго-восточного угла внутреннего города заметно предполагаемое место каравансарая.

Рис.36. Соборная мечеть X века в центре Биляра. Реконструкция С.С.Айдарова.

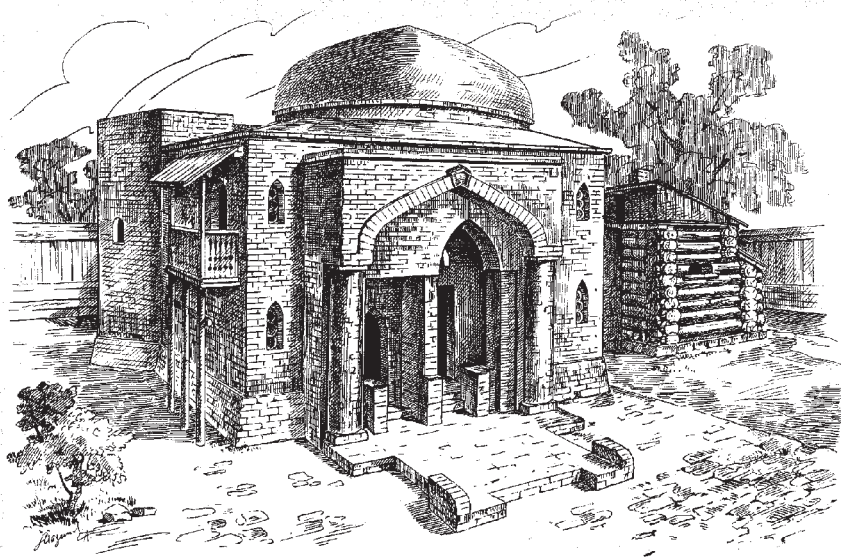

Рис.37. "Дом феодала" в центре Биляра. Реконструкция С.С.Айдарова.

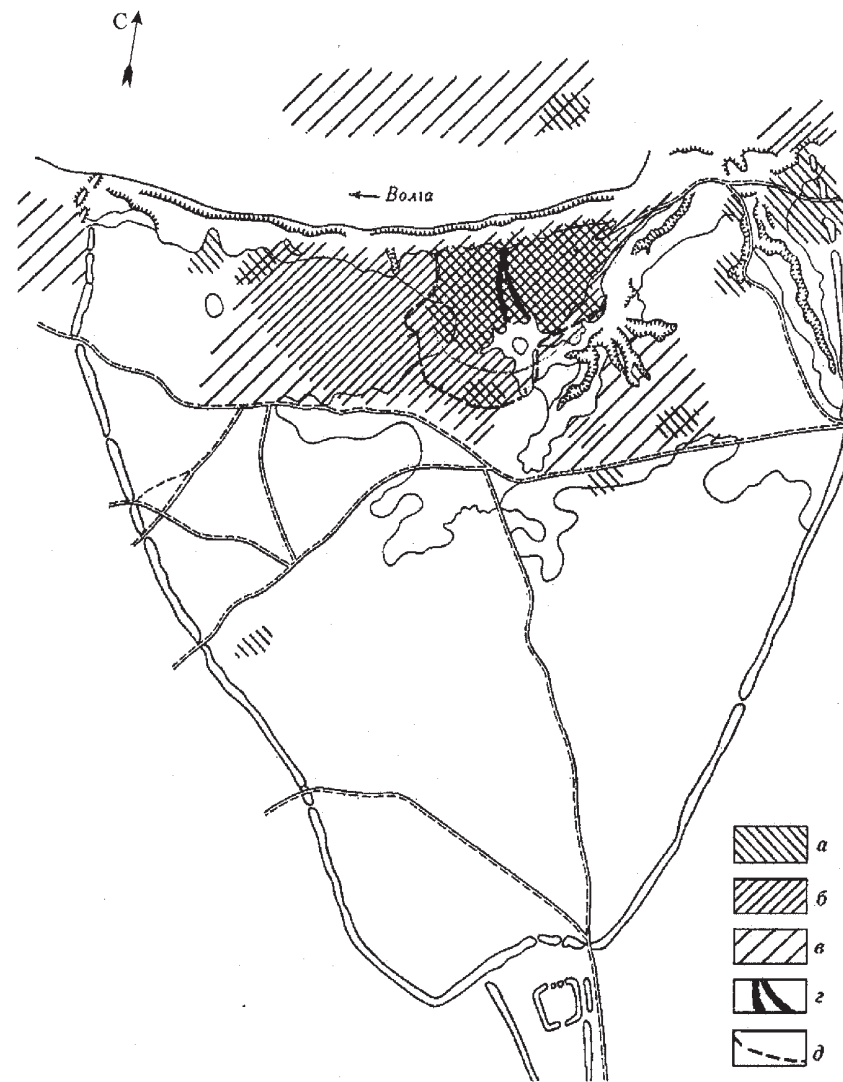

Рис.38. План Болгарского городища в пределах укреплений XIV в. Территория домонгольского Булгара: а – X – первой половины XI вв., б – второй половины XI – начала XIII вв., в – редко заселенный пригород XII – XIII вв., г – рвы X – XI вв., д – следы укреплений предмонгольского времени.

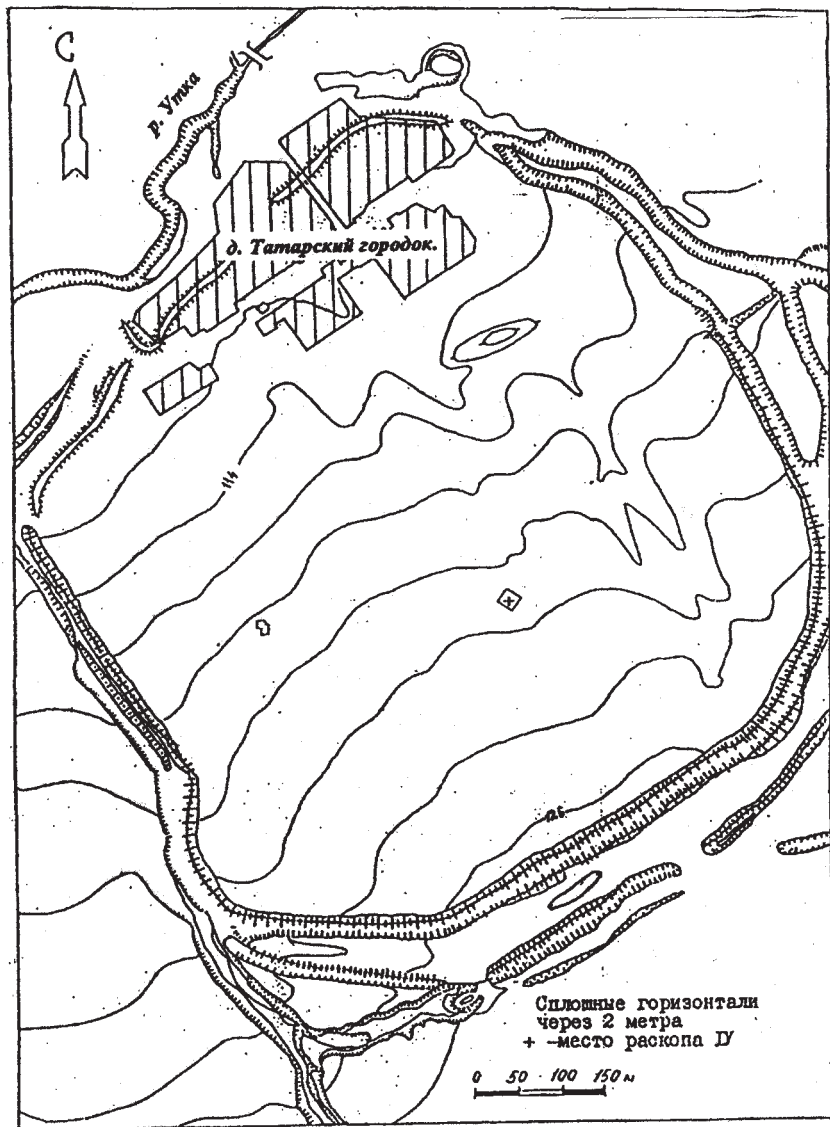

Рис.39. План Суварского городища.

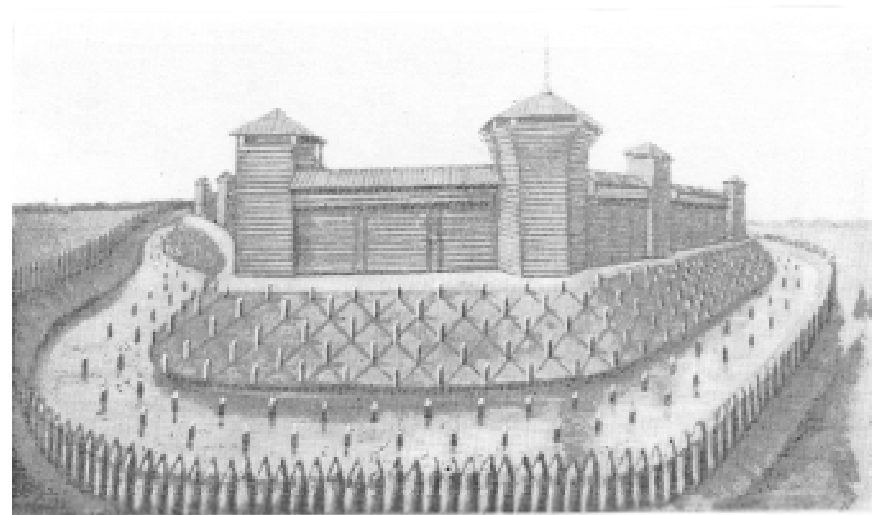

Рис.40. Оборонительные укрепления Суvara. Реконструкция А.П.Смирнова.

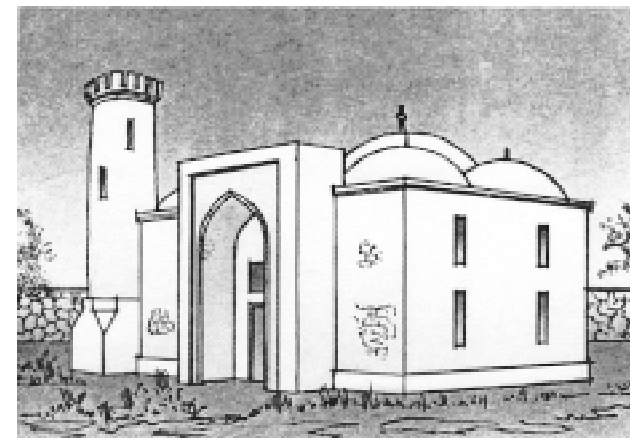

Рис.41. "Суварский дворец" по реконструкции Ф.Х.Валиева.

Ф.Ш.Хузин, А.М.Губайдуллин

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

В исторической литературе существовала точка зрения о сугубо отрицательных последствиях монголо–татарских завоеваний для народов Восточной Европы, в том числе и волжских булгар, стоявших на более высокой ступени развития, чем сами завоеватели. Методологической основой данной концепции служило известное высказывание К.Маркса о том, что монгольское иго “не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало душу народа, ставшего его жертвой”.

Время от времени как в русской (акад. В.В.Бартольд), так и зарубежной исторической литературе (Г.Вернадский, Б.Ишболдин, Г.Мартин и др.) высказывались мнения о положительной роли монголов в дальнейших судьбах покоренных народов. В конце прошлого столетия эта точка зрения нашла свое развитие в трудах Л.Н.Гумилева, отрицавшего, между прочим, вполне обоснованно, монгольское иго на Руси. В то же время его попытки показать завоевателей чуть ли не как благодетелей, действовавших согласно своим законам (“ясам”), позволяющим, в частности, убивать и покорять только тех, кто им добровольно не подчинился, не совсем убедительны. Желающих покоряться им на добровольных началах, было, как и следовало ожидать, мало. И как следствие – огромные жертвы и разрушения. Страшные последствия монгольского завоевания 1236 года находят яркое подтверждение в археологических материалах.

О завоеваниях и бесчинствах монгольских войск в азиатских странах (в частности, о жесточайшем разгроме Отрара, Бухары и Самарканда в 1219–1220 годах) и их быстром продвижении в степи Восточной Европы волжские булгары были осведомлены задолго до событий 1236 года.

После известного сражения на р. Калке с объединенными русско–половецкими войсками монголо–татары встретились с булга-

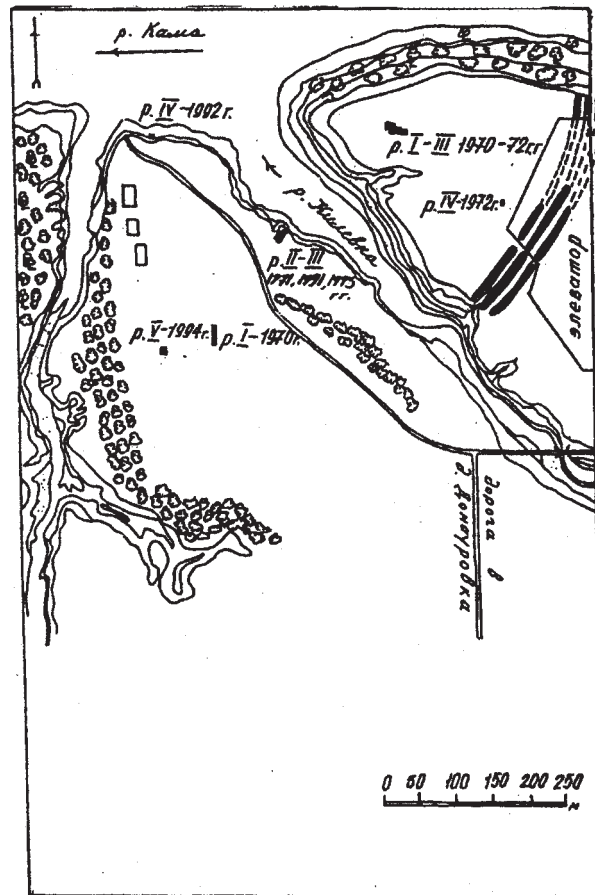

Рис.42. План Джукетауского городища.

рами. Это произошло в том же 1223 году у южных границ страны – на Самарской Луке. По описанию современников (Ибн ал–Асир), болгары “устроили засады, выступили против них, встретились с ними и заманивали их до тех пор, пока они (монголы) зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие”. Это было первое поражение монголов за всю историю их завоевательных походов.

Второй раз болгарские сторожевые отряды встретились с монголами в 1229 году на р. Яик. Многотысячное войско Субэдэ–бахадур относительно легко разгромило небольшой отряд воинов, но все же продвинуться им далее на север не удалось.

О третьем походе монголов на болгар, состоявшемся в 1232 году, имеется лаконичная запись в Лаврентьевской летописи: “Придоша татарове и зимоваша, не дошедше Великого града Болгарьскаго”. Следующий поход монголов и татар можно было ожидать в любой момент.

В этих условиях болгары стремились поднять обороноспособность своей страны. Были прекращены военные набеги на русские земли и предпринимались активные дипломатические усилия, направленные на заключение мирных соглашений со своими северо–западными соседями. Мирный договор с владимиро–суздальским князем Юрием Всеволодовичем удалось подписать еще в 1220 году.

Наполненное военными тревогами время требовало в первую очередь соответствующего уровня развития военно–оборонительного дела.

Крепостные сооружения средневековых городов, включающие в себя высокие земляные валы, глубокие рвы, прочные дубовые стены и башни, служили важным гарантом нормального функционирования и развития государства. Наивысшего расцвета болгарская фортификация достигает в XII– начале XIII вв. Об этом могут свидетельствовать укрепления Биляра–Великого города, Суvara, “Муромского городка”, Казани, Алабуги, других городов и военных крепостей. Высокий уровень развития военно–инженерного дела явился одним из факторов, позволивших Волжской Булгарии почти 13 лет противостоять войскам монгольских ханов, оснащенным передовыми средствами осады и взятия городов.

Подавляющее большинство укрепленных поселений Волжской Булгарии строилось с максимальным учетом защитных свойств ме-

стности. К ним относятся, например, мысовые городища, укрепленные, как правило, только с напольной стороны (Джукетау, Тубылгытау, Алабуга, Чаллы и др.). Их планировка во многом зависела от особенностей рельефа. Строительство укреплений данной группы городищ не требовало больших земляных работ, но оборона их была достаточно эффективна.

В разных регионах Волжской Булгарии, особенно в Западном Закамье, существовали города, расположенные на равнине и потому имеющие планировку, определяемую особыми фортификационными правилами военно–инженерной науки того времени. Классическими примерами этой группы памятников являются Биляр и Сувар.

Нужды обороны учитывались и при планировке топографической структуры поселений. Укрепления часто делили территорию города на внутреннюю и внешнюю части. Иногда за пределами внешнего города располагались пригородные поселки. Внешний город при этом служил убежищем для окрестных жителей, а также для содержания скота в случае военной опасности.

Весьма разнообразна система укреплений болгарских городищ, варьирующая от простейшей схемы “один вал – один ров” до весьма сложной – “четыре вала – четыре рва”. Наибольшее распространение на территории Волжской Булгарии получила первая схема (около половины всех укрепленных поселений), а также схема “два вала – два рва”. С менее защищенных сторон мысовых городищ устраивались дополнительные валы и рвы, при этом пологие склоны часто эскарпировались, т.е. искусственно срезались и делались круче.

В качестве дополнительных укреплений в системе обороны городищ применялся гласис – отлогая к полю насыпь, возводимая перед рвом. Гласис предназначался для затруднения штурма укреплений, ибо он значительно увеличивал глубину рва и ширину в верхней части, а также облегчал осажденным обстрел прилегающей территории. Строго продумывалась даже профилировка валов и рвов. Типичными профилями рвов является трапеция или треугольник. Широко были распространены рвы с треугольной профилировкой, трудно преодолимые для противника. Известны случаи, когда на дно рвов с трапециевидной профилировкой вбивались заостренные колья. В некоторых случаях, как это предполагают исследователи для Биляра, Суvara и Казани, от осыпания склонов валов и рвов

применялись обкладка их дерном или камнями, обмазка глиной с последующим обжигом, а также решетки из деревянных слег. Наиболее долговечным были насыпи валов, у которых в качестве ядра использовались деревянные срубы.

Для замены или дополнения функции крепостных башен по фронтальной защите прилегающей к крепостным стенам территории применялись изломы в линии укреплений, состоящие из входящих и исходящих углов. Первые представляли собой углы направленные внутрь площадки городища, а вторые – во внешнюю сторону. Исходящие углы облегчали двустороннюю фронтальную оборону, а входящие защищали местность перекрестной стрельбой. Изломы укреплений иногда применялись и для защиты въездов. Ввиду того, что ворота являлись самым уязвимым местом в крепостной ограде, их стремились как можно лучше обезопасить. Для этого возводились не только башни, но и строились сложные проезды типа периболов. Сами подступающие дороги иногда устраивались не с напольной стороны, а по краям террасы, мыса или по дну оврага.

Наземные деревянные части крепостных сооружений болгарских городов по своим конструкциям довольно разнообразны (рис.43). Археологическими раскопками установлено, что к наиболее раннему типу укреплений, появившихся в начале X в., относятся частоколы, представляющие собой ряды вертикально врытых сомкнутых бревен, заостренных вверху. В XI–XII вв., а скорее всего и раньше, болгары начинают возводить крепостные стены в виде столбовых конструкций. Они состояли из расположенных на некотором расстоянии друг от друга вертикально установленных бревен, служивших связками для горизонтально уложенных бревен. Параллельно им существуют или приходят на смену, крепостные сооружения типа городской, возводимые из плотно примыкающих друг к другу срубов, по верху которых проходила боевая площадка. Это были мощные укрепления, занявшие доминирующее положение к XIII в. Применялись в Волжской Булгарии и т.н. гиппы, представляющие собой частокол, установленный с наклоном внутрь площадки городища, за которым располагалась платформа для обороняющихся.

Уникальностью своих крепостных сооружений отличается древняя Казань второй половины XII– начала XIII вв. С восточной и южной сторон она была ограждена белокаменными стенами. Не исключено, что у этих стен из камня была сооружена только нижняя поло-

вина, а в верхней части использовались деревянные конструкции. Последние, возможно, представляли собой крытый боевой ход.

Вопрос о крепостных башнях болгарских городов изучен пока недостаточно полно в силу отсутствия источников. Башнями обладали в первую очередь крупные города (Биляр, Сувар и др.), а также крепости, защищавшие пограничные районы страны и наиболее важные стратегические пункты. Судя по материалам “Девичьего городка” (недалеко от с. Измери в Спасском районе РТ), крепости с башнями появляются еще в XI–XII вв., однако вряд ли имели широкое распространение в домонгольской Булгарии. Несмотря на это, высокий уровень развития крепостного зодчества Волжской Булгарии предмонгольского периода не вызывает сомнений.

Непосредственно перед монгольским нашествием укрепления многих болгарских городов и пограничных крепостей перестраиваются, подвергаются ремонту. На восточных и юго–восточных рубежах страны возводятся длинные (иногда до 7–9 км) оборонительные валы.

На примере Биляра хорошо можно видеть энергичные мероприятия государства по укреплению обороноспособности отдельных городов страны, прежде всего, конечно, ее столицы. Фортификационные сооружения Биляра в конце XII– первой трети XIII вв. претерпевают большие изменения: увеличивается мощность земляных валов, реконструируются деревянные части всех существовавших до этого времени укреплений. Вокруг внутреннего города начинают возводить дополнительную, вторую линию валов и рвов. Между внутренним и наружным кольцами валов внешнего города появляется третья (средняя), так и недостроенная линия укреплений. Примерно в это же время на месте “караван–сарая” у главного въезда во внутренний город возникает хорошо укрепленный “форт”, где размещается небольшой военный гарнизон, предназначенный для охраны одного из важнейших участков города. Биляр превращается в один из наиболее сильно укрепленных городов Восточной Европы.

Тем не менее ему суждено было разделить печальную участь многих десятков и сотен городов и сел, в буквальном смысле стертых с лица земли в результате нападения и страшного разорения со стороны бесчисленных монгольских орд.

... Примерно через год после специального курултая 1235 года, когда состоялось решение “завладеть странами Булгара, асов и Руси”, объединенное монгольское войско отправилось в поход – “от

множества войск земля стонала и гудела, а от множества и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные”. Сначала монголы, по сообщению персидского историка XIII в. ал-Джувейни, “силой и штурмом взяли город Булгар” (Биляр–Великий город), т.е. столицу страны. Это же факт констатирует автор Лаврентьевской летописи: “Тое же осени (1236г.) приидоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город Болгарьскыи”.

Источники полны сообщений о жестоком обращении завоевателей с местными жителями и о полном разрушении городов. “... Убивают всех, не разбирая, старых и малых, красивых и безобразных, богатых и бедных, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады”, – писал очевидец, автор “Полного описания монголо–татар” (“Мэн–да бей–лу”), рассказывая об их бесчинствах в покоренных землях. “... Избиша оружием от старца и до уного и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город пожгоша огнем и всю землю их плениша”, – уточнял древнерусский летописец действия монголов в отношении Биляра (Великого города Болгарского) и его населения. “... Жителей его (Булгара–Биляра) [частью] убили, а [частью] пленили”, – лаконично сообщает Джувейни.

Археологические материалы полностью подтверждают сведения письменных источников. Весь верхний горизонт культурных отложений городища представляет собой супесчаную золисто–углистую массу, перемешанную с обломками человеческих костей, особенно многочисленных в районе укреплений и крупных зданий. Следы большого пожара, связанного, несомненно, с монгольским погромом 1236 года, зафиксированы практически во всех районах города, где производились археологические раскопки.

Ожесточенные схватки между булгарами и монголо–татарами произошли еще на подступах к городу. При исследовании наружных укреплений внешнего города в верхней части насыпи земляных валов были отмечены следы пожара, обожженные кости человека и железные наконечники стрел. Укрепления внутреннего города были также уничтожены в результате пожара. В небольшом раскопе у восточных ворот Биляра было обнаружено около двухсот разрозненных человеческих костей. Эта большая катастрофа в истории города опять же связана с монгольским нашествием, о чем свидетельствуют обнаруженные у крепостного вала предметы вооруже-

ния: наконечники стрел (рис. 44), среди которых типично монгольские “срезни”, железная булава, костяные накладки на колчан и т.д.

Наиболее упорные бои шли, по всей вероятности, в центральной части внутреннего города. Ограда административного центра была полностью сожжена врагами. Показательно, что в некоторых участках центральных раскопов мощность слоя пожарища, состоящего сплошь из угля и золы, достигала 60–80 см, а местами до 1 метра. В нем обнаружены наконечники стрел, втульчатый наконечник копья, колчанный крючок, кольчужные колечки, обломки железной пластины от панциря. Слой насыщен обломками человеческих костей, среди которых много черепов, костей рук и ног.

Следы монгольского погрома хорошо прослеживались в районе “дома феодала”, расположенного рядом с Соборной мечетью. В верхней части слоя были отмечены обильные золисто–углистые пятна, обугленные плахи от упавших наземных конструкций, ошлакованная и деформированная под воздействием огня глиняная посуда и т.д. При исследовании самого кирпичного здания, особенно при расчистке завалов стен и полов, среди массы находок обнаружены и человеческие кости – остатки жертв, погибших в развалинах дома при осаде и взятии города.

К объектам, разрушенным монголами, относится и Соборная мечеть, раскопки которой дополнили картину страшного разорения города осенью 1236 года. Еще с XIX в. были известны факты нахождения среди развалин мечети множества беспорядочно лежащих человеческих костей и оружия. Подобные факты были неоднократно отмечены и в ходе исследований 1972–1975 годов. Так, только при расчистке остатков каменного минарета было обнаружено около десяти человеческих черепов. Не исключено, что это останки людей, пытавшихся скрыться в мечети в момент опасности и погибших здесь под рухнувшими стенами, колоннами и крышей.

Следы пожарища 1236 года были зафиксированы на многих участках, прилегающих к Соборной мечети и “дому феодала”. В разрушенных домах среди развалов сгоревших деревянных конструкций наряду с глиняной посудой, обожженными костями и прочими вещами, побывавшими в огне, встречались типично монгольские “срезни” и другие наконечники стрел, распространенные в Волжской Булгарии в предмонгольское время. В наземных амбарах–зернохранилищах обнаружены огромные скопления обугленных зерен пшеницы, гороха, спекшиеся комки проса и т.д.

С событиями 1236 года, по мнению исследователей, связана братская могила с 26 костяками из Билярского III могильника, расположенного во внешнем городе. Антропологи считают, что погибшие принадлежали к основному населению города. Подобная могила была изучена и в центре города в районе большого кирпичного здания, расположенного примерно в 200 м к юго-западу от Соборной мечети. Скопление человеческих костей выявилось в обширной яме, заполненной кирпичным щебнем и золисто-углистой массой. По плохо сохранившимся черепам и неполным костям скелетов удалось определить 5 детских и 7 взрослых скелетов, лежавших в одной куче, беспорядочно, без соблюдения каких-либо погребальных ритуалов. В этой куче скелетов был обнаружен массивный широколезвийный топор с молоткообразным обухом. Под одним из черепов лежал наконечник копья с листовидным (подтреугольным) пером. Очевидно, перед нами захоронение людей, жителей Биляра, осуществленное по прошествии значительного времени после ухода монголо-татарских завоевателей. Эти скелеты долго лежали среди развалин, потом были собраны пришедшим сюда окрестным населением и брошены в общую яму, ставшую, таким образом, коллективной могилой последних жителей Биляра. В противоположном углу этой могилы, заваленной рухнувшей стеной кирпичного дома, лежал полный остов коня с откинутой назад головой. Бедренная кость правой задней ноги имела следы перелома, а в теменной части черепа сохранились следы удара в виде трещины, нанесенного каким-то тупым предметом. Видимо, здесь похоронен боевой конь болгарского воина, убитый в одном из последних сражений за город.

Все эти находки рассказывают о последних днях существования Биляра и служат прекрасной иллюстрацией к словам Лаврентьевской летописи о разорениях монголов в Великом городе.

После покорения центральных земель Булгарии монгольское войско направилось в сторону Суvara и Бряхимова (Булгара на Волге). Первый из них был сожжен и разрушен.

Слой “пожарища 1236 года” повсеместно прослежен и в культурных отложениях домонгольской части территории Болгарского городища. Как утверждают исследователи Болгара, жители его были заблаговременно предупреждены о приближении Батыева войска и со всем своим имуществом успели покинуть город до штурма. Об этом свидетельствуют, по их мнению, малочисленность находок в

слое пожарища, отсутствие в нем предметов вооружения и останков погибших людей. Несмотря на это, пустой город был взят штурмом и сожжен дотла.

К числу болгарских городов, разгромленных монголами, относят и Джукетау на Каме. Раскопки этого памятника действительно выявили слой пожарища 1236 года с соответствующими находками.

Весной и летом 1237 года передовые отряды монгольских войск начали наступление в южных и западных областях Волжской Булгарии. Был взят и сожжен один из крупнейших городов в районе Самарской Луки, археологические остатки которого известны под названием “Муромского городка”. Одновременно были покорены западные области булгар, проживающих в бассейне Суры. Далее монголы-завоеватели пошли войной на русских и вторглись в пределы Рязанского княжества.

Таким образом, почти целый год монголы воевали на болгарских землях. По словам современника, они взяли и уничтожили “60 весьма укрепленных замков”, т.е. городов и крепостей.

Несмотря на отрицательные последствия этого завоевания, приведшего к уничтожению государственности булгар, о тотальном истреблении всего населения страны не может быть и речи. Часть населения, заранее предупрежденная о приближении монголо-татар, ушла в более безопасные места, скрылась в лесах, а после ухода завоевателей опять вернулась в свои родные очаги, и жизнь продолжалась. Но булгары не желали оставаться в роли побежденных: в стране развернулась партизанская война. Предвидев возможное сопротивление населения, монголы решили, по словам Марко Поло, “во всякой (покоренной) области, где есть большие города и много народа, содержать войска: их располагать вне города в четырех или пяти милях; а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск”.

Однако уход из Булгарии основных сил завоевателей, вступивших в войну с русскими княжествами, только стимулировал развитие антимонгольского движения среди булгар. В 1238 году они подняли восстание с целью обретения независимости. Во главе движения встали болгарские князья Баян и Джику. Воспользовавшись моментом, булгары предпринимают смелую попытку восстановить разрушенную столицу страны (Биляр-Булгар) на новом месте – на высокой горе Балынгуз, расположенной в трех километрах к северу от сожженного города. В конце 1240 года против них были на-

правлены карательные войска под предводительством Субэдэ (Субудая) и Бурундая, которые “разбили тамошнее войско и заставили (булгар) покориться”. Рашид-ад-дин пишет: “Тамошние владельцы Баян и Джиду пришли и изъявили покорность принцам; будучи пожалованы, возвратились назад, но опять восстали. Он (Бату) послал вторично Субудая Багадур, который и владел (их землей)”. Вследствие вторичного покорения булгар не удалось достроить укрепленный город на Балынгусе. Уцелевшее население Биляра сосредоточилось на левом берегу р. Малый Черемшан, напротив Балынгуса, где возникло крупное поселение городского типа, но без укреплений, остатки которого теперь принято называть Билярским III селищем. Здесь располагался Биляр золотоордынского периода, который в одно время чеканил даже свои монеты.

Монголы нанесли огромный урон Волжской Булгарии. Массовое физическое уничтожение населения, разорение городов и сел пагубно отразились на состоянии экономики и культуры булгарского народа. Страна потеряла свою политическую самостоятельность, государственность и стала одним из улусов (областей) нового монгольского государства – Улуса Джучи или Золотой Орды.

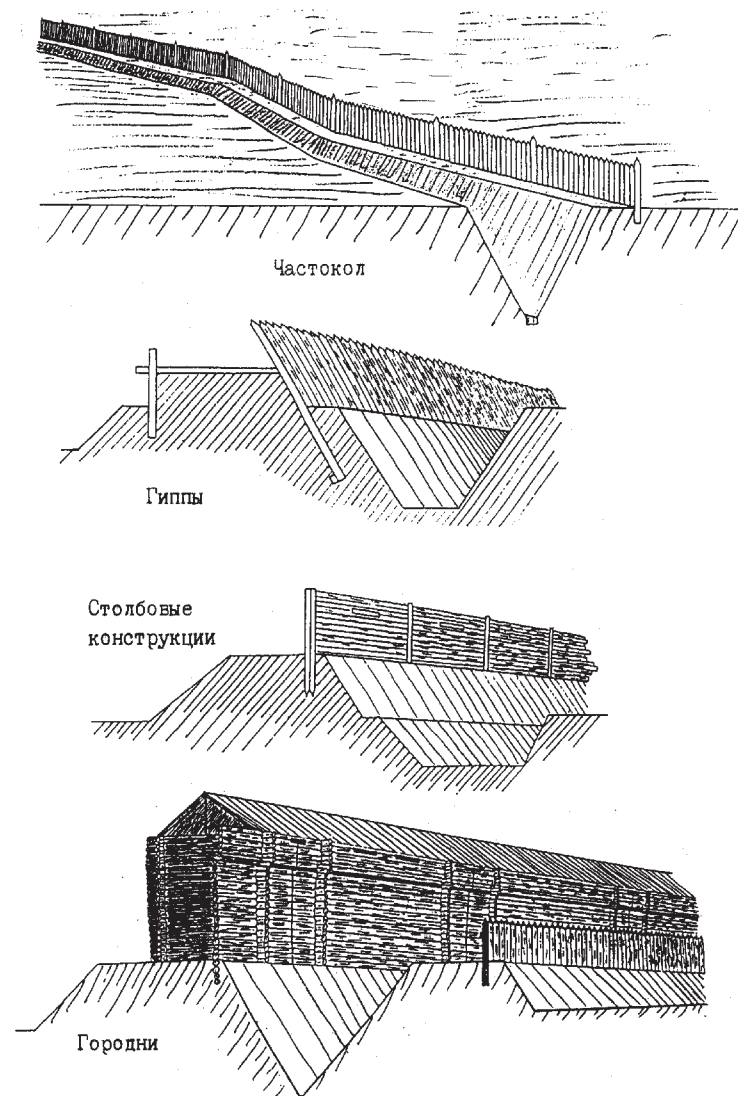

Рис.43. Характерные типы укреплений булгарских городов.

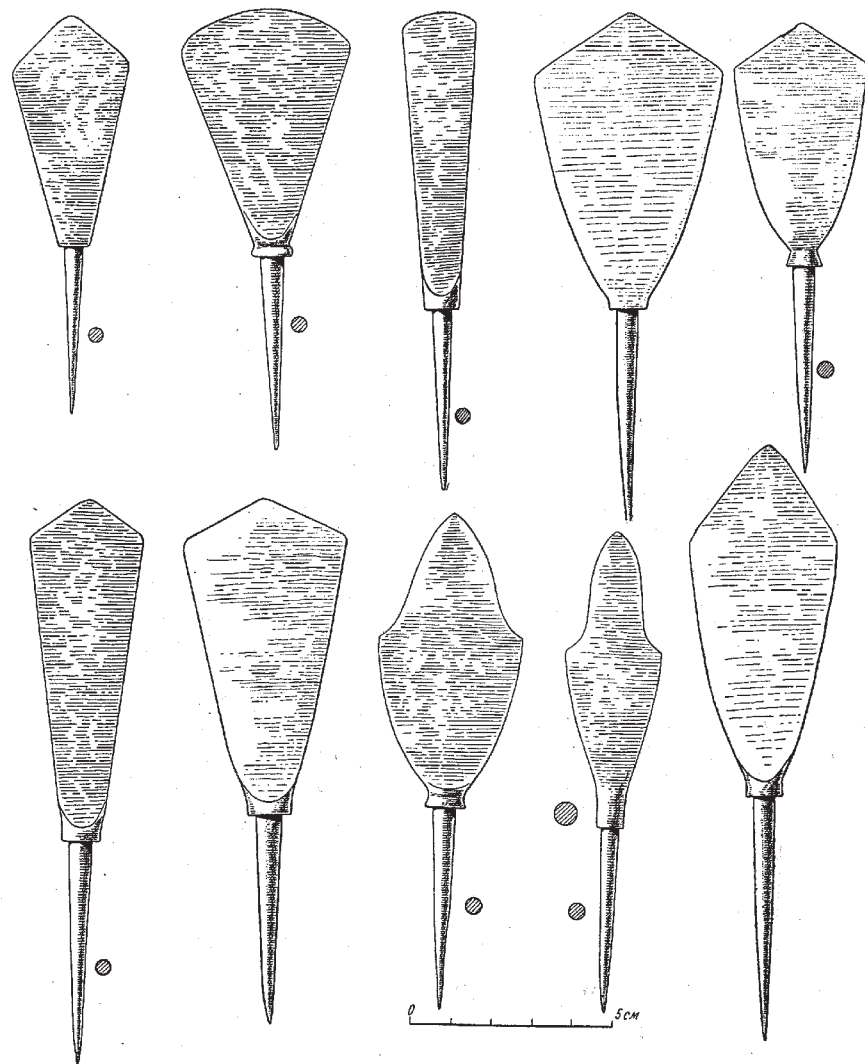

Рис.44. Монгольские наконечники стрел из слоя разрушения Биляра.

Р.Ф.Шарифуллин

БУЛГАРСКИЙ ГОРОД ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

Вступив осенью 1236 года на территорию Поволжья, монгольские войска к началу следующего лета полностью завоевали земли болгар. Источники отмечают ожесточенное сопротивление и неоднократные восстания населения Волжской Булгарии вплоть до конца семидесятых годов XIII века, но, тем не менее, это государство, уже три столетия существовавшее к тому времени на берегах Волги и Камы, потеряло свою независимость.

Волжская Булгария была известна как страна городов. Слышавший о жестоком разгроме Булгарии венгерский монах Юлиан сообщал, что монголы захватили 60 весьма укрепленных замков. Слой пожарища 1236–1237 гг. и, не исключено, следы погромов, связанных с подавлением восстаний 1238–1241, 1277–1278 гг., зафиксирован археологами при исследовании всех крупных городских центров Волжской Булгарии, причем, если на одних памятниках обнаруживаются многочисленные останки защитников под развалинами разрушенных зданий, то на других крайняя скудность вещевых находок и отсутствие человеческих костяков в слое разрушения свидетельствуют о том, что, вероятно, жители были предупреждены о приближении монгольских войск и покинули города. К этому следует добавить, что более ста городищ из 190, датируемых археологами домонгольским временем, не имеют культурных отложений последующего, золотоордынского времени, что свидетельствует об их заброшенности в результате нашествия. Археологами отмечается как общая тенденция уменьшения численности болгарских памятников на территории современного Татарстана (от 1200 – в домонгольское время, до 400 – в золотоордынский период), так и появление новых в северных, более спокойных, областях бывшего государства, как например, в Предкамье – в бассейне реки Казанки, в низовьях Свяги и Белой. Но, несмотря на заметную миграцию населения, особенно в первые годы, основная его масса вплоть до се-

редины XIV века продолжала жить в районах прежнего обитания. Восстанавливались некоторые города, в том числе и такие крупные центры как, например, Болгарское и Джукетауское городища. Была предпринята, но по каким-то причинам прервана, попытка возродить город на новом месте, рядом со старым, уцелевшими жителями домонгольского Биляра. Были возведены достаточно мощные укрепления, охватившие площадь ненамного уступающую площади старого города, но этот новый город так и остался не обжитым (Балынгуское или II Горкинское городище к северу от Билярского городища, на правом берегу Черемшана), а население продолжало жить между старым и новым городом открытым (без укреплений) поселением. В 80-е годы XIII столетия здесь даже чеканили монеты.

Археологические раскопки Суварского городища, проведенные в 1970-е и 90-е гг., не подтвердили прежнюю точку зрения о возрождении города в золотоордынское время на старом месте, но вполне согласуются с предположением, что жители его переехали на новое место в 5 км восточнее (Свар гора) или южнее в район современного села Иске Рязяп. Возвращалось население и в другие районы исконного своего обитания, что объясняется, вероятно, некоторой стабилизацией обстановки в регионе во второй половине XIII и первой половине XIV вв.

Войдя, наряду с другими областями, в состав Правого крыла Улуса Джучи (позднее получившего название Золотая Орда) Волжская Булгария с ее высоким экономическим потенциалом, с развитой системой государственного управления и монотеистской религией представляла значительный интерес для монгольских ханов с точки зрения экономической выгоды и легкости управления, что и объясняет их стремление обеспечить спокойствие на подвластной теперь территории Волжской Булгарии. В то же время, наличие высокоорганизованного государственного образования у себя в тылу, вынуждало их, подстраховываться и держать здесь значительные силы для поддержания порядка. Возможно, этим же объясняется и то, что в 1242 году Бату-хан при основании Золотой Орды в качестве ее первой столицы избрал именно город Булгар на Волге – одну из прежних столиц захваченной им страны. Здесь, как полагал известный нумизмат и археолог Г.А.Федоров-Давыдов, был налажен чекан самых первых ордынских монет с именем мусульманского халифа ан-Насир лид-Дина, чем подчеркивалась религиозная значимость

события. Сюда же, в Булгар, по сообщению источников, в 50-е годы XIII века приходили просить у Батыя ярлыки на княжение русские, армянские и болгарские князья. Не только при Бату-хане, но и позднее при Менгу-Тимуре, Берке-хане и особенно при Узбеке, Булгар продолжает оставаться одним из главных экономических, торговых, культурных и культовых центров Золотой Орды.

Безусловно, Волжская Булгария и в золотоордынское время оставалась страной городов. Но города здесь, как и в других подчиненных Орде землях, как правило (вплоть до начала-середины XIV века), были открытыми, т.е. без укреплений. Находки монет, материалы аэрофотосъемок и археологических разведок предполагают наличие целого ряда крупных поселений, объединяющих, в свою очередь, вокруг себя по несколько более мелких, которые существовали в период Золотой Орды. Не всегда удается их локализовать или идентифицировать древнее название, что объясняется, прежде всего, слабой археологической изученностью. Таковыми являются Джукетау, Биляр, Кашан, Кирман, Урматский и Именьковский комплексы памятников, Казань, Кирменское городище, Тубылгы-Тау, Чалыньское, Сюкеевское и Тетюшское городища и др. На некоторых из этих памятников в последние годы проводились эпизодические археологические исследования ограниченными площадями. Лишь Болгарское городище (Булгар), на котором первые раскопки были заложены еще в 1864 году, планомерно изучается археологами с 1938 года (до 70-х годов под руководством А.П.Смирнова, позднее Т.А.Хлебниковой, М.Д.Полубояриновой и др.).

Многолетние исследования Болгарского городища позволили археологам выработать стратиграфическую шкалу культурных отложений на памятнике, в которой к золотоордынскому времени жизни города относятся слои IVp (раннезолотоордынский, накопившийся с середины XIII до начала XIV вв.) и IVn (поздnezолотоордынский, с начала XIV до середины XV вв.).

Накопление первого из них происходило практически в пределах бывшей территории домонгольского города состоявшего из двух частей: верхней, располагавшейся по верхнему краю коренной террасы и, отделенной от нее руслом небольшой речки Меленки, – нижней, занимавшей надлуговую террасу левого же берега Волги.

В результате археологических раскопок выявлена масса жилых, ремесленных и хозяйственных построек и сооружений. Удалось установить, что именно с раннезолотоордынским слоем связано стро-

ительство некоторых монументальных сооружений из кирпича и камня, таких как Соборная мечеть и двух общественных бань. Как считают исследователи Булгара, к концу этого периода уже полностью сформировался облик той части города, где располагался общественно-административный и торговый центр города с наиболее крупными, монументальными постройками (мечеть, дворцовые сооружения и усыпальницы представителей знати, городской рынок с ремесленными мастерскими при нем и др.).

Замерев на некоторое время, жизнь Булгара возродилась, причем именно на этом памятнике археологами отмечается одна особенность, фиксируемая на всех центральных раскопах и свидетельствующая о том, что жители вернулись практически сразу же после взятия города монгольскими войсками, когда он еще дымился от пожаров, и приступили к его восстановлению – еще горячие угли, сажа и зола были засыпаны слоем чистого песка толщиной до 10 см. Впечатляет масштабность этого мероприятия, проведенного, очевидно, с санитарной целью. Содержание раннезолотоордынского (IVр) слоя говорит о весьма интенсивной жизни города. Например, только в центральной части выявлено раскопками более 200 жилых и хозяйственных сооружений и прослежено до четырех-шести строительных горизонтов. Раннезолотоордынские жилища представлены преимущественно наземными срубными домами с подпольями и глинобитными печами, а полуземлянки, служившие, возможно, первыми жилищами горожанам вернувшимся на пепелище, отмечены, в основном, в основании слоя, причем наибольшее их количество приходится на районы примыкавшие к домонгольским рвам. В более поздних горизонтах слоя подобные постройки единично встречаются в центральной части городища как временные жилища строителей таких монументальных сооружений как Соборная мечеть, каменные мавзолеи-дюрбе и т.д. Вблизи жилых домов, на всех раскопах центральной части городища, вскрыты многочисленные хозяйственные сооружения представленные зерновыми ямами, ямами-погребями, наземными и слегка заглубленными клетями-амбарами и т.д.

Вторая половина XIII – начало XIV в. – период накопления слоя IVр в процессе восстановления Булгара, шедшего весьма нелегко, о чем можно судить по затянувшемуся строительству Соборной мечети, продолжавшемуся более 50 лет. Тем не менее, к концу ранне-

золотоордынского периода экономика Булгара не только достигла домонгольского уровня, но и вступила в период нового расцвета.

Так, первоначально, с возвращением жителей в разрушенный Булгар ремесленные мастерские восстанавливались и создавались на старых местах к западу от центра. Археологически здесь прослежены остатки меднолитейного и кожевенного производств, мастерские по обработке цветного и черного металлов, кости, стекла и керамики. Одновременно, осваивались и новые районы, например, заречье, где наряду с остатками жилых домов были выявлены гончарные мастерские с ямами для вылеживания глины, дома торговцев и кузнецов, следы металлургического производства с горнами и производственными отходами.

Раннезолотоордынским временем датируются строительные горизонты многих монументальных построек Булгара. Сразу же после возвращения жителей начинается строительство Соборной мечети, которое завершается к концу этого периода. В 90-х годах XIII столетия возводятся два мавзолея-дюрбе в непосредственной близости от Соборной мечети, где, по видимому, были захоронены наиболее знатные горожане, так как вплоть до завершения строительства мечети, рядом существовало кладбище. В это же время, примерно в 250 метрах к юго-востоку от мечети начинает функционировать одна из крупнейших общественных бань города («восточная» или «ханская» баня, расчищенная археологами в последнее десятилетие). А завершение накопления слоя Vр отмечается появлением еще одной такой бани у подножия склона верхней террасы. Она как все другие была возведена из камня и обожженного кирпича. Следует отметить, что если в домонгольское время мы знаем лишь единичные белокаменные сооружения булгар (крепость – мечеть на Елабужском Чертовом городище, Соборную мечеть в Биляре и остатки крепостной стены в Казанском кремле), то в золотоордынский период даже на одном Болгарском городище их отмечено около десятка. Исследователи склонны считать, что столь мощный импульс развития каменного зодчества, связан с прибытием еще в двадцатые годы XIII столетия строителей-каменотесов прибывших в Булгар среди армянских беженцев.

Строительство крупных каменных зданий в центре города было начато в 40–60-х годов XIII в. Соборная мечеть первоначально имела прямоугольный (32 x 34 м) план с семью нефами, разделенными 20 гранеными каменными колоннами, установленными в

пять рядов, на которые опирались несущая аркада и деревянная кровля. Главный северный фасад имел арочный портал входа и примыкавший к нему высокий минарет, рухнувший в 1841 г. Стены храма со всех сторон были укреплены наружными контрфорсами, воспринимавшими нагрузку от распора аркад. Подошва фундамента, заглубленная до 2 метров, покоилась на грунте, укрепленном путем забивки дубовых свай–коротышей – прием отмеченный и в болгарских постройках домонгольского времени. В стенах и углах здания, для укрепления кладки, были заложены дубовые связи. В южной стене аркадного зала была устроена алтарная ниша – михраб. По форме и конструкции первоначальный храм весьма близок домонгольской мечети исследованной на Билярском городище в 1973–1974 гг. и принадлежит к типу восточных зальных мечетей с многорядными опорами, порталным входом и одним асимметрично построенным минаретом.

В конце XIII, а затем, в начале XIV вв. Соборная мечеть подверглась двум крупным реконструкциям. Перекладываются стены храма на более прочном растворе с примесью каменной крошки, четырехгранные столбы первоначальных опор заменяются на изящные восьмигранные, устанавливаются дополнительные опоры вдоль стен под антресолями, в нижнем ярусе боковых стен устраиваются два дверных и четыре оконных проема, а к четырем наружным углам мечети пристраиваются мощные башни, кроме крепостных функций выполнявшие и роль угловых контрфорсов. По материалам кладки и техническим приемам мечеть напоминает постройки Закавказья, Крыма, Малой Азии и Месопотамии. В то же время в ней нашли отражение стилистические особенности и мотивы архитектуры Средней Азии с учетом местных климатических условий. Основные элементы планировки здания были выявлены еще А.Штукенбергом при расчистке «Четырехугольника» в 1892 году, а в 1964–1970 гг. совместные исследования археологов (А.П.Смирнов, А.С.Воскресенский) и архитекторов (С.С.Айдаров) позволили не только провести тщательный историко–архитектурный анализ полученных в результате раскопок материалов, но и впервые приступить к масштабным реставрационно–консервационным работам. В начале 90–х годов на Чертовом городище близ Елабуги в результате археологических раскопок были изучены руины крупного каменного сооружения, интерпретированного А.Х.Халиковым и С.С.Айдаровым как остатки болгарской мечети–крепости XII в., имеющей прямые

аналогии с Соборной мечетью Булгара, что подтвердило наличие местных истоков в болгарском каменном зодчестве золотоордынского времени.

В первые десятилетия XIV века с восточной и северной стороны мечети были построены два каменных мавзолея, принадлежащие к типу восточных дюрбе с выносным порталом и прямоугольным внутренним помещением, плавно переходящим, благодаря пирамидальным тропам в восьмигранный ярус изнутри и снаружи, на котором покоился полусферический свод. Для улучшения акустики во внутренних углах Восточного мавзолея вмурованы керамические голосники. По объемно–планировочному решению эти мавзолеи родственны среднеазиатским, а по материалу и технике строительства – мавзолеям Закавказья и Крыма. Наибольшее сходство болгарских дюрбе исследователи видят в мавзолее «Кэшэнэ» на территории современного Башкортостана, некогда входившей в сферу влияния Волжской Булгарии.

В первой половине XIV века, очевидно, уже полностью сформировался весь центральный комплекс архитектурных памятников Булгара, куда, кроме описанных выше сооружений, входил и Царский (Ханский) дворец. По некоторым описаниям он располагался примерно в 6–10 сажнях к северу от Соборной мечети (т.е. месте построенной в 1732 г. Успенской церкви), но археологического подтверждения эти сведения пока не нашли. К юго–западу от этого комплекса в середине 80–х годов археологами (М.Д.Полубояринова, Г.Ф.Полякова и др.) были начаты работы по изучению крупного торгово–ремесленного центра, возможно остатков городского рынка с лавками–мастерскими, связанными с изготовлением и продажей изделий из стекла, кости, ганча и т.д., непосредственно примыкавшего к административному центру. Здесь же в центральной части исследованы дома мастера–кожевника и медника. По соседству располагались железоделательные мастерские, существовавшие с X по XIV вв., но металлургические горны золотоордынского времени отличаются уже большим совершенством – они конической или цилиндрической формы, сложены из сырцово–глины и обломков кирпича (а в середине XIV в.– целиком из сырцового кирпича на глиняном растворе). Были найдены и еще более совершенные горны типа шукофена с множеством воздухоудных отверстий, расположенных по стенкам в определенном порядке, что обеспечивало больший коэффициент полезного действия и получение более од-

народного и чистого металла. Бул–гарские металлурги первыми в Восточной Европе научились плавить чугун в XIV в., что наглядно показали раскопки 1948 г.

В центре города, рядом с металлургическими мастерскими, археологическими раскопками были выявлены и следы других производств. Изучение кузнечных мастерских показало наличие специализации этого вида ремесла. Здесь же были прослежены остатки жилых домов ремесленников, располагавшиеся рядами, образующими улицу. Ремесленный район прекратил свое существование в 1361 году, после погрома города войсками Булак–Тимура. Позднее на этом месте возник жилой квартал богатых горожан, проживавших в домах сложенных из сырцового и жженого кирпича и имевших в плане несколько помещений. Такие же дома известны по материалам раскопок и к югу от центрального комплекса в районе Черной палаты.

Из объектов, строительство которых связано с раннезолотоордынским временем существования города следует отметить руины крупнейшей на Болгарском городище общественной бани, расположенной у восточного склона т.н. Иерусалимского оврага, исследованной в 1984–1994 г. Эта вытянутая с запада на восток на 39 метров постройка имела типичную для Булгара и в целом для «восточных» бань планировку. Она имела несколько помещений отличавшихся функциональным назначением. Вход в нее вел в квадратное помещение раздевальни (предбанник) с автономно подогреваемой суфой–лежанкой, сложенной из сырцового и обожженного кирпича, из которой, через промежуточное помещение компенсирующее разность температур, посетители попадали в центральную часть бани. Основу его составлял крестообразный в плане зал, между ответвлениями которого располагались четыре моечных помещения. С восточного торца здания примыкала служебная часть постройки с остатками цистерн для горячей и холодной воды. Центральная отопительная печь овальной в плане формы была устроена под одной из цистерн по продольной оси бани внутри специально возведенной прямоугольной платформы и тремя коренными каналами соединяла разветвленную систему подпольного отопления всех помещений бани, за исключением предбанника–раздевалки и тамбура. Вмурованные в кладку стен и проложенные под полом гончарные трубы образовывали системы водоснабжения и канализации. К востоку от бани, в нескольких метрах от топочного поме-

щения, раскопками выявлен водоем–накопитель («хауз»), представляющий собой круглую чашевидную яму диаметром около 6–7 метров и глубиной около 1 метра с углублением–отстойником у одной из стенок.

Археологическими раскопками на территории золотоордынского Булгара выявлено еще 5 общественных бань различной сохранности. На верхнем плато это известная «Белая палата» (изучалась в 1887, 1979–1983 гг.), у подножия берега, ниже комплекса Соборной мечети, – «Красная палата» (исследовалась в 1938–1940 гг.) и здесь же, а также в заречной части остатки еще трех бань, отличавшихся размерами, материалом строительства и богатством находок. Три последние бани функционировали в первой половине XIV века и были разрушены в 1361 году. Белая палата была восстановлена и еще какое то время действовала, и только Красная палата существовала до гибели города в 1431 г. В целом, независимо от социального предназначения, качества строительных материалов (камень, кирпич) и даже времени строительства – планировочная основа этих построек и отдельные приемы конструктивных решений оставались близкими. Бани Булгара, как и все восточные хаммам или римские термы выполняли не только утилитарно–санитарное назначение. В процессе их раскопок часты находки шашек, шахматных фигурок, фрагментов дорогой китайской, иранской, хорезмской и кавказской посуды. С конца XIII века, как уже упоминалось, интенсивно начинает заселяться заречная часть городища (правый берег р. Меленки в луговой части), причем основную часть населения составили ремесленники, о чем свидетельствуют следы гончарных мастерских с горнами для обжига посуды и ямами для вылеживания глины, остатки металлургического производства, печи для выжигания извести и рядовые жилища. Северо–восточную часть района занимал древнерусский поселок с полуземляночными жилищами, которые также были заселены ремесленным людом, что подтверждается находками орудий труда ювелиров, косторезов, металлургов и меднолитейщиков. «Стерильный» слой грунта, перекрывающий остатки этого поселка, свидетельствует, что и здесь жизнь прекратилась где–то в середине XIV в.

Строительство крупных кирпично–каменных сооружений у подножия и по краю верхней террасы городища потребовали укрепления склона берега, что и было успешно решено жителями города соорудившими дренажно–ряжевую систему защиты берега. Архео-

логами выявлены гидротехнические сооружения протяженностью около 57 метров, состоявшие из водосборных и поглощающего колодцев, соединенных дубовыми желобами перекрытыми деревянным настилом. Выше по склону удалось проследить остатки срубов, забитых землей и щебнем (ряжи), надежно укреплявших склон от размыва вешними водами.

В первой половине и середине XIV столетия город значительно разрастается, появляется линия укреплений протяженностью около 7 км, которая опоясывает подтреугольную (вершиной на юг) площадь верхнего плато городища. Строители умело использовали естественный рельеф местности, включая или учитывая при создании системы обороны существующие овраги и озера. С южной и юго-восточной стороны, где не было естественных препятствий, насыпь вала выше и рвы глубже. Перед рвом были устроены снаружи дополнительные препятствия в виде вбитых в землю заостренных кольев. Рвы, на дне которых также имелись колья, вероятно, заливались водой из верхних озер. Поверх валов шла деревянная стена толщиной до двух метров, от которой удалось проследить следы двух параллельных рядов столбов. Промежутки между столбами в каждом ряду забирались горизонтально уложенными бревнами. Возможно, промежуток между этими оплотами засыпался землей. Приблизительно на расстоянии полета стрелы стена укреплялась шести или восьмигранными деревянными башнями, следы 14 из которых прослежены археологически.

В это же время, на самой южной оконечности Булгара, начинается (но не завершается) строительство комплекса каменных сооружений известных в литературе под названием Малого городка. Этот комплекс входил в общегородскую оборонительную систему, но в то же время, по мнению исследователей (Л.А.Беляев), создавался как представительный, репрезентативный парадный. Он имел собственные укрепления, массивные въездные ворота с каменными башнями-пилонами, небольшое здание для омовений и еще одно каменное здание внутри трапецевидной площадки, огороженной валами. По планам прошлого века здесь отмечено до 8 руин каменных зданий и место водоема, поэтому памятник нуждается еще в дальнейшем изучении. Неизвестно его настоящее название, не определено назначение, хотя и высказывались различные предположения – пригородной караван-сарай, сторожевой форпост, загородная резиденция и т.д.

Примерно тогда же и чуть позже начинают осваиваться южные и юго-восточные районы города, где возникает кладбище городской знати с каменными мавзолеями-дюрбе, строится комплекс т.н. Ханской палаты (двухкамерный мавзолей) с Малым минаретом, возводится один из самых загадочных памятников Булгара – Черная палата, напоминающая внешним обликом знаменитый Мавзолей Исмаила Самани X в. Близ оборонительных сооружений в юго-западной части городища в 1948, 1969, 1980–х годов у Голланского озера («галанки» – глиняные черепки) раскопками изучен район обитания и деятельности ремесленников – гончаров, медников и кузнецов. Гончарные мастерские с одним, двумя и четырьмя горнами, запасы сырьевой глины в ямах и битый керамический брак выявлены почти по всему берегу озера, а следы выплавки и обработки меди отмечены на северо-восточном берегу. Жилища в этом поселке, существовавшем в первой половине XIV в. (до 1361 г.), представлены в основном землянками, хотя раскопками зафиксированы и подполья наземных срубных домов с глинобитно-кирпичными печами, причем исследователи отмечают наличие двух строительных горизонтов при относительно редкой застройке и определенную спланированность поселка с четкой ориентированностью построек по сторонам света.

Окраинные ремесленные слободы города, судя по материалам археологических раскопок, почти все были уничтожены войсками Булак-Тимура в 1361 году. Тем самым последствия смуты в Золотой Орде сказались отрицательно не только на экономике Булгара, но и более широкой округи. В то же время, ордынские ханы и претенденты на правление вряд ли были заинтересованы в полном уничтожении города, чем можно объяснить скорее восстановление его центра, хотя и на более низком экономическом уровне, что тем не менее позволяло ему вести торговлю и обеспечивать ремесленной продукцией оставшееся население. Лишь торгово-ремесленный поселок на урочище Ага-Базар, возникший еще в домонгольский период в 7 км западнее городища у впадения Меленки в Волгу, не только продолжал существовать, но во второй половине XIV – начале XV вв. жил даже более интенсивной жизнью, чем Булгар.

Конец позднезолотоордынского периода дает картину постепенного угасания жизни города. Вся вторая половина XIV и первые десятилетия XV вв. отмечены в истории города и всей страны чередой набегов и военных столкновений, что достаточно ярко отражается

археологически в виде следов многочисленных пожаров и разрушений в раскопах центральной части памятника. По видимому, именно тогда, завершается процесс полного обособления бывших территорий Волжской Булгарии на ряд отдельных областей (княжеств) со своими центрами. До 20–х годов XV столетия Булгар еще имеет свои деньги но уже в 1400 году появляются первые монеты с чеканом Булгара ал–Джадид (Новый Булгар или Казань). Набеги русских князей и ушкуйников, воспользовавшихся распрями среди ханов Золотой орды и сепаратистскими устремлениями местных болгарских правителей, настолько ослабили эти центры, что очередной поход русских войск, посланных Василием II против болгар, под руководством князя Федора Пестрого в 1431 году привел к гибели Булгара, так и не сумевшего впоследствии возродить свою мощь. Подобная же участь постигла и многие другие города булгар, а центр экономической и политической жизни страны сместился на север – в районы, набиравшей силы Казани.

ОЧЕРК 17.

Е.П.Казаков

ЧИЯЛИКСКАЯ КУЛЬТУРА

Как отмечалось в предыдущих разделах, в формировании этноса и культуры волжских булгар в раннеболгарский и домонгольский периоды самое непосредственное участие принимали племена уральских угров. В их числе находились группы, специфической чертой культуры которых с глубокой древности являлась лепная круглодонная керамика со шнуровой и гребенчатой орнаментацией. Продолжателями постпетрогромской культуры (см.выше) являлись племена чияликской* культуры, выделенной Е.П. Казаковым в 1978 г., которые в золотоордынское время занимали широкую территорию от Восточного Закамья до Зауралья. В настоящее время известно 26 чияликских могильников, на которых изучено свыше 700 погребений, а также свыше 20 селищ. Наиболее полно изученные памятники находятся в Актанышском и Мулюсмовском районах Татарстана. Так, на Такталачукском, 1 Азметьевском и Дербешкинском могильниках в Актанышском районе исследовано около 500 захоронений, совершенных, в основном, по мусульманскому обряду.

Погребенные находились в неглубоких ямах (более 50% могил имели глубину до 35–40 см). В соответствии с кыблой их помещали головой на запад, обычно с отклонением к югу, слегка повернуто на правый бок с тем, чтобы лицо было обращено к югу, в сторону Мекки. Однако нередко этот обряд нарушался. Так, в некоторых погребениях Такталачукского могильника лицо было обращено вверх и даже на север. Другим нарушением мусульманской обрядности является то, что многие погребения сопровождал вещевой материал: височные украшения, бусы, перстни, монеты ханов Узбека и Джанибека. Многие из украшений были изготовлены ремесленниками Волжской Булгарии.

* Названа по поселению, изученному Е.П.Казаковым в 1969 г. у д.Чиялек (Чиялик) в Актанышском р-не.

Явными пережитками языческой погребальной обрядности являются следы культа огня в виде кострищ, угольков и обожженной глины в засыпи могил или рядом с ними. В некоторых захоронениях отмечены остатки погребальных масок из кожи, на которой рот и глаза отмечались нашитыми серебряными пластинами. В погребениях младенцев, видимо, еще не успевших пройти обряд посвящения в новую религию, продолжали ставить характерные для уральских угров лепные круглодонные горшки с веревочно–гребенчатой орнаментацией (рис.45).

По нумизматическому материалу вышеотмеченные чияликские могильники восточного Закамья датируются XIV в., может быть, даже его второй половиной. Некоторые элементы их обрядности (небольшая глубина могил, отклонение погребенных от западной ориентировки к югу и т.д.) сближают их с раннемусульманскими могильниками волжских болгар второй половины X в. (Танкеевский, Тетюшский и др. могильники). Так что их можно назвать раннемусульманскими некрополями, но для данных регионов.

Синхронными для отмеченных могильников являются Чияликское, VI Меллятамакское, Игимское и другие селища этой культуры. На них зафиксированы остатки жилищ, круглодонная посуда с гребенчато–шнуровой орнаментацией, напоясла, железные и бронзовые изделия. Небольшой культурный слой этих памятников свидетельствовал о непрочной оседлости населения, оставившего их.

Большое число чияликских памятников изучено Г.Н.Гарустовичем и другими археологами на территории Башкортостана. В могильника также отмечены мусульманские захоронения с элементами языческой обрядности. На поселениях исследованы жилища в виде деревянных домов, а также юрт. В культуре прослеживается сильное влияние волжских болгар. Так наряду с круглодонной посудой, украшенной веревочно–гребенчатой орнаментацией, часто встречается болгарская круговая посуда. Встречено немало железных сельскохозяйственных орудий (серпов и кос) также аналогичных болгарским изделиям.

Плано Карпини в середине XIII в. называл территорию, ныне связываемую археологами с чияликской культурой, страной Баскарт или Великой Венгрией. В сообщении Рубрука этого же времени отмечалось: “Язык паскатири и венгров один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой

Булгарией... Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры...”

Материалы памятников чияликской культуры представляют уникальные данные о времени и характере принятия угорским населением Приуралья мусульманства. Многовариантность погребальной обрядности этого региона свидетельствует, что становление монотеизма в регионе происходило в борьбе мусульманских сект между собой, а также с миром язычников. Этому могло способствовать то, что сюда ислам мог проникать как с запада – со стороны Волжской Булгарии, так и с юго–востока – из Средней Азии. Рубрук, в частности, сообщал: “То, что я сказал о земле паскатири, я знаю через братьев–проповедников, которые ходили туда до прибытия татар и с того времени жители ее были покорены соседями булгарами и сарацинами и многие из них стали сарацинами” (т.е. мусульманами).

Практически в этом отрывке сообщается, что одновременно с мусульманизацией происходила тюркизация приуральских угров. Ко второй половине XIV в. значительная часть “Великой Венгрии”, видимо, была занята сдвинувшимися к северу еще в XIII в. вследствие монгольского завоевания, поздними тюркоязычными, в основном, кыпчакскими, кочевниками, близкими по образу жизни кочевым уграм. Об этом свидетельствует материал Байряки–Тамакского могильника, изученного в Бавлинском р–не Татарстана. Он датируется XIV в. и оставлен кыпчаками.

В это же время в восточные районы Татарстана все более активно переселяются волжские булгары, спасающиеся от жестоких разорений своих центральных областей. Судя по Бикбулловскому, Меллятамакскому селищам на р.Ик они проживали совместно с чияликским населением. Лишь в отдельных северных прикамских районах сохранились группы населения с заметными элементами культуры приуральских угров. В дальнейшем они были полностью тюркизированы, войдя в состав башкир и казанских татар, хотя и в настоящее время у иштяков сохраняются элементы культуры угров (налобные повязки–хараусы, пластинчатые варганы и т.д.).

Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдиков

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАЗАНЬ

Археология Казани относится к числу интереснейших и в то же время недостаточно разработанных проблем средневековой истории татарского народа. Являясь первоначально лишь небольшой пограничной крепостью и торговым форпостом на северной окраине Булгарского государства, Казань впоследствии превратилась в крупнейший экономический и культурный центр обширного Поволжско-Уральского региона. На различных этапах своей долгой истории она носила статус столичного города и сыграла очень важную роль в многовековых судьбах татарского, русского и многих других народов Евразии.

Первоначальная Казань, вернее, укрепленная часть ее, как это установлено последними исследованиями археологов, занимала северную оконечность современного Кремлевского холма, расположенного в устье реки Казанки на левом берегу Волги. Город был заложен на месте, которое, по описанию автора "Казанской истории" второй половины XVI в., было "пренарочито и красно велми, и скотопожитно, и пчелисто, и зверисто, и рыбно, и всякого угодия много, яко не можно обрести другого такого места по всей Русской нашей земле, нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостию и угодием человеческим, не вем же [не знаю], аще есть будет [есть ли] в чужих землях".

Благоприятные природно-географические условия района современной Казани издавна, еще до появления здесь булгар, привлекали внимание первобытных обитателей края. Обширные поймы и долины, раскинувшиеся к западу от Кремлевского холма и известные позднее как красивые Царевы луга, которые "травую мною зеленыя, и цветы красяся", а также надлуговые террасы, покрытые песчаными дюнами, создавали исключительные удобства для расселения здесь древнейших рыболовов и охотников. Для населения периода раннего железа, предпочитавшего размещать свои

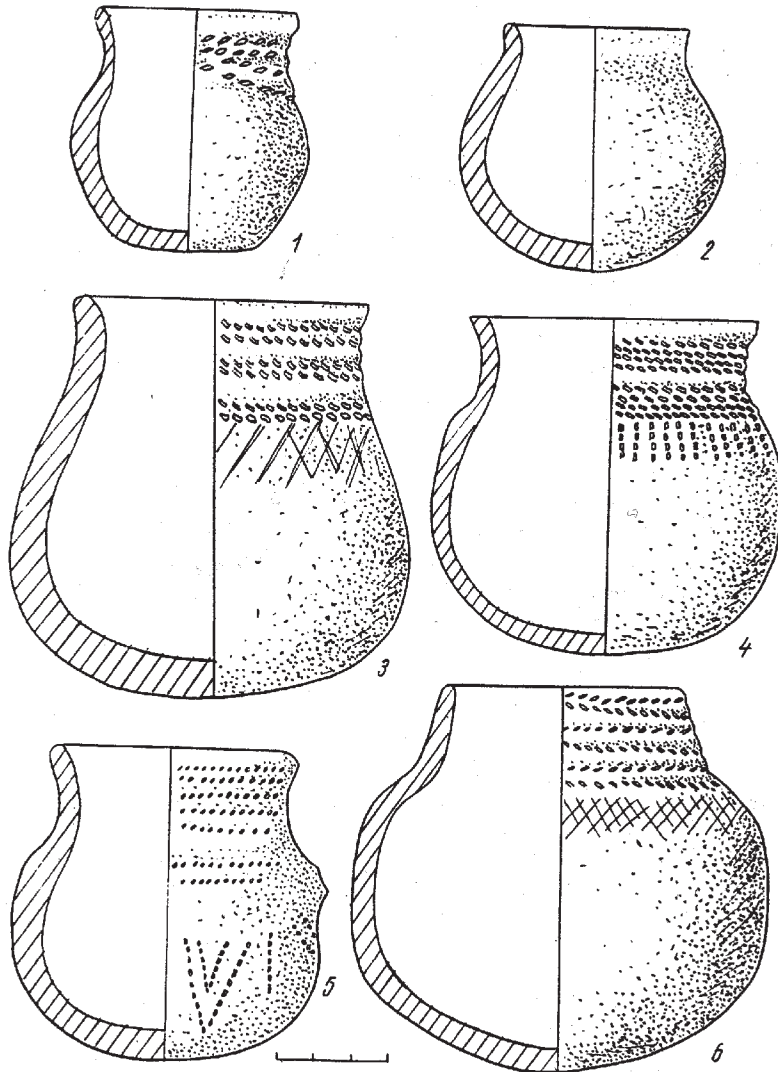

Рис. 45. Керамика чияликской культуры из погребений Такталачукского могильника.

поселения на естественно укрепленных местах, имелись окруженные крутыми склонами и оврагами мысы на высоком левом берегу Казанки.

Следы первобытных людей, которые обитали в пределах современного города в эпоху мезолита, были выявлены еще в прошлом веке на северной окраине пос. Савиново на дюне высокой поймы правого берега Казанки и в некоторых других пунктах. Любопытно, что кремневые отщепы и пластины, определенные специалистами как мезолитические, происходят также из раскопок Казанского Кремля.

Еще более населенной становится территория современного города в эпоху неолита. Стоянки волго–камской неолитической культуры открыты в урочище “Вороний куст”, на месте более позднего городища “Казанка II” (за ул. Новаторов в Советском районе), к юго–востоку от пос. Савиново и т.д.

На рубеже III–II и в первой половине II тыс. до н.э. в приустьевой части Казанки проживали энеолитические волосовские племена – далекие предки финноязычных народов Восточной Европы. Их поселения располагались в районе ул. Гривка, на Сухой Реке, у Центрального парка культуры и отдыха и в некоторых других местах.

Памятники второй половины II – начала I тыс. до н.э. представлены многочисленными поселениями приказанской археологической культуры, продолжающей поздневолосовские традиции. На Бакалдинской стоянке и у водной станции “Локомотив” обнаружены, помимо керамики, бронзовый кельт, белокаменная литейная форма для отливки ножа и наконечника копья. Среди всех памятников выделяется упомянутое выше городище “Казанка II” – остатки древнейшего укрепленного поселения в крае. Находки отдельных фрагментов позднеприказанской керамики были зафиксированы в раскопках Казанского кремля.

В эпоху раннего железа (VIII–V вв. до н.э.) в Казанском Поволжье обитали ананьинские племена. Один из значительных памятников этой культуры – городище “Казанка I”, расположенное на мысу левого берега Казанки примерно в 500 м к северо–западу от ул. Новаторов. Археологи выявили здесь мощные, до 1,5–2 метров толщиной, культурные напластования, отложившиеся в течение почти двух тысячелетий, начиная от ананьинского времени. Кроме собственно ананьинской посуды (круглодонные горшки с толченой раковинной в тесте и ямочно–шнуровой орнаментацией), в слое VIII–V

вв. до н.э. обнаружены обломки круглодонных и плоскодонных сосудов, поверхность которых украшена “текстильными” отпечатками. Последние характерны для керамики западных соседей ананьинцев – городцево–дьяковских племен.

С конца V в. до н.э. до I–II столетий н.э. окрестности города Казани, как и другие районы Нижнего Прикамья, были редко населенной территорией. Лишь в I–II вв. н.э. здесь появились племена, памятники которых археологи связывают с материалами андреевско–писеральского круга. К данному кругу материалов следует относить украшения в виде бронзовых сапожковидных привесок, найденных на территории Казанского кремля в 1879 году.

В III–VI вв. н.э. бассейн реки Казанки заселяется племенами азелинской культуры, сформировавшейся на позднепьяноборской основе. Типично азелинскими являются материалы могильника у Старого стекольного завода (район бывшего Казанского речного порта), раскопанного в 1898 г. Среди находок из погребений примечательны наборы украшений и принадлежностей женского костюма (поясов с эполетообразными застежками и халцедоновыми дисками, височных привесок и головных уборов), а также вещи из погребений мужчин (наконечники копий, железные мечи, проушные и втульчатые топоры). К азелинской культуре относится также верхний слой городища Казанка II. В нем найдены остатки глиняной круглодонной неорнаментированной посуды, железный плоскоромбический с шипами наконечник стрелы, обломок глиняной формы для отливки эполетообразных застежек и другие предметы III–VI вв. н.э.

Азелинская культура считается одним из основных компонентов в сложении культуры и этноса древнемарийских племен. Поэтому неудивительно сохранение этого населения в районе будущей Казани вплоть до X–XI вв. и даже позднее, когда районы Предкамья, в том числе и бассейн Казанки, были заняты волжскими булгарами. Характерная для средневековой культуры марийцев лепная плоскодонная керамика с примесью шамота и извести в тесте обнаружена в верхнем горизонте культурного слоя городища Казанка I. Много такой керамики и в раскопках Кремля. Достоверно древнемарийский могильник IX–X вв. был открыт в 1892 году на Борисовской горе между Средним и Дальним Кабаном, где раскопано два захоронения с богатым погребальным инвентарем – серебряными и бронзовыми браслетами, гривной, подвесками, пронизками и пр.

В X–XI вв. интересующая нас территория была занята волжскими булгарами, заложившими позднее военную крепость, из которой и выросла наша современная Казань.

* * *

Археологическое изучение средневековой Казани начинается во второй половине XIX столетия, когда в разных частях ее территории, прежде всего в Кремле, проводятся специальные наблюдения за земляными работами и сборы случайных находок, которые хранятся в настоящее время в фондах Государственного музея Татарстана. Среди этих находок примечательны клады 1861, 1879, 1893 и 1909 годов, состоящие из большого количества джучидских и древнерусских монет XIV– начала XVI вв., гипсовые архитектурные орнаменты от кирпичного здания XV–XVI вв., предметы вооружения и конского снаряжения, в том числе наконечники стрел и копий, каменные ядра, удила, а также обломки булгаро–татарской глиняной посуды. В результате этих сборов в руки исследователей попали материалы, свидетельствующие о существовании города в XIV в., т.е. в эпоху Золотой Орды.

Первые известные нам раскопки на территории Кремля производились в 1881 году П.А.Пономаревым и Н.П.Загоскиным во дворе Юнкерского училища, недалеко от Западной круглой башни. Были обнаружены следы основания обгоревшей дубовой крепостной стены, построенной в ханское время.

Из других примечательных открытий конца XIX в. заслуживают упоминания найденные на территории Архиерейской загородной дачи (Кабанское городище) два мусульманских надгробных камня, стоявшие на могиле болгарской принцессы Алтын–Бертек (ум.1297 г.) и эмира болгарского Хасан–бека (конец XIII в.?); четыре каменных надгробия XV–XVI вв. с армянскими надписями, обнаруженные в районе Третьей Горы (ныне ул. Калинина), где, очевидно, располагалась Армянская колония в окрестностях ханской Казани. Упомянем еще об одном надгробном камне 1530 года, найденном, правда, гораздо раньше, в 1800 году, при закладке фундамента здания Гостиного двора на углу современных улиц Кремлевской и Чернышевского. Он стоял на месте мусульманского кладбища XV–XVI вв.

Следующий этап археологического изучения Кремля охватывает 1925–1954 годы и в основном связан с именем Н.Ф.Калинина, известного археолога, крупнейшего знатока средневековой истории

нашего города. В 1925 году он совместно с проф. В.Ф.Смолиным проводил археологические наблюдения на водопроводной траншее, проложенной южнее Сююмбекиной башни. Здесь были прослежены и впервые документально зафиксированы культурные напластования ханской Казани, содержащие многочисленную красноглиняную булгаро–татарскую керамику. В 1928–1929 годах к северу и востоку от Благовещенского собора под руководством И.Н.Бороздина была заложена серия шурфов, в одном из которых выявились руины белокаменной крепостной стены, проходившей по восточному краю холма. Время строительства ее было определено предположительно XVII в. Забегая несколько вперед заметим, что новыми раскопками 1995–2000 годов доказано существование этой стены еще в домонгольское время.

Интересные материалы были получены в шурфах 1929 года у южной стены башни Сююмбике. На глубине 140–150 см от современной поверхности был выявлен слой Казани ханского периода, в основании которого лежал железный топор, широко распространенный, как выяснилось позднее, в XII – начале XIII вв.

Шурфовка северо–западного угла бывшей Дворцовой церкви выявила в основном культурные отложения Казани после 1552 года с погребениями прицерковного кладбища XVII–XVIII вв. Под русским фундаментом Дворцовой церкви удалось зафиксировать более ранний фундамент из тесаных камней, который резко отличался от русского и напоминал болгарские известняковые кладки. Это открытие дало основание исследователям говорить о постройке Дворцовой церкви на месте исторически известной мечети Нур–Али.

Очень интересны также материалы, полученные Н.Ф.Калининым в 1935 году из небольшого раскопа у северной стены Кремля. В нижних горизонтах культурного слоя мощностью 4,5 м были обнаружены фрагменты глиняной посуды, имеющие яркие аналогии на золотоордынских и болгарских городищах. В числе находок был также наконечник стрелы, бытовавший преимущественно в домонгольское время. Однако из–за малочисленности и невыразительности находок домонгольско–булгарский слой выделить еще не удалось. Привлекают внимание наблюдения Н.Ф.Калинина за особенностями кладки северной крепостной стены Кремля. Он вполне обоснованно предполагал, что наземная, ныне видимая часть кремлевских стен покоится на мощном фундаменте из тесаных каменных

блоков, сложенном еще в ханское время. Это предположение ученого подтверждается и новыми раскопками.

Археологические наблюдения на территории Кремля продолжались в послевоенные годы. В 1947 году в юго–восточной части Кремля была прорыта траншея для водопровода длиной около 150 м. Н.Ф.Калинин впервые зафиксировал здесь остатки двух мусульманских кладбищ: более раннего, очевидно, домонгольского – в районе современного кафе во дворе Министерства культуры и более позднего, может быть, ханского времени – во дворе Министерства сельского хозяйства недалеко от Спасской башни.

В эти же годы Н.Ф.Калинин проводил обследование еще двух археологических памятников в пределах города – Зилантовского “городища” (в совр. Кировском р–не) и Кабанского городища на территории бывшей Архиерейской дачи (в совр. Приволжском р–не). По его мнению, основанному на исторических преданиях, эти памятники могут представлять собою места первоначальной Казани, существовавшей там до ее окончательного переноса на современный Кремлевский холм.

На Зилантовой горе было обнаружено всего несколько фрагментов позднебулгарской (?) керамики и обломок белого изразцового кирпича с голубой поливой. Название горы, вслед за предшествующими исследователями, он связывал с татарскими легендами об обитании множества змей и крылатого змея Зиланта на месте будущей Казани.

Археологические разведки подтвердили вероятность существования небольшого городища со слабыми признаками оборонительных укреплений в северной, возвышенной части Архиерейской дачи. Кладбище с вышеупомянутыми каменными надгробиями могло располагаться на южной, более низкой площадке. Был отмечен слабо насыщенный находками позднебулгарский культурный слой. Н.Ф.Калинин принял это городище за остатки укрепленного феодального замка XIII–XIV вв. и заключил, что он “был одним из зародышей будущей Казани”.

Первые широкомасштабные археологические исследования на территории Казанского Кремля проводились Н.Ф.Калининым в 1953–1954 годах. Тремя раскопами, заложенными около Тайницкой башни, были выявлены мощные отложения древней Казани дорусского времени с богатыми находками. В первом раскопе обнаружены чрезвычайно интересные деревянные конструкции относи-

тельно хорошей сохранности, которые, по мнению исследователя, представляли собой часть ограды ханского двора, стоявшего внутри Кремля, и остатки высокой дозорной башни в северо–западном углу этого двора.

Исследования Н.Ф.Калинина по древней истории Казани были плодотворными. Однако он не смог (да и не стремился) выделить в культурных отложениях Кремля более древние, чем середина XV в., слои, которые, как мы теперь знаем, безусловно, были. Первоначальная Казань отождествлялась им с “Иски Казанью”, расположенной у д. Камаево Высокогорского района Республики Татарстан. В конце XIV в. “Иски Казань” якобы была перенесена на Зилантау и только в середине XV столетия приобрела свое постоянное место на современном Кремлевском холме. Ошибочность концепции “кочующей” Казани была доказана позднее.

В 1971–1978 годах археологические исследования на территории Казанского кремля проводились под руководством проф. А.Х.Халикова, внесшего огромный вклад в изучение древностей средневековой Казани. Главной целью возобновившихся исследований было установление местоположения первоначальной Казани и времени ее возникновения. А.Х.Халиков обращается сначала к старым музейным коллекциям, собранным еще в прошлом столетии, а также материалам раскопок В.Ф.Смолина, И.Н.Бороздина и Н.Ф.Калинина. В этих коллекциях были обнаружены находки, имеющие явно домонгольский возраст.

Археологические раскопки начал Л.С.Шавохин в 1971 году с проверки имеющихся гипотез о вероятном расположении первоначальной Казани на Зилантовой горе, Кабанском городище и на месте предполагаемого “Старого городища” в районе современного Национально–культурного центра “Казань”. Ни в одном из перечисленных пунктов не было зафиксировано ранних материалов. Объектом внимания исследователей становится Казанский Кремль.

В 1971–1973 годах с целью обследования стен Кремля в его северо–восточной части Л.С.Шавохиным было заложено несколько раскопов. Они выявили слой мощностью до 4–5 м, в нижних напластованиях которого встречались находки ханского и золотоордынского времени. Полученные материалы свидетельствовали о строительстве и неоднократных ремонтах кремлевской стены в течение XVI–XIX вв.

Принципиально важными для понимания древнейшей истории Казани были раскопки 1974 года в центральной части Дворцового сада, где сохранились остатки культурных напластований города булгаро-татарского периода. В слое Казанского ханства были расчищены несколько хозяйственных сооружений и большое подполье дома ремесленника, занимавшегося обработкой цветных металлов. Ниже лежащий слой был датирован золотоордынским временем. Самый нижний, древнейший слой, толщина которого не превышала 3–10 см, дал небольшой, но очень ценный датирующий материал – керамику домонгольского времени. Таким образом, в 1974 году археологу Л.С.Шавохину впервые документально удалось установить наличие в напластованиях Казанского Кремля слоя второй половины XII–XIII вв.

Раскоп 1975 года, заложенный в сквере к югу от Благовещенского собора, опять же вскрыл отложения булгаро-татарской эпохи, в том числе и домонгольского периода. В древнейшем слое было изучено несколько хозяйственных сооружений. Среди находок, кроме гончарной керамики, был железный наконечник стрелы, характерный для X – первой половины XIII вв.

Крупные археологические исследования в Казанском Кремле проводились в 1976–1978 годах А.Х.Халиковым и А.Г.Мухамадиевым. В районе башни Сююмбике, несколько южнее, были выявлены следы древнейшей оборонительной стены города, которые сохранились в виде остатков земляного вала, дополнительно укрепленного по верху какими-то деревянными конструкциями. В другом раскопе, заложенном вдоль стены, соединяющей башню Сююмбике с бывшей Дворцовой церковью, выявились следы белокаменных сооружений, интерпретированных А.Х.Халиковым как возможные остатки мечети, сторожевой башни или минарета. Эти здания, судя по находкам, среди которой была и монета Менгу каана 1240–х годов, существовали в золотоордынское время. Любопытно, что их фундаменты уходили под основание башни Сююмбике. В период Казанского ханства к упомянутым зданиям примыкали мавзолеи, воздвигнутые из белого известнякового камня. В раскоп попали руины двух мавзолеев с остатками пяти мусульманских захоронений, в том числе одного детского. Как было установлено исследованиями последних лет, первый из этих мавзолеев принадлежал хану Махмуду (Махмутеку), правившему в Казани в 1445– начале 1460–х годов. Во втором мавзолее лежал гроб с останками хана Мухаммед-Эмина, умершего в 1518 году.

В эти же годы у Дворцовой церкви было изучено более 80 православных захоронений XVII–XVIII вв., а у Тезицкого оврага, недалеко от здания Министерства здравоохранения, вскрывались остатки древнейших укреплений Казани. Эти укрепления представляли собой ров шириной 10–15 м и глубиной до 5 м, а также земляной вал шириной основания около 10–12 м с остатками белокаменной стены толщиной более 1,5 м. Они были сооружены, по утверждению А.Х.Халикова, при основании города во второй половине XII в.

После 1978 года раскопки в Кремле были прекращены, но археологические наблюдения продолжались за его пределами. Так, в 1982 году А.Х.Халиковым были зафиксированы плохо сохранившиеся следы земляного вала и рва ханского времени в районе физкорпуса КГУ, а в районе центрального колхозного рынка при строительных работах обнаружено около десятка мусульманских захоронений, являющихся остатками кладбища исторически известной Кураишевой слободы XV–XVI вв.

В 1985 году небольшие раскопки производились на территории Казанского (Богородицкого) монастыря на ул. Большая Красная, где было установлено местоположение загадочного “Старого городища” XIII–XV вв.

В 1988 году в районе современного здания Президиума Академии наук Татарстана изучались остатки деревянных укреплений посада Казани XV–XVI вв., представляющих собой, по утверждению А.Х.Халикова, мощный частокол из березовых столбов. Рядом располагались остатки кожевенных мастерских, функционировавших, вероятно, еще с золотоордынского времени.

Новый этап в истории археологического изучения средневековой Казани начался в 1994 году. Инициатором и организатором этих исследований выступил Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник “Казанский Кремль”. Перед археологами встала задача определения времени возникновения Казани, изучения социально-исторической топографии и динамики территориального развития города в различные периоды его истории, выявления архитектурных памятников дорусского времени и т.д. Раскопки проводятся Научно-исследовательской группой “Археология Казанского Кремля”, созданной в Институте истории АН Татарстана (руководитель группы Ф.Ш.Хузин).

На территории Кремля проводились крупномасштабные раскопки, которые дали большой материал для воссоздания древнего об-

лика средневекового города и решения некоторых дискуссионных проблем его истории. Культурные отложения домонгольского времени и последующих периодов были выявлены на территории Артиллерийского (Пушечного) двора, в сквере напротив здания Министерства здравоохранения РТ, у края холма за Благовещенским собором. У Воскресенской (Елбугиной) башни Кремля и во дворе Юнкерского училища, где в настоящее время ведется строительство мечети Кул Шариф, изучены слои и сооружения ханского периода.

В культурных напластованиях Кремля выделяется пять разновременных слоев: I слой, современный – XX–XIX вв.; II слой – второй половины XVI–XVIII вв.; III слой, ханского времени, – второй половины XV– первой половины XVI в.; IV слой, золотоордынского времени, – второй половины XIII– первой половины XV вв.; V слой, домонгольский – конца X– начала XI – первой половины XIII вв.

В результате многолетних археологических наблюдений и раскопок, проводившихся на территории Казанского кремля и за его пределами начиная со второй половины XIX в. и до наших дней, были достигнуты определенные успехи в изучении исторической топографии города и примерных границ его в XII–XVI вв.

В последние годы усилия исследователей были направлены на уточнение времени возникновения города. Главнейшим условием археологического доказательства времени основания любого средневекового города является выделение в общей толще культурных напластований древнейшего горизонта (слоя) и правильная датировка его. Древнейший слой в отложениях Кремля выделен и он назван V слоем в общей стратиграфической шкале Кремля. Прослежен он практически во всех раскопах, заложенных севернее Тезицкого рва. Мощность слоя невелика – до 20–25 см вне сооружений. Находки в нем немногочисленны, в основном керамика и кости животных. Керамика преимущественно гончарная, красного, желто–красного и коричневого цвета, хорошего обжига, с характерным широким полосчатым лощением, т.е. типично болгарская домонгольского облика. Такая керамика широко распространена на памятниках Волжской Булгарии X – начала XIII в.

Кроме керамической посуды в древнейшем слое Кремля обнаружены и другие находки, уточняющие вышеприведенную дату. Еще по раскопкам Н.Ф.Калинина 1929 года известен железный топор второй половины XII – начала XIII вв. Во время раскопок 1970–х и 1990–х годов обнаружены более трех десятков наконечников стрел, обломки стеклян-

ных браслетов, шиферные пряслица, лировидные пряжки, сердоликовые бипирамидальные и стеклянные бусы и некоторые другие вещи, массовое бытование которых приходится на XI– начало XIII вв.

В последние годы археологи обнаружили в Кремле следы болгарского поселения конца X– начала XI вв., имеющего, несомненно, отношение к истокам древнейшей Казани. Среди находок, свидетельствующих о столь раннем появлении болгар на месте будущей Казани, обращает на себя внимание небольшая группа лепной горшечной посуды шамотного теста, украшенной небрежно нанесенным волнистым узором по плечу, рифлением по тулову и насечками по краю венчика (рис.46,1,2,7,8). Такая посуда часто встречается в болгарских поселениях Закамья X– первой половины XI вв. Своим происхождением она связана с кухонной посудой салтово–маяцкой археологической культуры Подонья. Но это не хазарская керамика, как считают некоторые исследователи; ее изготавливали болгары и близкие им по этносу и культуре аланы, проживающие в составе Хазарского каганата. В X в. вместе с болгарями “салтово–маяцкая” посуда распространяется и в районах Среднего Поволжья. Среди находок имеются также обломки керамики с добавлением растительности в тесте, которую специалисты рассматривают в группе кочевнической посуды той же салтово–маяцкой культуры. Следует указать еще на находки лепной керамики раковинного теста с гребенчато–шнуровой орнаментацией прикамско–приуральского происхождения (рис.46,4,6).

Наиболее ранними среди женских украшений являются бусы из черного стекла с синими “глазками” в белых кружках, желтые “лимонки”, хрустальные и сердоликовые шаровидные бусинки, широко распространенные в X–XI вв (рис.47). Дротовый браслет с утолщенными концами и циркульными (кружковым) орнаментом на поверхности характерен для поволжских и прикамских финнов (рис.48,7,8). Такого типа браслеты полностью исчезают в первой половине XI в. Еще один браслет, относящийся к типу плетеных из четырех проволочек, и грушевидная привеска–бубенчик с орнаментом на тулове датируются X–XI вв. В одном из раскопов обнаружена лазуритовая подвеска–амулет подромбической формы с орнаментом в виде косых насечек на поверхности. Подобные украшения были в моде у тюркоязычных кочевников юга Восточной Европы первой половины XI в., хотя изредка встречаются и позднее. Бронзовая пряжка от поясного ремня с овальной рамкой и подпрямоу-

гольным щитком имеет аналогии в памятниках X– начала XI вв. Исключительный интерес представляет бронзовая с позолоченной поверхностью накладка на ремень конской сбруи (рис.48,2). Такие находки на территории Восточной Европы встречаются крайне редко. В массовом виде находят их в памятниках Венгрии, особенно в женских погребениях периода завоевания родины. Они были распространены до середины X столетия. Наша же накладка попала в культурный слой древней Казани не позднее X в. Дело в том, что она была использована здесь не по прямому назначению, а в качестве женского украшения, о чем свидетельствует сквозное отверстие для подвешивания по краю бордюра.

Поистине сенсационной оказалась чешская монета (или монетообразный предмет из свинца), обнаруженная в основании древнейшего слоя в раскопе за Благовещенским собором. По мнению специалистов, она чеканена в Праге не позднее 929–930 годов при правлении князя Вацлава, но в Казань попала позднее и была использована здесь опять же в качестве женского украшения – подвески. Еще одна монета – обломок серебряного арабского дирхема первой половины X в. из раскопа в северо–восточной части Кремля была в хождении до рубежа X–XI вв.

Вышеперечисленные материалы дали твердое основание определить время возникновения древнейшей Казани – болгарского поселения на Кремлевском холме концом X– началом XI вв. Эта дата получила дополнительное подтверждение методами естественных наук (радиоуглеродный анализ угля, термолюминисцентный анализ керамики, спорово–пыльцевой анализ почвы).

Находки из домонгольского слоя Казани свидетельствуют о разнотничном составе населения. Обращает на себя внимание полное отсутствие среди них вещей, связанных с сельским хозяйством. Зато достаточно полно представлены предметы вооружения и привозные вещи, указывающие на торговую деятельность горожан. Это закономерно. Как уже указывалось в одном из предыдущих очерков, еще в IX в. Волжская Булгария превращается в крупнейший центр международной торговли. Историки средневековья единодушны в оценке важной роли, которую играл Великий Волжский или Балтийско–Волжский путь в истории народов Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Вдоль этого пути в X в. возникали многочисленные торгово–ремесленные поселения. Эти поселения представляли собой в первую очередь ярмарочные места; места для

торговли с местным населением; пункты, обслуживавшие купцов, а также контролировавшие и охранявшие опасные участки торговой магистрали. Ранние торговые пункты возникали не только на северных участках Балтийско–Волжского пути, но и на Средней Волге. Один из таких крупнейших пунктов располагался в районе Булгара, служившего “до начала XI в. единственными воротами, через которые шла торговля Руси с Востоком” (В.Л.Янин). Однако Булгар был не единственным и даже не самым крупным торговым пунктом в средневожском регионе. Торговые фактории располагались и на Каме, и севернее Булгара по Волге, в том числе и в Марийском Поволжье, средневековые памятники которого буквально изобилуют вещами болгарского и восточного происхождения. В числе ранних торгово–ремесленных поселений булгар на Волге была и Казань.

Освоение Кремлевского холма болгарами происходило с северной мысовой оконечности. Параллельно шло заселение низменных районов у подножья холма, находящихся ближе к р. Казанке, а также Богородицкого холма, расположенного юго–восточнее. Здесь, за пределами укреплений, располагались, очевидно, ремесленные районы.

Отложения, связанные с V слоем, начинают формироваться в ходе возведения крепостных укреплений. Опираясь на археологические исследования последних лет, удалось довольно полно представить размеры защищенной части поселения в северной оконечности Кремля – около 5,5 га.

Южная, напольная, линия укреплений, наиболее мощная, проходила от восточного склона холма вдоль Тезицкого рва до западного края холма. Фортификационные сооружения на этой линии были в виде эскарпированного крутого рва шириной 14 и глубиной 3,7 м. За ним севернее был насыпан вал шириной в основании 12 м и предполагаемой высотой не менее 3 м с проездными воротами.

Застройка внутри города была неплотной и без определенной системы. Фиксируется небольшое количество сооружений различного функционального назначения (в основном хозяйственного). Единственной сквозной улицей, являющейся главной в Кремле и по сей день, являлась, вероятнее всего, дорога, идущая от южных ворот в северном направлении к предполагаемой дозорно–проездной башне конца XII – начала XIII вв. Последняя располагалась, по мнению некоторых исследователей, в районе современной башни Сююмбике.

Усиление роли Волжской Болгарии в регионе и военные набеги русских княжеств на ее территории, участвовавшие во второй половине XII в., нашли отражение в дальнейшем развитии Казани. С этим периодом связано формирование верхнего горизонта домонгольского слоя. Происходит реконструкция крепостных укреплений – создание каменных фортификационных сооружений (рис.49). Мощная каменная стена шириной основания до 1,8–2 м сложена из необработанного известняка “всухую” или же с применением глинисто–известкового раствора. Она защищала поселение с восточной и южной сторон, точно повторяя в своем расположении линию более ранних укреплений.

Город по–прежнему сохранял свое военно–торговое назначение, что подтверждается наличием среди находок значительного количества привозных изделий и предметов вооружения. В то же время происходит развитие неукрепленного ремесленного посада, расположенного за пределами Кремлевского холма на территории бывшего Богородицкого монастыря.

Появление монголо–татар, как известно, наложило свой отпечаток на развитие болгарских городов. Большинство из них прекратило существование. Достоверных фактов, свидетельствующих о разорении монголами Казанской крепости, не обнаружено. В золотоордынский период Казань превращается в один из значительных городских центров Среднего Поволжья. Это находит свое подтверждение в динамике роста города. В начальный период он развивался в рамках домонгольского города, но постепенно расширялась на юг по гребню Кремлевского холма. Развивался и ремесленный посад в районе Богородицкого монастыря. В культурном слое обнаружены джучидские монеты XIII–XIV вв., многочисленные обломки поливной посуды и фрагменты китайского селадона, свинцовые пломбы, стеклянные бусы, изделия из черного и цветного металла, кости и камня.

Укрепления на Кремлевском холме сохранялись весь золотоордынский период в тех же размерах, что и в домонгольское время, хотя фиксируются их разрушение в раннезолотордынское время по восточному склону, что, возможно, связано с известной политикой монгольских ханов, запрещавших городам иметь укрепления.

Постройки на укрепленной территории, т.е. Кремля, стратиграфически восходящие к нижним горизонтам IV слоя, все еще располагаются без определенной системы вдоль центральной городской

улицы. С этими горизонтами соотносится большее количество сооружений, чем в нижележащих напластованиях, что отражает увеличение интенсивности строительства. Последнее и предопределило формирование в будущем регулярной застройки и создание новых улиц. К концу этого периода в укрепленной части возникает внутренняя планировка, просуществовавшая практически до конца XVII в. (рис.50).

Границы посада, примыкавшего к городским укреплениям, доходили до современной улицы Чернышевского. Мусульманское кладбище могло располагаться, судя по наблюдениям Н.Ф.Калинина 1947 года, в юго–восточной части Кремля. К золотоордынскому времени относятся еще два памятника, расположенные за пределами города: Старое городище и Кабанское городище с вышеупомянутыми надгробиями в честь Алтын–Бертек и Хасан–бека. Заметный рост города в XIV–XV вв. в какой–то степени объясняется перемещением значительной части населения из закамских районов Волжской Булгарии в бассейн Казанки и быстрым восстановлением экономики страны в новых военно–политических условиях, связанных с возникновением и расцветом Золотой Орды.

К началу XV в. Казань представляла собой торгово–ремесленный город со значительной ролью в международной транзитной торговле. На ее территории располагались торговые районы и слободы, а также концентрировалось разнообразное ремесленное производство (кожевенное, ювелирное, гончарное, металлургическое и др.). Усилившаяся экономически и политически Казань с сильной крепостью превратилась в условиях распада Золотой Орды в самостоятельный региональный (княжеский) центр.

В середине XV в., точнее, в 1445 году Казань становится административным центром государства, получившего в исторической литературе название “Казанское ханство”. Возникновение “нового” государства произошло в результате отстранения от власти болгарского князя Гали бека и возведения на престол хана Махмуда (Махмутека), сына Улу–Мухаммеда, из династии чингизидов.

Территориальное развитие города второй половины XV– первой половины XVI вв. характеризуется расширением не только ханской крепости (Кремля), но и торгово–ремесленного посада, а также возникновением за пределами укрепленного города открытых поселений типа Кураишевой слободы, “Биш–Балты”, Армянской слободы и др. К середине XVI в. Казань размещалась на площади около 60–

70 га. В ней проживало население численностью около 15–20 тыс. человек. По меркам того времени она относилась к числу крупных городов Восточной Европы.

В этот период закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки города, но происходят и изменения, особенно в расположении укреплений города. Ханская крепость занимала более 2/3 территории современного Кремля. Она была окружена мощной стеной, состоящей из дубовых срубов, плотно заполненных внутри “хрящем” – землей и речным песком вперемежку с камнем. Автор “Казанской истории” писал: “Град же Казань твердыня паче меры, подобен каменной горе, стена дубовая рубленая и в целых древесях, а в городне сыпан ил да хрящ”. Однако в последние годы появились некоторые интересные факты, свидетельствующие о сооружении доныне сохранившихся белокаменных стен Кремля (или каменного фундамента под деревянными стенами) еще в ханские времена. В частности, были выявлены остатки каменной стены по восточному склону Кремлевского холма у современного Президентского дворца, существовавшие в период Казанского ханства. Предположительно с этим временем связана и северная квадратная башня, выявленная под фундаментом круглой башни, сооруженной на этом месте после 1552 г. В любом случае расхожее мнение о строительстве кирпично–каменных укреплений Кремля лишь после завоевания Казани Иваном Грозным нельзя считать единственно верным. К сожалению, фортификация ханской крепости плохо исследована археологически. В точности не известны даже количество башен и их названия. Бесспорно лишь, что современная Тайницкая башня была возведена во второй половине XVI в. примерно на месте бывшей башни Нур–Али. Преображенская башня раньше называлась Тюменской, к которой примыкала посадская стена. Елбугина башня с проездными воротами стояла примерно на месте современной Воскресенской. Главные ворота располагались, по всей вероятности, чуть севернее от современных Спасских.

За южными стенами Кремля начинался плотно застроенный городской посад. Самое раннее известие о неукрепленном посаде находим в русских летописях под 1469 г. Укрепления появляются в 1500 г., когда хан Абдул–Латиф “повеле около града нарядити острог”. Реконструкция посадских стен производилась в 1530 г. при Сафа–Гирее.

Попытки определения границ ханской Казани, локализации посадских стен с их башнями и проездными воротами носят во многом умозрительный характер. По мнению большинства исследователей, южная граница укреплений посада проходила примерно по современным улицам Лобачевского и Астрономической. Археологическим доказательством служат наблюдения 1982 г. в районе физкорпуса КГУ и во дворе дома № 3 по ул. Лобачевского, где были выявлены остатки земляного вала и рва ханского времени. Не исключено, что эти стены проходили еще южнее, в районе спорткомплекса “Уникс”.

Длительная дискуссия шла вокруг вопроса о западной границе посадской стены. Ранние попытки проведения ее за Булаком (Ю. фон Каниц, М.Рыбушкин, М.Богдановский и др.) не нашли поддержку у последующих исследователей. Более доказательной считается точка зрения, согласно которой западная линия укреплений посада проходила восточнее р. Булак (примерно по ул. Островского).

Не меньше споров вызывала локализация восточных границ посада и его укреплений. До недавнего времени (см., например, работы Н.Ф.Калинина, В.П.Остроумова) эту линию проводили от Ленинского сада по улицам Пушкина и Касаткиной (или Тельмана). Далее она пересекала ул. Космодемьянскую, шла по ул. Нагорной и примыкала к Дмитриевским воротам Кремля. Против такого чрезмерного расширения восточных пределов посада выступили А.Х.Халиков и Л.С.Шавохин, которым удалось проследить следы городских укреплений в виде двух рвов и вала между ними в районе Пассажа со стороны ул. Дзержинского.

Много неясностей в вопросе размещения башен и проездных ворот на плане средневековой Казани. В “Царственной книге” перечислены 10 городских ворот: Арские, Аталыковы, Елбугины, Сбойливые, Кабацкие (Кайбатские), Крымские, Муралеевы (Нур–Али), Ногайские, Тюменские, Царевы (Царские). Автору “Казанской истории” известны кроме того Кебековы, Водяные (Сбойливые), Верхние и Нижние Ногайские ворота. В царской грамоте 1555 г., адресованной Казанскому архиепископу Гурию, упомянуты “ворота острожные Кураишевские”.

Как уже указывалось выше, ворота Муралеевы (Нур–Али) сопоставляются с Тайницкой, Елбугины – Воскресенской, Тюменские – Преображенской (Сергиевской) проездными башнями современного Кремля.

Сбойливые ворота, исходя из данных письменных источников, почти все исследователи располагают в районе Дмитриевских ворот Кремля на месте пересечения улиц Батурина, Б.Красной и Нагорной. Царские ворота достаточно уверенно локализируются в районе перекрестка улиц Лобачевского и Кремлевской. К востоку от них в источниках часто упоминаются Арские ворота. Предполагаемое место их размещения находится на пересечении улиц Лобачевского и Дзержинского. Между Арскими и вышеупомянутыми Сбойливыми располагались, вероятно, ворота Кабацкие.

Западнее Царских ворот источники называют Ногайские (Верхние и Нижние), Крымские, Кураишевские и Аталыковы ворота, размещение которых на современной карте Казани весьма условно. На перекрестке улиц Астрономической и Профсоюзной могли располагаться Верхние Ногайские, а далее в сторону Булака – Нижние Ногайские ворота. Затем посадская стена поворачивалась к северу и шла параллельно Булаку. Приблизительно в районе пересечения улиц Островского и Кави Наджми наиболее вероятно размещение Крымских или Кураишевских ворот. В промежутке между Крымскими и Тюменскими следует искать ворота Аталыковы.

Планировка Кремля относительно позднезолотоордынского периода существенно не изменилась. Продолжали функционировать ранее возникшие улицы с деревянным мощением, кроме центральной, выложенной известняковым камнем. Во вновь заселяемых и ранее освоенных территориях выравнивали естественные углубления оврагов. Засыпается ров домонгольской крепости в центре Кремля. В период Казанского ханства начинается интенсивное строительство каменных зданий в древней части города. При описании штурма Казани говорится о множестве каменных зданий, располагавшихся вокруг ханского двора.

Одним из легендарных зданий ханской Казани, бесспорно, является мечеть Кул Шариф. В ходе археологических раскопок выявлено несколько каменных построек ханского времени между современным Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения севернее древнего Тезицкого рва. В ходе их расчистки были выявлены кирпичи, многочисленные облицовочные бирюзовые поливные кашинные вставки. Строительство всего комплекса этих зданий датируется концом XV – началом XVI вв. Пока не удалось выявить конструктивных деталей сооружений, указывающих на точное их функциональное назначение. Расположение этих зданий

и археологический материал позволяют предположить, что они могли входить в комплекс построек мечети и медресе Кул Шарифа.

В описаниях дорусской Казани определенный интерес вызывают также постройки, с которыми связаны погребения казанских ханов. В ходе раскопок 1977 г. у Введенской церкви и башни Сююмбике А.Х.Халиковым были изучены фундаменты двух ханских мавзолеев с несколькими погребениями. В результате сопоставительного анализа сведений полученных естественнонаучными методами и данных, известных по письменным источникам, установлено, что костяк из погребения I принадлежит хану Махмуду (ум. в начале 1460–х годов), а из погребения II – хану Мухамед–Эмину (ум. 1518 г.) (рис.51).

Таким образом, Казань в ханский период представляла собой крупный город с большим укрепленным посадом, Кремлем и ханским двором. В центральной части высились каменные здания с богатым внешним и внутренним убранством. В нем уживались различные религии и народы, участвуя в активной международной торговле, проходящей у стен Казани.

В 1552 году в результате длительной осады и разрушительного штурма город был опустошен пожарами. Оставшееся татарское население было выселено за пределы укреплений. И сразу же после этого начинается процесс активного заселения края русскими переселенцами. Происходит смена культурных традиций, формируется новый уклад городской жизни.

После событий 1552 года город довольно быстро восстанавливается, расширяются его границы, о чем свидетельствуют сведения Писцовой книги 1565–1568 годов. Судя по данным этого источника, в городе проживали переселенцы из более чем 40 регионов России. Все это привело к увеличению посадов, которые разрастаются почти в два раза. Они выходят за пределы Черноозерской протоки и р. Булак. Общая длина деревянных посадских стен с 11 проездными башнями составила около 5 км. За пределами укреплений возникли шесть слобод, но с большим количеством пустых дворов.

Внутренняя застройка города была не очень плотной. В нем насчитывалось около полутора тысяч дворов, значительная часть которых также пустовала. В течение второй половины XVI в. численность населения растет и к началу XVII в. число дворов увеличивается до двух тысяч. Строятся православные храмы и монастыри. В Писцовой книге 1565–1568 годов на территории посада и Кремля описывается 24 храма.

Все эти изменения коснулись и Кремля. По царскому указу 1555г. для строительства каменных укреплений и церквей в Казань были направлены псковские мастера. Ими заново были построены (а в некоторых местах только восстановлены) стены и башни Кремля, возведены каменные церкви. При этом они использовали многовековые традиции, выработанные в русском градостроительстве, но учитывали сформировавшуюся в течение столетий специфику болгаро–татарского градостроительства. Это накладывало отпечаток на размещение новых объектов и их характер.

Кремлевские укрепления были увеличены в размерах. Линия стен в значительной степени повторяла расположение укреплений ханского времени. В общей сложности во вновь отстроенном Кремле начитывалось 13 башен, из которых пять были проездными. Строится большое количество православных храмов и монастырей. Территория, находящаяся под церковными постройками и примыкающими к ним дворами, занимала почти половину Кремля. Помимо зданий, построенных после событий 1552 года, в Казанском Кремле сохранялось какое–то время большое количество построек периода ханства, в основном в северной половине холма.

Таким образом, Казань конца XVI–XVII вв. сохраняет облик средневекового города, сочетающего в себе традиции болгаро–татарской культуры и влившейся в нее русской. Это сочетание можно увидеть в размещении укреплений, планировке улиц, а также в архитектуре зданий более поздних периодов, отражающих в себе симбиоз культур.

Наши представления о средневековом периоде истории Казани из–за скудности источников во многом основаны на догадках и предположениях. Культурный слой Кремля, несмотря на значительные разрушения, остается основным источником в изучении его прошлого. Он запечатлел в себе весь процесс развития города, начиная с момента его возникновения. В результате раскопок в различных частях Кремля удалось уточнить время возникновения древнейшего поселения в северной части Кремлевского холма и установить динамику его последующего роста. Эти представления в будущем должны быть многократно проверены и дополнены новыми фактами, добываемыми археологическими раскопками.

Рис.46. Образцы керамики из древнейшего слоя Кремля.
1–2, 7–8 – фрагменты горшковидных сосудов салтово–маяцкого типа;
4–6 – венчики сосудов прикамско–приуральского типа; остальные – обломки общеполгарской керамики.

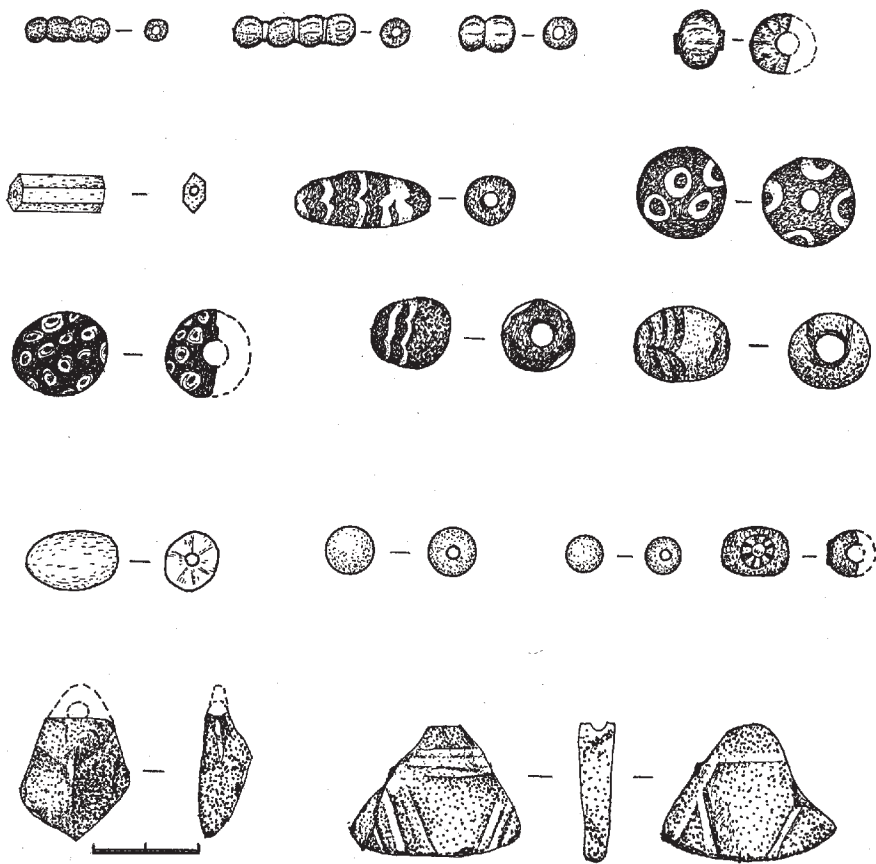

Рис.47. Стекланные и каменные (сердолик, горный хрусталь) бусы, янтарная и лазуритовая подвески из древнейшего слоя Кремля.

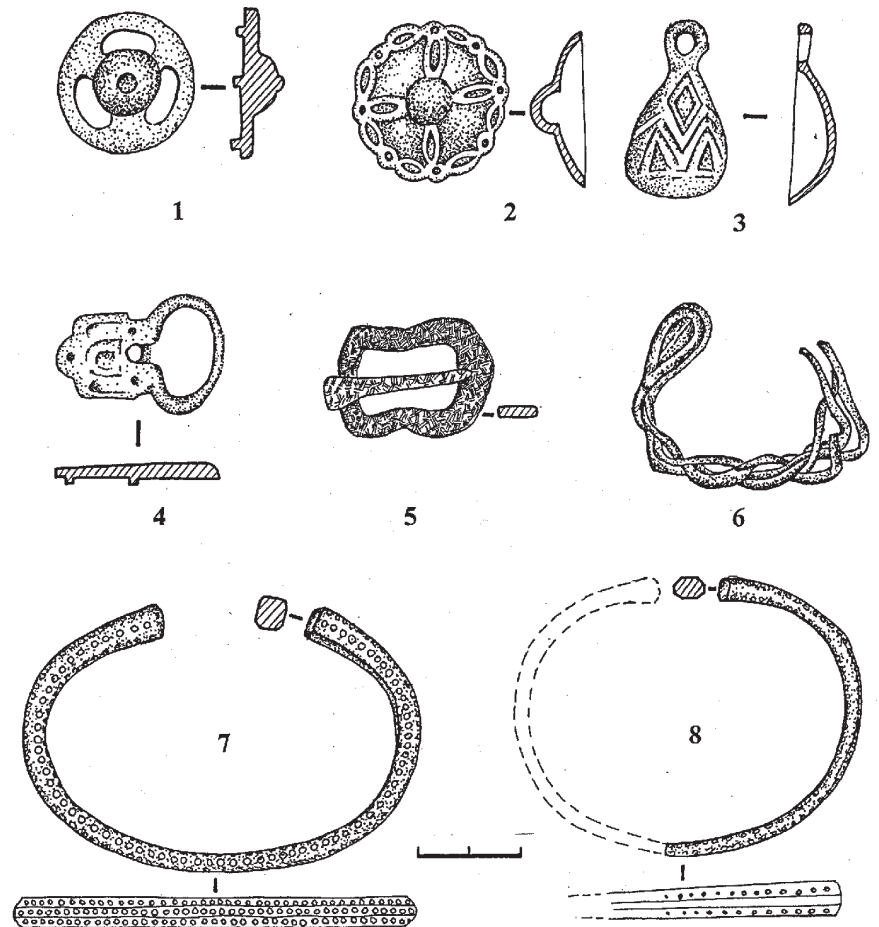

Рис.48. Металлические изделия из древнейшего слоя Кремля.
1 – тройник (распределитель ремней конской узды); 2 – накладка “венгерского” типа; 3 – грушевидная подвеска–бубенчик; 4 – пряжка от поясного ремня; 5 – лировидная пряжка от ремня; 6–8 – браслеты. 5 – железо, остальные – бронза.

Рис.49. Остатки каменной стены XII – начала XIII вв. по восточному краю Кремлевского холма.

Рис.50. Казанский Кремль. 1568 г. Реконструкция по писцовым книгам. Рисунок А.Спориуса.

1 - Зелёный (пороховой) двор; 2 - каменные стены Кремля; 3 - деревянные стены Кремля; 4 - старые городская стена; 5 - деревянные стены посада. Ворота: 6 - Спасские; 7 - Преображенские (Сергиевские, Тюменские); 8 - Тайницкие (Никольские, Муралеевы); 9 - Воскресенские (Елбугины); 10 - Дмитриевские. Рвы: 11 - Спасские; 12 - Старый; 13 - Тезицкий. Улицы: 14 - Большая; 15 - Сергиевская; 16 - Дмитриевская; 17 - К Благовещению. 18 - Таможенная изба; 19 - Изба дьячья; 20 - Спасский монастырь; 21 - тюрьмы; 22 - Государев двор; 23 - Посольский двор; 24 - Конюшенный двор архиерея; 25 - Архиерейский двор; 26 - Благовещенский собор; 27 - Старый царев двор; 28 - Государевы житницы.

Рис.51 а. Скульптурный портрет казанского хана Махмуда по реконструкции антрополога Т.Балуевой.

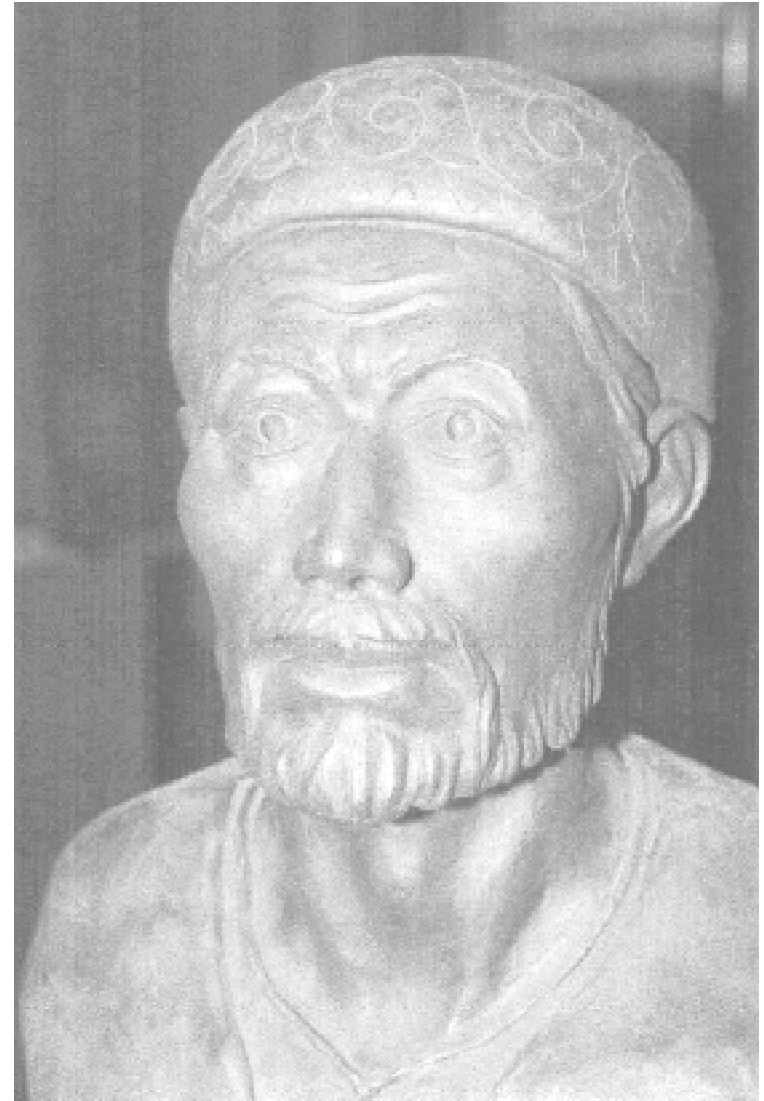

Рис.51 б. Скульптурный портрет казанского хана Мухаммед Эмина по реконструкции антрополога Т.Балуевой.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н.э. – XIV в. н.э.). Елабуга, 1993.
- Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999.
- Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х. Балановская культура // САИ, В1–25, М., 1976.
- Валеев Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно–весовые системы IX–XIII веков. Казань, 1995.
- Военно–оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.
- Древние Чаллы. Казань, 2000.
- Древняя Алабуга. Елабуга, 2000.
- Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ, вып.10. Ижевск, 1970; ВАУ, вып.11. Ижевск, 1971.
- Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.
- Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Збруева А.В. История населения Нижнего Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, № 30, 1952.
- Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976.
- Из истории ранних болгар. Казань, 1981.
- Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII вв. Магадан, 1997.
- Исследования Великого города. М., 1976.
- Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.
- Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. М., 1992.
- Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. Альметьевск, 1999.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945–1952 гг. Казань, 1954.
- Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. 2–е исправленное и дополненное издание. Казань, 1955.
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго–Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Культура Биляра. М., 1985.
- Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы волжско–уральского междуречья. М., 1972.
- Мухамадиев А.Г. Булгаро–татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
- Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990.
- Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.
- Петренко А.Г. Древнее и средневековое скотоводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- Посуда Биляра. Казань, 1986.
- Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань, 2001.
- Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ, вып.Д1–32. М., 1967.
- Смирнов А.П. Сувар // Тр.ГИМ, вып.16. – М., 1941.
- Смирнов А.П. Волжские болгары // Тр.ГИМ, вып.19. М., 1951.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско–Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
- Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков А.Х. Волго–Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Халиков А.Х. Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ, вып.1–24. М., 1980.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья // Происхождение финноязычных народов. Казань, 1991.

Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии //К вопросу об этно–культурном составе населения. М., 1984.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Казань, 1995.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X– начало XIII вв.). Казань, 1997.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско–татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро–татарскую эпиграфику. М.–Л., 1960.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАУ – Вопросы археологии Урала.

ГИМ – Государственный исторический музей.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

САИ – Свод археологических источников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОЧЕРК 1.....	4
П.Н.Старостин. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	
ОЧЕРК 2.....	17
М.Ш.Галимова. ДРЕВНЕЙШИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВОЛГО– КАМЬЯ (ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ)	
ОЧЕРК 3.....	34
Р.С.Габяшев. НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ В ЭПОХУ НЕОЛИТА	
ОЧЕРК 4.....	44
Р.С.Габяшев. ЭНЕОЛИТ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ	
ОЧЕРК 5.....	56
Е.П.Казаков. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ	
ОЧЕРК 6.....	74
В.Н. Марков. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА. ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ VIII–V ВВ. ДО Н.Э.	
ОЧЕРК 7.....	84
П.Н. Старостин. ПЬЯНОБОРСКАЯ КУЛЬТУРА	
ОЧЕРК 8.....	92
П.Н. Старостин. АЗЕЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА	
ОЧЕРК 9.....	100
П.Н.Старостин. ИМЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА	
ОЧЕРК 10.....	119
Е.П. Казаков. КУШНАРЕНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА	

ОЧЕРК 11.....	123
Е.П.Казаков. НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ	
ОЧЕРК 12.....	135
Ф.Ш.Хузин. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ X – НАЧАЛА XIII ВВ. : ТЕРРИТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ, НАСЕЛЕНИЕ	
ОЧЕРК 13.....	145
Ф.Ш.Хузин. ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ. ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ	
ОЧЕРК 14.....	172
Ф.Ш.Хузин. БУЛГАРСКИЕ ГОРОДА В X – НАЧАЛЕ XIII ВЕКАХ	
ОЧЕРК 15.....	197
Ф.Ш.Хузин, А.М.Губайдуллин. МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ	
ОЧЕРК 16.....	209
Р.Ф.Шарифуллин. БУЛГАРСКИЙ ГОРОД ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ	
ОЧЕРК 17.....	221
Е.П.Казаков. ЧИЯЛИКСКАЯ КУЛЬТУРА	
ОЧЕРК 18.....	225
Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдииков. СРЕДНЕВЕКОВАЯ КАЗАНЬ	
СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	252
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	254